

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

17 2025
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 17 (568) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Абхиджит Винаяк Банерджи* (1961), американский экономист индийского происхождения.

Абхиджит Банерджи родился в семье индийских ученых-экономистов Дипака и Нирмалы Банерджи. Он учился в Калькутском университете и в Университете Джавахарлала Неру в Нью-Дели, а докторскую степень получил в Гарвардском университете. Банерджи преподавал в Гарварде и Принстоне, работал в Массачусетском технологическом институте, где с 2003 года является международным профессором экономики фонда Форда.

Первоначально научные интересы Банерджи были связаны с экономической теорией информации, которой была посвящена его докторская диссертация. Наибольшее научное признание в этот период получила его статья «Простая модель стадного поведения», где было показано, что при принятии решений рациональные индивиды учитывают тот выбор, который был сделан до них другими индивидами, исходя из предположения о том, что другие индивиды могли располагать лучшей информацией, чем они.

Работая в Массачусетском технологическом институте, Банерджи обратился к проблемам экономического развития и стал в этой области одним из пионеров применения методов рандомизированных контролируемых исследований, привнес в экономическую науку опыт и методику клинических исследований в медицинской практике, где новые лекарственные препараты и методы лечения должны проходить проверку в ходе двойных слепых рандомизированных испытаний. Отказавшись от теоретических построений общего характера, основное внимание он стал уделять микроэкономическому анализу практических проблем, связанных с экономическим развитием.

На этом этапе научной карьеры ученицей, коллегой, основным соавтором публикаций, а затем и супругой Банерджи стала Эстер Дюфло, вместе с которой в 2003 году они основали лабораторию по борьбе с бедностью имени Абдула Латифа Джамиля при Массачусетском технологическом институте и стали ее содиректорами. Лаборатория является исследова-

тельской сетью, объединяющей ученых по всему миру. Задача лаборатории состоит в проведении рандомизированных контролируемых исследований для ответа на вопросы, имеющие решающее значение для борьбы с бедностью.

Чтобы определить, каковы барьеры, которые мешают бедным улучшить свое экономическое положение, Банерджи и Дюфло провели множество исследований эффективности конкретных программ помощи, получаемой населением беднейших стран от правительственных агентств, международных организаций и благотворительных фондов.

Для этого проводились полевые эксперименты, в которых результаты регионов, входящих в контрольную выборку, сравнивались с результатами регионов, входящих в выборку, которая подвергалась экспериментальному воздействию. Исследуемые программы помощи отличались масштабом и были нацелены на решение широкого круга проблем бедности — в области образования, здравоохранения, микрокредитования, гендерного неравенства, инфраструктуры, сельского хозяйства и др. Результаты исследований были обобщены в книге «Экономика бедных».

Банерджи являлся почетным советником многих организаций и органов власти, включая Всемирный банк и правительство Индии. В 2011 году журнал *Foreign Policy* назвал его одним из 100 ведущих мировых мыслителей. Генеральный секретарь ООН включил Банерджи в состав группы видных деятелей высокого уровня по вопросам разработки повестки дня в области развития на период после 2015 года. Абхиджит Винаяк Банерджи является почетным доктором Лёвенского католического университета, Высшей нормальной школы Лиона и Пенсильванского университета, а также членом Национальной академии наук США и лауреатом множества премий и наград, включая индийскую премию Infosys и премию по экономике памяти Альфреда Нобеля (2019).

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Кубеев А. А.

Законодательный орган субъекта Российской Федерации как субъект регионального законодательного процесса..... 153

Кулишова В. В.

Злоупотребление родительскими правами: правовые аспекты и судебная практика 155

Мамедов Р. Ф., Колесников Н. А.

Полномочия конгресса США по сдерживанию президента США..... 157

Масалаб К. Д.

Смертная казнь в современной Японии: правовые, социальные и этические аспекты... 160

Метлушко О. А.

Соблюдение корпоративной процедуры при наследовании корпоративных прав в обществе с ограниченной ответственностью 161

Набийвоз Э. В.

Убийство при отягчающих обстоятельствах: особенности квалификации..... 165

Павлович Л. С.

Цифровизация ипотечного кредитования в России: правовые вызовы и возможности ... 167

Петрова Е. К.

Проблемы расследования ятрогенных преступлений 170

Роденко Ю. И.

Правовые основы цифровизации здравоохранения в России 172

Самигуллин В. И.

Развитие норм ответственности за нарушения в области финансов, налогов и сборов в отечественном праве 175

Самусик А. М.

О реформировании правозащитного института Уполномоченного по правам предпринимателей в Российской Федерации .. 177

Симинько С. О.

Проблемы типичных следственных ситуаций по делам о получении взятки..... 180

Смирнова А. С.

Анализ судебной практики применения административных наказаний к государственным служащим за административные правонарушения 182

Солдатова К. Д.

Срок как обязательное условие трудового договора..... 186

Стрекалёва Э. С.

Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем с использованием физических лиц 187

Строкина В. Д., Дроздова М. Д.

Проблемные аспекты проведения обыска..... 191

Тимофеев Н. В.

Применение математических методов в праве... 193

Токарева Н. А.

Участие специалиста в следственных и процессуальных действиях на стадии возбуждения уголовного дела 201

Хасаев Х. А.

Судебная защита как один из способов восстановления нарушенных субъективных гражданских прав 203

Хохлова Т. С.

Проблема процессуального статуса потерпевшего 206

Цэрэнханд Э.

Выражение мнений, свобода слова и регулирование правонарушений в законодательстве 209

Шумиловская А. А.

Противоречия профессиональных стандартов и Единого квалификационного справочника в регулировании труда медицинских работников 215

Юфина П. В.

Понятие и сущность интересов ребенка
в семье 219

Яшкина Е. Д.

Защита имущественных прав детей,
оставшихся без попечения родителей 220

ИСТОРИЯ**Кухаренко О. С.**

Реконструкция ритуального текста
Каскахальского блока и введение концепции
кластерных грамм в контексте древнего
письма 223

ПОЛИТОЛОГИЯ**Банько К. А.**

Идеологическая эволюция
антиглобалистского движения: от протеста
к альтернативной модели глобализации 226

**Булавина Е. А., Кузнецова У. В., Кравец А. Д.,
Симакова А. Ю., Нефедова П. Э.**

Гуманитарное сотрудничество стран БРИКС
в меняющемся мире 228

Пикалов Д. С., Высочкина А. А.

Интеграция России и Белоруссии в рамках
Союзного государства 231

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Законодательный орган субъекта Российской Федерации как субъект регионального законодательного процесса

Кубеев Айрат Алексеевич, студент магистратуры
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Исследование особенностей правового статуса законодательного органа субъекта Российской Федерации является важным аспектом анализа регионального законодательного процесса, предопределяя выявление его ключевой роли и основных полномочий в законодательном процессе. Анализ правового статуса законодательного органа субъекта Российской Федерации позволит глубже понять механизмы функционирования региональной власти, их взаимодействие с другими ветвями власти и влияние на социально-экономическое развитие региона. Это исследование способствует выявлению проблем и поиску путей их решения, что является важным для повышения качества регионального законодательства.

Ключевые слова: законодательный орган, законодательный процесс, полномочия, разделение властей.

The legislative body of a subject of the Russian Federation as a subject of the regional legislative process

Kubeev Ayrat Alekseevich, student master's degree
Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law University named after Kutafin

The study of the features of the legal status of the legislative body of a constituent entity of the Russian Federation is an important aspect of the analysis of the regional legislative process, determining the identification of its key role and main powers in the legislative process. An analysis of the legal status of the legislative body of a constituent entity of the Russian Federation will allow for a deeper understanding of the mechanisms of functioning of regional authorities, their interaction with other branches of government and their impact on the socio-economic development of the region. This research helps to identify problems and find ways to solve them, which is important for improving the quality of regional legislation.

Keywords: legislative body, legislative process, powers, separation of powers.

Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» закрепляет, что законодательный орган субъекта Российской Федерации является представительным и единственным законодательным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

При этом, установлен открытый перечень полномочий законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, который включает такие полномочия, как, например, принятие конституции (устава) субъекта Российской Федерации и поправок к ней; законодательное регулирование по вопросам, установление которых отнесено к ведению субъекта Российской Федерации и предметам

совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в пределах полномочий субъекта Российской Федерации; законодательная инициатива в Федеральном Собрании Российской Федерации и другие.

При этом, данный перечень является открытым, что следует, в частности, из пп. «12» п. 2 ст. 8 «регулируются иные вопросы ...»; пп. «8» п. 3 ст. 8 «оформляет иные решения» данного закона. Данные полномочия конкретизируются в иных федеральных законах, и в первую очередь в конституциях (уставах) и законах субъекта Российской Федерации.

К примеру, ст. 72 Конституции Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. определяет конкретные полномочия Государственного Совета Республики Татарстан, например,

полномочия по установлению административно-территориального устройства Республики Татарстан и порядка его изменения; согласованию кандидатуры на должность Прокурора Республики Татарстан; назначению представителей общественности в квалификационную коллегию судей Республики Татарстан и другие.

Однако, преимущественно копируются полномочия, закрепленные в Законе № 414-ФЗ. В частности, ст. 34–36 Устава Оренбургской области от 20 ноября 2014 г. также определен перечень полномочий, который в большинстве своем копирует перечень, установленный пп. 1–4 ст. 5 Закона № 184-ФЗ.

Полномочия регионального парламента в системе высших органов государственной власти субъекта Российской Федерации предопределяется не только осуществляемыми им функциями, но и сложившейся системой организации органов государственной власти субъекта Российской Федерации, которая раскрывает: способы формирования (образования); принципы управления; структуру высших органов государственной власти; модели разграничения компетенции между высшими органами государственной власти; степень участия населения в формировании высших органов государственной власти; ответственность субъекта, наделенного верховной властью, перед населением [2].

Однако, главное предназначение законодательного органа сводится к законодательным полномочиям. Принцип разделения властей, положенный в основу взаимоотношений законодательного и исполнительного органа государственной власти субъекта Федерации, обеспечивает сбалансированность полномочий и исключает сосредоточение всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица [1].

Законодательный процесс в субъектах — сложное многогранное правовое явление, осуществляемое в разных процессуальных формах [3]. Данное направление деятельности представлено двумя важными полномочиями законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации:

— полномочие по принятию конституции (устава) субъекта Российской Федерации и поправок к ней (к нему);

— полномочие по осуществлению законодательного регулирования по предметам ведения субъекта Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в пределах полномочий субъекта Российской Федерации.

В данном случае необходимо уточнить, что органы законодательной власти субъектов Российской Федерации обладают самостоятельностью при решении вопросов, которые законодательно отнесены к их компетенции, и которая, в то же время, не может быть неограниченной [4].

При этом, ст. 12 Закона № 414-ФЗ определяет основы правотворческой деятельности регионального уровня. В частности, определен порядок принятия парламентом субъекта Российской Федерации нормативных правовых актов. В п. 4 ст. 12 Закона № 414-ФЗ конкретизированы особенности рассмотрения проекта закона субъекта Российской Федерации (не менее чем в двух чтениях).

Кроме того, федеральный законодатель распределяет полномочия, по которым региональный парламент принимает законы и постановления. К примеру, законом субъекта Российской Федерации утверждается бюджет субъекта Российской Федерации и отчет о его исполнении, программы социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, заключение и расторжение договоров субъекта Российской Федерации и другие. В свою очередь, постановлением парламента субъекта Российской Федерации принимается регламент указанного органа и решаются вопросы внутреннего распорядка его деятельности; назначаются на должность и освобождаются от должности отдельные должностные лица субъекта Российской Федерации и т. п. При этом законотворчество является лишь частью деятельности законодательного органа государственной власти на уровне конкретного региона.

Таким образом, конституционно-правовой статус регионального парламента включает в себя элементы, которые предопределяют не только его правовое положение в системе государственной власти региона, но и позволяют определить те или иные существенные свойства функциональной деятельности органа законодательной власти субъекта Российской Федерации.

Литература:

1. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации 6-е изд., изм. и доп. М., 2007. С. 656.
2. Лебедева, Н. В. Компетенция законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ // Проблемы права. 2013. № 2 (40). С. 38–42.
3. Кравченко, Л. А. Парламент как институт представительной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2002. № 2. С. 23.
4. Ситников, Е. С. Законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта РФ: полномочия и структура // NOVAUM.RU. 2016. № 1. С. 17.

Злоупотребление родительскими правами: правовые аспекты и судебная практика

Кулишова Владислава Вадимовна, студент

Научный руководитель: Цуканов Олег Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья рассматривает взаимосвязь прав родителей и детей в контексте законодательства Российской Федерации, акцентируя внимание на роли Семейного Кодекса РФ в регламентации родительских прав. Автор подчеркивает, что родительские права, как категория социальных прав, должны обеспечивать защиту интересов ребенка, способствуя его воспитанию и нормальному развитию. В статье также обсуждаются случаи злоупотребления родительскими правами, которые могут негативно сказываться на благополучии детей, а также сложности в определении этого понятия в юридической практике.

Ключевые слова: права родителей, права ребенка, Семейный Кодекс РФ, защита прав детей, злоупотребление родительскими правами, органы опеки и попечительства, обязанности родителей, гарантия прав ребенка, судебные споры, лишение родительских прав, защита интересов ребенка.

Все граждане Российской Федерации обладают определенным набором субъективных прав, которые вытекают как из Конституции Российской Федерации, так и из отраслевых законодательных актов. Права родителей подробно регламентируются Семейным Кодексом РФ.

Можно сказать, что родительские права — это категория социальных прав, которая предполагает наличие имущественных и личных неимущественных прав лиц, являющимися родителями и также субъектами семейных правоотношений. Эти права в идеальном случае должны обеспечивать защиту интересов ребенка, иметь целью его воспитание, содержание, образование и нормальное развитие. Исходя из этого, можно сделать вывод, что родительские права фактически являются гарантом реализации прав ребенка.

Под правами ребенка понимают совокупность прав, правомочий, возможностей, которые присущи детям как отдельной социальной группе. Они подразумевают создание определенных условий, которые способствовали бы благополучию и безопасности детей, а также поддерживали их здоровое развитие и индивидуализацию.

Из данных определений вытекает мысль о том, что права родителей и детей находятся в сильной взаимосвязи, а если быть точнее, реализация прав ребенка во многом зависит от добросовестного исполнения своих прав и обязанностей родителями.

Дети всегда зависят от взрослых в вопросах защиты, заботы и воспитания. Их физическое и эмоциональное состояние напрямую связано с действиями и решениями родителей или опекунов, что делает детей особенно уязвимыми к злоупотреблениям родительскими правами. К тому же дети неспособны самостоятельно и в полной мере осуществлять свои права и интересы вследствие отсутствия жизненного опыта и других причин.

По данным причинам проблема защиты прав детей становится особенно актуальна в условиях злоупотребления родителем своими правами по отношению к ребенку, так как именно на родителях лежит обязанность осуществлять права несовершеннолетнего от его имени.

Семейный Кодекс РФ не дает четкого определения понятию «злоупотребления родительскими правами». Поэтому в научной среде существует множество мнений по поводу данного термина. Спириденко П. Л. считает, что под злоупотреблением родительскими правами можно понимать «виновное, систематическое использование предоставленных законом родительских прав по воспитанию и содержанию детей, которое противоречит их значению и интересам ребенка, влекущее за собой причинение ему вреда» [1, с. 172].

Исходя из точки зрения Кудрявцевой Л. В., Куемжиевой С. А., Масленниковой Л. В. можно сделать вывод, что злоупотребление родительскими правами — это использование этих прав в ущерб интересам детей, что может проявляться в различных формах. К таким формам относятся создание препятствий для обучения, склонение ребенка к антисоциальному поведению, такому как попрошайничество, воровство, проституция, а также к употреблению спиртных напитков или наркотических средств [2, с. 86].

По мнению Ульяновой М. В. злоупотребление родительскими правами может проявляться, когда родители оказывают давление на ребенка, принуждая его к занятиям, например, таким как музыка или спорт, вопреки его желаниям. При этом они могут угрожать применением наказаний, как телесных, так и связанных с ограничениями и запретами. В таких случаях, родители, как правило, не действуют из корыстных побуждений, а искренне полагают, что поступают в интересах своего ребенка. Однако такое злоупотребление родительскими правами может иметь разрушительное влияние на психическое и эмоциональное состояние детей [3, с. 672].

В 2017 году Постановлением Пленума Верховного суда РФ № 44 было отражено содержание понятия «злоупотребление родительскими правами»: «использование этих прав в ущерб интересам детей, например создание препятствий к получению ими общего образования, вовлечение в занятие азартными играми, склонение к бродяжничеству, попрошайничеству, воровству, проституции, упо-

реблению алкогольной и спиртосодержащей продукции, наркотических средств или психотропных веществ, потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, вовлечение в деятельность общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности» [4].

За примером злоупотребления родительскими правами можно обратиться к судебной практике. Дело, рассмотренное Железнодорожным районным судом г. Орла: вначале суд отказал в иске органа опеки о лишении отца родительских прав несмотря на то, что мать ребенка была ранее лишена прав и ребенок был изъят из семьи на основании распоряжения администрации. Суд счел, что отец проявляет заботу о сыне, принося продукты в реабилитационный центр, и не нашел доказательств его жестокого обращения.

Однако судебная коллегия Орловского областного суда, отменив решение первой инстанции, указала на несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам. В ходе разбирательства выяснилось, что отец длительное время не работает, не раз привлекался к административной ответственности, а также злоупотреблял спиртными напитками. Педагоги и специалисты опеки отмечали, что он не обеспечивал должный уход за сыном, в результате чего тот часто оставался голодным. В одном из случаев отец забыл забрать ребенка из детского сада из-за алкогольного опьянения. При медицинском осмотре в реабилитационном центре у ребенка были обнаружены следы побоев, и он сообщил, что его обижает отец.

На основании этого суд кассационной инстанции принял решение об ограничении родительских прав отца в отношении сына [5].

Согласно судебной статистике по семейным спорам за 2023 год судами было принято к рассмотрению более 41 тыс. дел, касающихся лишения и ограничения родительских прав (34 882 о лишении родительских прав и 6 627 об ограничении родительских прав), и примерно 82 % из общего числа исков были удовлетворены [6]. Если верить словам юриста Виктории Шакиной только 5,2 % удовлетворённых исков о лишении родительских прав связаны со злоупотреблением родителями своими правами по отношению к ребенку [7].

Другими основаниями для лишения родительских прав, согласно ст. 69 СК РФ, могут быть [8]:

- Уклонение родителей от выполнения своих обязанностей (в том числе уплаты алиментов);
- Жестокое обращение с ребенком (в том числе физическое и психическое насилие, а также покушение на половую неприкосновенность);
- Совершение умышленного преступления против здоровья и жизни своего ребенка (а также против жизни и здоровья другого члена семьи);
- Отказ родителя без уважительной причины взять своего ребенка из родильного дома или другой медицин-

ской организации (а также образовательной организации, организации социального обслуживания и т. п.);

- Наличие у родителя хронических заболеваний алкоголизмом или наркоманией.

Важно дополнить, что дети могут защищать свои права в судебном порядке и самостоятельно, что особенно актуально в условиях злоупотребления родителями своими правами по отношению к ребенку. В соответствии с п. 2 ст. 56 СК РФ при нарушении своих законных прав и интересов ребенок вправе самостоятельно обращаться в органы опеки и попечительства за защитой, а по достижению 14 лет — непосредственно в суд.

Тут нужно отметить, что в данном случае очень важна роль органов опеки и попечительства. Они обязаны добросовестно отреагировать на полученную информацию о нарушении прав ребенка и принять соответствующие меры по защите его интересов. Органы опеки и попечительства могут содействовать урегулированию спора как в досудебном порядке (например, встреча с родителями ребенка и обсуждение сложившейся ситуации), так и в ходе судебного разбирательства (сотрудники органов опеки и попечительства предоставляют суду акт обследования условий жизни ребенка, что помогает суду прийти к выводу о целесообразности лишения родительских прав). Органы опеки и попечительства также могут сотрудничать с подразделениями органов внутренних дел РФ, Прокуратурой, Комиссией по делам несовершеннолетних, а также участвует в исполнении решения суда по семейным спорам (например, в случае лишения родительских прав, они подбирают семьи, которые готовы принять на себя обязанности опекунов или попечителей для детей, оставшихся без опеки родителей).

В заключение, можно отметить факт отсутствия законодательного определения «злоупотребления родительскими правами» в Семейном кодексе РФ создаёт сложности в правоприменении. Суды и органы опеки вынуждены руководствоваться разрозненными толкованиями (например, Постановлением Пленума ВС РФ от 14.11.2017 № 44) и доктринальными подходами, что приводит к неоднозначности решений. Зависимость несовершеннолетних от родителей и их неспособность самостоятельно защищать свои права повышают риски систематических нарушений, включая физическое, эмоциональное и социальное насилие.

Также судебная практика демонстрирует, что злоупотребления часто маскируются под «благие намерения» (например, принуждение к занятиям спортом) или остаются незамеченными из-за недостаточной доказательной базы. При этом только 5,2 % удовлетворённых исков о лишении родительских прав связаны именно со злоупотреблениями, что указывает на слабую выявляемость таких случаев либо их недостаточную правовую квалификацию.

В связи с этим представляется целесообразным, например, внести в Семейный кодекс РФ чёткое определение «злоупотребления родительскими правами», интегрировав позиции Верховного Суда, а возможно

и научные подходы. Требуется ввести важные процессуальные улучшения, в частности, обязательное участие психологов и педагогов в судебных процессах для оценки реального воздействия действий родителей на ребёнка, а также усилить роль органов опеки в досудебном сборе доказательств (например, регулярные проверки условий жизни, опросы детей в безопасной обстановке).

Немаловажным по мнению автора является внедрение профилактических мер. А именно создание системы раннего выявления семейного неблагополучия через школы, детские сады и поликлиники с обязательным информиро-

ванием органов опеки о «тревожных сигналах» (прогулы, следы побоев, агрессивное поведение). Также необходима разработка различных образовательных программ родителей, разъясняющих границы допустимого поведения и последствия злоупотреблений в отношении их детей.

Таким образом, проблема злоупотребления родительскими правами требует комплексного подхода — от чёткой законодательной базы до превентивных мер. Ключевая цель — это сместить акцент с наказания на раннюю профилактику, обеспечив приоритет интересов ребёнка без разрушения семейных связей, где это возможно.

Литература:

1. Спириденко П. Л. Злоупотребление родительскими правами как основание для их лишения // Евразийский научный журнал. 2018 г. № 10 (4). С. 172–174.
2. Кудрявцева Л. В., Куемжиева С. А., Масленникова Л. В. Актуальные проблемы семейного права: учеб. пособие / Л. В. Кудрявцева, С. А. Куемжиева, Л. В. Масленникова. — Краснодар: КубГАУ, 2019 г. — 104 с.
3. Ульянова М. В. Пределы осуществления семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 658–682.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» от 14.11.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018 г. — № 1.
5. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. Июль. 2012.
6. Судебная статистика РФ по гражданским спорам за 2023 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.api-пресс.рф>
7. Адвокат назвала наиболее частые причины лишения родительских прав // ИА Регнум. — 2022 г. — 22 апреля. — [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/3572791>
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 1996 г. № 1. Ст. 16.

Полномочия конгресса США по сдерживанию президента США

Мамедов Рафаэль Физулиевич, студент;

Колесников Никита Алексеевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье авторы исследуют историю Конгресса США и его полномочия по сдерживанию исполнительной ветви власти.

Ключевые слова: Конгресс, полномочия, США, Конституция.

Конгресс США состоит из двух палат: Сената и Палаты представителей. Палата представителей — нижняя палата и призвана представлять общенациональные интересы, а Сенат — верхняя палата и является органом представительства штатов. Палата представителей переизбирается каждые два года. Сенат же обладает особым статусом, так как он каждые два года переизбирает лишь треть своего состава, таким образом становясь постоянно действующим органом. Особый статус Сената также обусловлен наличием у него самостоятельных полномочий: по совету и с согласия Сената Президент назначает должностных лиц, судей, заключает международные договоры.

Раздел 1 статьи I Конституции США наделяет Конгресс законодательной властью. А раздел 8 той же статьи закрепляет обширный перечень его полномочий [1]. До XX века Конгресс занимал ведущее место в системе органов государственной власти США/

Само по себе наделение федерального Конгресса такими серьезными полномочиями, как, например, установление налогов, сборов, пошлин, акцизов, регулирование торговых отношений между штатами и с иностранными государствами и т. д. стало результатом компромисса, достигнутого в 1787 г. между федералистами-сторонниками сильной центральной власти и демократами — антифе-

дералистами, боявшимися нарушения прав и интересов малых штатов.

Изначально объединение штатов было обусловлено ростом революционного движения, появлением общего врага- метрополии, необходимостью какой-либо координации действий. На этой основе созывается Континентальный Конгресс, ставший политической трибуной и своего рода консультативным органом. В ходе Третьего Континентального Конгресса принимается Декларация независимости, в которой колонии впервые названы Соединенными Штатами Америки. Также на Континентальном Конгрессе был поднят вопрос о реальном политическом объединении штатов, был подготовлен проект «Статей конфедерации», по которому Конгресс наделялся большими полномочиями и предусматривалось создание исполнительных органов власти. Этот союзный проект был отвергнут, так как недавно освободившиеся от власти Короны штаты не желали снова ограничивать свой суверенитет и передавать часть своей власти в пользу центра. Второй вариант проекта «Статей Конфедерации и Вечного Союза», в итоге одобренный и ратифицированный штатами, подразумевал создание своеобразного государственного образования- Конфедерации, единственным центральным органом становился однопалатный Конгресс, для съезда на который ежегодно избирались делегаты от каждого штата. Для принятия решений в Конгрессе было необходимо согласие двух третей штатов, также у конфедеративного Конгресса отсутствовали полномочия по регулированию торговли между штатами, что делало неизбежным торговые войны между ними, полномочия по установлению и сбору налогов и т. д. Конфедерация была, по выражению Д. Вашингтона «узами из песка», то есть крайне зыбким государственным образованием. Резкое ухудшение в 1780-х годах экономических и политических позиций Конфедерации, а также обострение социальных противоречий вынудило штаты пересмотреть «Статьи Конфедерации», а в результате этого переосмысления и появилась Конституция 1787 г. [2, с. 25–35].

Самым сильным рычагом давления Конгресса на Президента является «власть кошелька»- право Конгресса на ассигнования деятельности исполнительных органов. Это право предусмотрено разделом 9 статьи I Конституции США — положение об ассигнованиях (англ. «appropriations clause»). Это положение, как и многие другие, неоднозначно и может истолковываться по-разному. Например, профессор Йельской школы права Кэйт Стит считает, что исполнительная ветвь власти обязана тратить денежные средства, не важно даже получены они из Казны или из другого источника, только с разрешения Конгресса, это она назвала «принципом контроля ассигнований» (англ. «Principle of Appropriations Control») [3, с. 1345]. Таким образом, Конгресс может влиять на исполнительную власть просто ограничивая ассигнования на действия исполнительной ветви.

С профессором Стит не согласен доктор юриспруденции Стэнфордского Университета Грегори Сидак. Он

утверждает, что толкование положения об ассигнованиях как «законодательное вето на действия Президента» в лучшем случае сомнительно [4, с. 1163]. Сидак пишет, что воспринимать положение об ассигнованиях как «власть кошелька», то есть как рычаг давления на другие ветви власти- неправильно и расходится с истинным значением этого положения. Так, автор подмечает, что положение об ассигнованиях расположено в разделе 9 статьи I, этот же раздел содержит множество ограничений для законодательной власти, например, о том, что ни один билль об опале или закон, имеющий обратную силу, не должны приниматься. Ни одно из положений раздела 9 не дает Конгрессу «утвердительных полномочий» (англ. «affirmative powers»), подобные полномочия содержатся в разделе 8. То есть положение об ассигнованиях должно рассматриваться как ограничение законодательной власти. Сидак приводит также похожее положение из «Статей Конфедерации», которое звучит так: «Конгресс Соединенных Штатов должен иметь полномочия... определять необходимую сумму денег, которые должны быть собраны на службу Соединенным Штатам и для покрытия государственных расходов». В этом контексте, как считает автор, согласно Конституции, «власть кошелька» правильнее воспринимать как «обязанность охранять кошелек» [4, с. 1166].

Тем не менее Конгресс использовал свою «власть кошелька», например, для окончания военной кампании во Вьетнаме, сокращая ее финансирование в 1975 г. и прекратив финансирование в 1976 г. [5].

Конгресс имеет определенные полномочия в отношении решения вопросов войны и мира. Так, согласно разделу 8 статьи I Конституции США, право объявлять войну предоставлено Конгрессу [1]. Еще в 1793 г. Дж. Мэдисон писал: «Полномочие объявлять войну, включая полномочие определять повод и основание к войне, полностью и исключительно входит в компетенцию законодательного органа» [7, с. 247]. Без санкции Конгресса Президент мог распорядиться о начале военных действий только для отражения внезапного нападения на страну и для подавления восстаний и мятежей. Но к формальному объявлению войны Конгресс прибегал только в пяти случаях: во время войны с Англией 1812–1814 гг., мексиканской войны 1846–1848 гг., испано-американской войны 1898 г., Первой и Второй мировых войн. В остальных случаях решение о применении военной силы решалось Президентом самостоятельно. Это, например, войны в Афганистане и Ираке, бомбардировка Югославии (1999 г.) и Пакистана (2005 г.), участие в военных действиях против повстанцев на Филиппинах (2002 г.) и т. д.

Тот же раздел 8 наделяет Конгресс правом «формировать и содержать армии..., создавать и обеспечивать флот, издавать правила по управлению сухопутными и морскими силами и их организации», но до войны во Вьетнаме этот механизм не применялся. В 1973 г. Конгресс, преодолев отлагательное вето Президента Никсона, принял Акт о военных полномочиях (англ. «War

Powers Act») [6], согласно которому Президент, в отсутствие объявления войны Конгрессом, может применить вооруженные силы только в случаях: а) отражения нападения на США, их территории или владения, необходимости принятия ответных действий и предотвращения прямых и неминуемых угроз такого нападения; б) отражения нападения на Вооруженные силы США, дислоцированные за пределами США; в) необходимости защиты граждан США во время проведения их эвакуации из любой страны, жизни которых подвергаются прямой угрозе, которая вызвана действиями правительства этой страны или не может быть им предотвращена; г) наличия конкретного законодательного разрешения.

Причем прежде чем применить военную силу, Президент в каждом возможном случае должен консультироваться с Конгрессом. Если военные действия начались, Президент обязан в течение 48 часов представить Конгрессу доклад в письменном виде. В докладе должны указываться: обстоятельства, вызвавшие необходимость использования Вооруженных сил Соединенных Штатов; полномочия по Конституции и законодательству, в соответствии с которыми было осуществлено их использование; оценка масштаба и продолжительности военных действий или угрозы вовлечения в них. Без санкции Конгресса военные действия могут продолжаться не более 60 дней. В крайних случаях срок может быть продлен на 30 дней, если Президент сможет убедить Конгресс в целесообразности этого решения. Количество таких продлений не ограничено законом. Однако если Конгресс примет совпадающую или совместную резолюцию, в которой содержится требование прекратить военные действия, Президент обязан подчиниться до истечения как первого, так и второго срока.

Акт 1973 г. носит двоякий характер. С одной стороны, он в известной степени ограничивает Президента, но с другой стороны, он дал ему законное право на проведение военных операций в течение как минимум 60 дней без объявления войны. Президенты часто пренебрегали положениями этого акта. Например, предварительные консультации с Конгрессом по поводу применения военной силы практически не проводятся, в 1986 г. во время бомбардировки в Ливии «консультации» начались, когда самолеты уже заходили на цель. Или, например, во время военной операции в Косово Клинтон превысил 60-дневный срок без разрешения Конгресса [7, с. 249].

Серьезным рычагом давления Конгресса на исполнительную ветвь власти является право проводить расследования. Ни одно из положений Конституции прямо не уполномочивает Конгресс на проведение подобных расследований, однако таким правом обладал Парламент Британии, а также законодательные ассамблеи штатов еще до принятия Конституции. Впервые Конгресс воспользо-

вался этим правом в 1792 г. для расследования случая разгрома армии генерала Клэра индейцами на северо-западе. Суд согласился с Конгрессом в том, что право на расследования очень важно и вытекает из самого наделения Конгресса законодательной властью [8, с. 1]. С тех пор Конгресс расследовал множество дел, в том числе в центре его внимания был Уотергейтский скандал, приведший к отставке Никсона [9], а также дело «Иран-контрас», связанное со скандалом вокруг администрации Рейгана, члены которой в обход запрета Конгресса финансировали повстанцев-контрас [10].

Также Конгресс обладал правом вето на действия исполнительных органов. В начале 1930-х гг. Конгресс по-новому использовал встречные (одобренные обеими палатами) и простые резолюции, издавая их с целью отмены некоторых полномочий, делегированных Президенту или неодобрения конкретных действий исполнительной ветви. Сначала Конгресс использовал эти резолюции в ответ на действия, связанные с реорганизацией агентств, изменением тарифных ставок, но вскоре Конгресс расширил этот механизм и наделил себя полномочиями через эти резолюции отменять акты органов исполнительной власти, что вызвало вопросы о конституционности такой практики. В 1983 г. Верховный суд признал подобные резолюции неконституционными и пояснил, что вопрос о том, является ли действие Конгресса осуществлением законодательной власти зависит не от его формы (резолюция, закон и т. д.), а от содержания. И так как эти резолюции были направлены на изменение прав, обязанностей и отношений лиц, то по сути они являются законодательными актами и требуют подписи Президента. С тех пор Конгресс был ограничен в издании подобных резолюций, и подобная практика практически прекратилась [11].

Наконец, самым важным рычагом давления на Президента является право возбуждения процедуры импичмента. Импичмент — это политический процесс, суть которого сводится к отстранению должностного лица от должности. Субъектами ответственности по импичменту могут быть Президент, Вице-президент, судьи, иные должностные лица. Основания привлечения к импичменту — измена, взяточничество или иное тяжкое преступление. В 1974 г. угроза быть отстраненным по импичменту вынудила Никсона самостоятельно уйти в отставку. Импичмент объявлялся также Президентам Эндрю Джонсону в 1868 г., который остался в должности лишь благодаря перевесу в один голос в Сенате, Биллу Клинтону в 1998 г. и Дональду Трампу в 2019 и 2021 г., которые также были оправданы. Хотя импичмент применяется не так часто, а еще реже приводит к отстранению лица от должности, всё же сама угроза возбуждения процедуры импичмента вынуждает президента считаться с мнением Конгресса.

Литература:

1. US Constitution, 1787. Электронный ресурс, URL: <https://constitution.congress.gov/constitution/>;

2. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 2 / Под общ. ред. д. ю. н., проф. О. А. Жидкова и д. ю. н., проф. Н. А. Крашенинниковой. — 2-е изд., стер. — М.: Издательство НОРМА, 2003. — 720 с.;
3. Congress' Power of the Purse, Kate Stith, Yale law journal Vol. 97, No. 7 (Jun., 1988), pp. 1343–1396 (54 pages). Электронный ресурс. URL: <https://www.jstor.org/stable/796443>;
4. J. Gregory Sidak, Duke Law Journal, Vol. 1989, No. 5 (Nov., 1989), pp. 1162–1253 (92 pages). Электронный ресурс, URL: <https://www.jstor.org/stable/1372517>;
5. What Happened When Democrats in Congress Cut Off Funding for the Vietnam War? History News Network, Lauren Zanolli, Originally published 4–13–07. URL: <https://hnn.us/articles/31400.html>
6. The War powers act, URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/93/hjres542/text>
7. В. И. Лафитский Конституционный строй США. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2007. — 320 с.
8. Congressional Oversight and Investigations, Congressional research service. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/IF10015.pdf>;
9. Watergate scandal, Rick Perlstein, Britannica. <https://www.britannica.com/event/Watergate-Scandal>;
10. The Iran-Contra Affair: Ronald Reagan's Arms Sales Scandal. Robert Longley, ThoughtCo. URL: <https://www.thoughtco.com/the-iran-contra-affair-4175920>;
11. Legal information institute. The legislative process, The Legislative Veto. <https://www.law.cornell.edu/constitution-conan/article-1/section-7/clause-1-3/the-legislative-process>

Смертная казнь в современной Японии: правовые, социальные и этические аспекты

Масалаб Кирилл Дмитриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Болотина Елена Валентиновна, доктор юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассматривается применение смертной казни в современной Японии, её правовые основы, процедура исполнения, а также социально-культурные факторы, влияющие на её сохранение. Несмотря на глобальную тенденцию к отмене смертной казни, Япония остаётся одной из немногих развитых демократий, где она продолжает применяться. В работе анализируются аргументы «за» и «против» смертной казни в японском контексте, её влияние на правосудие и общественное мнение.

Ключевые слова: смертная казнь, Япония, уголовное право, правосудие, общественное мнение, права человека.

Смертная казнь остается одной из самых спорных тем в современном обществе, поскольку она представляет собой лишение жизни как форму наказания, легализованную в некоторых странах. Во многих странах мира смертная казнь считается незаконной, а также жестокой и негуманной, нарушающей основные права человека, зафиксированные в Всеобщей декларации прав человека [2, с. 1]. Однако некоторые государства придерживаются противоположной позиции, считая такую меру необходимой для наказания особо опасных правонарушителей.

Мы ставим перед собой следующую задачу, проанализировать особенности применения смертной казни в Японии, её правовое регулирование, процедуру исполнения, а также отношение общества к этой мере наказания.

На сегодняшний день лишь четыре развитые страны практикуют смертную казнь, и одной из них является Япония. Японское общество в целом положительно относится к этой самой строгой мере наказания. Это вос-

приятие во многом связано с историческими традициями страны, когда самураи могли совершать самоубийство в случае своей вины. Через сэппуку (харакири) самураи проявляли свою доблесть перед лицом смерти и демонстрировали высочайшую моральную чистоту. В современном мире сэппуку крайне редко встречается и всегда вызывает общественный резонанс. Последний известный случай произошел в 2001 году, когда известный дзюдоист Исао Инокума покончил жизнь таким образом в условиях тяжелых финансовых проблем в своей компании.

Говоря о смертной казни, стоит отметить, что в законодательстве Японии предусмотрено 14 тяжких преступлений, за которые возможно вынесение такого приговора. Однако на практике смертная казнь применяется преимущественно за убийства с отягчающими обстоятельствами. Наибольшее количество подобных приговоров выносятся в случаях, связанных с множественными убийствами, хотя известны и случаи, когда судил людей к смертной казни за единичные убийства, если они были особенно жестокими, включая пытки или похищения с целью вымогательства.

В Японии, в отличие от многих других стран, осуждённые к смертной казни могут долгие годы ожидать её исполнения. Это происходит из-за акцента на соблюдение справедливости наказания. Существует вероятность судебной ошибки, поэтому судебные органы откладывают выполнение приговора, предоставляя возможность пересмотра дела и оправдания для осуждённых. Однако сами преступники обычно считают ожидание ещё более мучительным, так как оно сопровождается психологическим давлением. Их содержат в специализированных учреждениях, в малых камерах и отдельно от других, значительно ограничивая контакт с внешним миром, физическую активность и развлечения, запрещая ложиться спать без разрешения надзирателя, а также держат свет в камере включённым [3, с.80].

Смертные приговоры выносятся судами присяжных (система «сайбан-ин», введённая в 2009 году), но окончательное решение утверждается Верховным судом.

Смертная казнь не может быть осуществлена в дни национальных праздников, по субботам и воскресеньям, а также в период с 31 декабря по 2 января.

Согласно статье 11 Уголовного кодекса Японии, казнь осуществляется в тюрьме путем повешения. Осуждённый помещается в тюрьму до момента исполнения приговора [2, с. 5]. Сообщение приказа о казни передается осуждённому в утренние часы в день казни.

Помещение для исполнения смертной казни оснащено люком в полу и креплением для веревки. Механизм открытия люка находится в соседней комнате и состоит из

трёх устройств с пультами управления. Чтобы люк открылся, трое охранников должны одновременно нажать свои кнопки. Этот подход позволяет распределить ответственность, так как ни один из них не чувствует себя единственным, от чьего действия зависит смерть осуждённого.

Родственники, законные представители казнённого и общественность узнают о приведении приговора в исполнение только после того, как оно состоялось. Начиная с 7 декабря 2007 года, власти стали публиковать данные казнённых: их имена, характер преступлений и возраст.

В 2021 году в Японии были казнены трое осуждённых. Первым стал Ясутака Фудзисиро, приговорённый за убийство семерых людей. Затем казнили двух мужчин, виновных в ограблении игрового зала и убийстве сотрудника.

Более 80 % жителей Японии поддерживают смертную казнь. Это объясняется несколькими факторами. Во-вторых, с культурным восприятием справедливости («око за око»). В-третьих, доверием к государственной системе правосудия.

В заключение следует подчеркнуть, что смертная казнь в Японии обладает своей уникальностью. Здесь сочетаются государственные традиции, строгость и справедливость в определении наказаний, а также гуманное отношение к охранникам, выполняющим смертные приговоры. Япония известна как безопасное государство с одним из самых низких уровней преступности, и нельзя отрицать, что, в частности, этому способствуют применение смертной казни.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 22.04.2025).
2. Уголовный кодекс Японии с изменениями и дополнениями на 1 января 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutions.ru/?p=407> (дата обращения: 22.04.2025).
3. Колонда Л. А., Бурцев А. С. Особенности исполнения смертной казни в Японии. Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ» № 1(70). Том 1. 2024. С. 78–82.

Соблюдение корпоративной процедуры при наследовании корпоративных прав в обществе с ограниченной ответственностью

Метлушко Олег Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Малкин Олег Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В данной статье анализируется проблематика наследования прав участников корпоративных юридических лиц в Российской Федерации, в частности — общества с ограниченной ответственностью, обращается внимание на отсутствие единых правовых норм, устраняющих противоречия между корпоративными интересами с регулирующими их законодательными нормами и имущественными интересами наследников в наследственном праве.

Ключевые слова: наследственное право, корпоративное право, наследование корпораций, корпоративные права, общество с ограниченной ответственностью.

Adherence to corporate procedures regarding the inheritance of corporate rights in a limited liability company

The article examines the issues of inheritance of rights of participants of corporate legal entities in the Russian Federation, particularly in limited liability companies, drawing attention to the lack of unified legal norms that would eliminate inconsistencies between corporate interests and regulatory norms governing them, and the property interests of heirs in inheritance law.

Keywords: inheritance law, corporate law, corporate inheritance, corporate rights, limited liability companies.

Ключевой особенностью процедуры наследования корпоративных прав участника общества с ограниченной ответственностью (далее — ООО), согласно действующему законодательству Российской Федерации, является регулирование наследования указанных прав как положениями о наследовании, предусмотренными Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) и законодательством о нотариате, так и нормами права корпоративного, что определяет и основную проблематику данной процедуры.

Актуальность изучения темы настоящей статьи подтверждается в ходе исследования судебной практики, сложившейся при рассмотрении дел о наследовании корпоративных прав.

Подразделение юридических лиц на корпоративные и унитарные осуществляется в зависимости от того, приобретают ли учредители при создании юридического лица право участия (членства) в нем и статус участника общества, а также от того, формируется ли в нем высший орган управления.

Корпоративным юридическим лицом или корпорацией считается юридическое лицо, образованное учредителями, приобретающими корпоративные (членские) права в отношении созданного ими юридического лица, и формирующими высший орган его управления.

Корпоративные (членские) права в отношении юридического лица приобретаются в момент, когда определенное лицо получает статус участника данного лица и непосредственно в связи с его участием в корпоративной организации.

Вышесказанное законодательно закреплено в статье 65.1 ГК РФ.

Права участников корпораций устанавливаются ст. 65.2 ГК РФ и представляют собой следующую совокупность действий, которые они вправе осуществлять, а именно:

- участвовать в управлении основными делами корпорации;
- в порядке и объеме, установленными учредительными документами юридического лица и действующим законодательством Российской Федерации получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией;
- обжаловать решения органов корпорации, влекущие гражданско-правовые последствия, в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом;

— требовать, представляя интересы корпорации и действуя от ее имени, возмещения причиненных корпорации убытков;

— оспаривать, действуя от имени корпорации, совершенные ею сделки, а также требовать применения последствий их недействительности и последствий недействительности ничтожных сделок корпорации.

При детальном изучении сути корпоративных прав является устоявшимся подход, согласно которому права, поименованные в статье 65.2 ГК РФ, являются неимущественными, управленческими. Это говорит о том, что корпоративные права — это особая разновидность неимущественных обязательств под специальным правовым регулированием [2].

Переход корпоративных прав к наследнику участника корпорации в наследственном праве рассматривается как процесс распределения имущества умершего, а с точки зрения корпоративного права — как переход корпоративных прав и обязанностей к новому лицу: основной акцент смещается на структурные изменения внутри компании и на соблюдение процедуры перехода прав в соответствии с установленными в учредительном документе общества особенностями.

По общему правилу, установленному статьей 1112 ГК РФ, принадлежащие участнику корпоративные права в случае его смерти включаются в состав наследства. При этом, процедура наследования корпоративных прав участника ООО, в связи с широкой распространенностью данного вида юридического лица, наиболее детализирована нормами действующего законодательства Российской Федерации.

Пункт 6 статьи 93 ГК РФ по умолчанию предусматривает вступление нового участника в состав участников ООО с переходом к нему корпоративных прав и обязанностей умершего. Однако, уставом ООО либо корпоративным договором могут быть предусмотрены определенные положения, ограничивающие вступление наследников в состав участников общества и обязывающие наследников для получения указанного статуса предварительно совершать конкретные действия.

При наследовании доли в уставном капитале ООО его устав может предусмотреть обязательное наличие согласия остальных участников общества на такой переход прав и обязанностей в отношении ООО к новому участнику. Отказ на переход доли к наследнику умершего участника влечет за собой обязанность общества выпла-

тить ему ее действительную стоимость, которая определяется на основании данных бухгалтерской отчетности общества за последний отчетный период, предшествующий дню смерти участника ООО, в порядке и на условиях, которые предусмотрены законом и уставом общества. На основании вышесказанного можно сделать вывод, что приобретение корпоративных прав находится в зависимости от решений текущих участников общества [3].

Распространен подход, согласно которому право участников общества не предоставлять своего согласия на вступление в состав общества наследника умершего участника считается соответствующим духу корпоративного права и призвано защитить целостность, самостоятельность и экономические интересы хозяйственных обществ [4].

Таким образом, процесс наследования доли в уставном капитале ООО разнится в зависимости от условий, установленных уставом ООО. Так, наследование доли может:

- происходить без ограничений;
- происходить при условии получения согласия на это от всех его участников;
- быть запрещено или участники общества отказали в наследовании доли.

После получения наследником свидетельства о праве на наследство, выданного нотариусом, он вправе обратиться к участникам ООО за получением их согласий, направив в адрес ООО соответствующее заявление о намерении стать участником общества.

Согласие считается полученным в случае, если в течение 30 дней со дня получения заявления от наследника обществом или иного установленного уставом ООО срока, каждый из участников в письменной форме извещал свое согласие на переход доли либо же в течение указанного срока ни одним из участников не представлено заявления об отказе от дачи согласия на переход доли.

В случае получения наследником согласия от участников общества на переход к нему доли в уставном капитале ООО, наследник подает соответствующее заявление в регистрирующий орган в течение трех дней с момента его получения, а также направляет в адрес общества уведомление об изменении состава его участников.

По итогу рассмотрения в общих чертах процедуры наследования корпоративных прав участника ООО, с правовой точки зрения, сама смерть участника ООО представляется отправной точкой для возникновения ряда вопросов относительно порядка перехода прав умершего: у непосредственных его наследников, у самого юридического лица в целом, а также у остальных его участников ввиду несовершенства законодательства о наследовании таких прав, закрепленных только в качестве основных положений в главе 65 ГК РФ.

Статьей 1176 ГК РФ установлено, что в состав наследства участника хозяйственного товарищества или общества, а также производственного корпоратива входит доля (пай) этого участника (члена) в складочном (уставном) капитале (имуществе), при этом такая доля (пай) входит

в состав наследства в качестве корпоративного права, сложного по своей природе [5].

Доля входит в состав наследства независимо от того, получено ли согласие участников на переход доли к наследникам умершего участника или нет — из статьи 1152 ГК РФ следует, что наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, если такое право подлежит государственной регистрации. Никакие факторы, как-то: выдача свидетельства о праве на наследство, получение согласия участников на переход доли, внесение записи в ЕГРЮЛ о переходе доли — не имеют значения в данном случае, поскольку доля переходит к наследникам в силу наследственного правопреемства [6].

В настоящее время в законодательстве нет единого подхода относительно того, в какой именно момент и в каком фактически порядке наследник приобретает корпоративные права умершего участника ООО. Момент завершения перехода прав, позволяющих участникам ООО влиять на деятельность и судьбу общества в целом, к новому участнику, также не закреплен в действующем законодательстве.

Отсутствие единообразия в законодательном регулировании указанных выше вопросов о наследовании корпоративных прав приводит к возникновению большого количества судебных споров: судебные споры о наследовании доли в уставном капитале ООО касаются в основном порядка приобретения статуса участника ООО пережившим супругом, порядка приобретения статуса участника ООО наследником доли, порядка выражения согласия (отказа) на принятие в ООО наследника доли и последствия отказа.

Большое количество судебных споров возникает в случае, если наследник в течение долгого периода времени не принимает наследство. Осуществление деятельности общества требует активного участия участников ООО и управления долей, вошедшей в наследственную массу умершего участника, до оформления прав на нее наследниками.

Статья 10 Закона об ООО предусматривает за участниками общества право в судебном порядке требовать исключения участника из общества в случае грубого нарушения последним своих обязанностей или же в случае, если его действия / бездействие препятствуют нормальному функционированию общества или существенно затрудняют его деятельность.

В контексте данной нормы подразумевается, что исключение касается только живых участников, поэтому исключить участника, который скончался, невозможно. С точки зрения процессуальных норм, исковое заявление с требованием об исключении умершего участника из общества не может быть подано в силу того, что такой иск подается к исключаемому участнику, а со смертью гражданина в силу ст. 17 ГК РФ утрачивает всяческую пра-

воспособность, в том числе и процессуальную, соответственно, умерший участник не может быть ответчиком в суде (решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 28.05.2013 по делу N А65–4905/2013).

Вместе с тем, поскольку понуждение наследников к принятию наследства не допускается, а в законодательстве отсутствует прямо прописанный алгоритм действий в указанной выше ситуации — судами рассматриваются иски о признании права умершего участника и его наследников на долю и признание за обществом прав на эту долю. Такие иски предъявляются после истечения 6 месяцев со смерти наследника умершего участника, в том числе иски рассматриваются и судами общей юрисдикции: решения АС Приморского края от 03.06.2021 г. по делу N А51–13378/2020, АС Тюменской области от 25.05.2021 по делу N А70–5792/2021 и от 31.03.2021 по делу N А70–20024/2020, решение АС г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 05.03.2020 по делу N А56–78193/2019. Однако в случае обнаружения наследников у ООО — обязанность выплатить им действительную стоимость доли остается и наследники вправе обратиться к обществу с соответствующим требованием.

В судебной практике также представлен подход, согласно которому в ситуации, когда в течение длительного времени со дня смерти участника общества никто из наследников не обращался в ООО со свидетельством о праве на наследство и отсутствуют сведения о том, что кто-либо принял наследство, при этом устав ООО не предусматривает необходимости согласия участников на переход доли к наследникам, то общество вправе принять решение о передаче доли умершего участника на баланс общества и выплате действительной стоимости этой доли наследникам при предъявлении ими свидетельства о праве на наследство (постановление ФАС Уральского округа от 18.03.2008 N Ф09–1687/08–С4, решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 22.04.2019 по делу N А56–14935/2019).

Поскольку законодательством также прямо не закреплён указанный выше подход — суды могут признать регистрацию таких изменений в ЕГРЮЛ незаконной при объявлении наследников в дальнейшем (постановление Восемнадцатого ААС от 28.09.2020 г. N 18АП-7775/2, решения АС Кировской области от 09.09.2013 по делу N А28–5479/2013, АС Кемеровской области от 22.01.2014 по делу N А27–11865/2013, решение АС Красноярского края от 19.11.2014 по делу N А33–11104/2014).

Многие авторы, исследовавшие вопрос наследования корпоративных прав, также отмечают необходимость внесения изменений в положения о наследовании, установленные статьями 1176 и 1177 ГК РФ, видя в них отсутствие нововведений по причине формирования и законодательного их закрепления до произошедших недавно существенных изменений в сфере корпоративного права. Реформа положений ГК РФ о юридических лицах 2014 г., установившая общее регулирование для корпоративных коммерческих и некоммерческих организаций, разграничившая публичные и непубличные хозяйственные общества, детализировавшая корпоративный договор в качестве дополнительного средства регулирования отношений участников, обошла стороной положения ст. ст. 1176, 1177 ГК РФ [7], закрепляя лишь в качестве общего правила при наследовании корпоративных прав факт перехода указанных прав наследодателя к наследникам.

Для разрешения обозначенных в настоящей статье проблем, возникающих при наследовании корпоративных прав участника ООО, автором статьи видится необходимым внесение в действующее законодательство изменений, которые бы уточняли, что в состав наследства участника ООО входит не сама доля этого участника в уставном капитале общества, а права на указанную долю, закрепив ее понятие как совокупность прав и обязанностей в отношении данного общества, а также закрепляли бы конкретно определенный момент, с которого наследник доли приобретает статус участника общества.

Литература:

1. Ярошенко К. Б. Наследование прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах, обществах и производственных кооперативах // Комментарий судебной практики / Отв. ред. К. Б. Ярошенко. М., 2017. Вып. 22. С. 50–60.
2. Камышанский В. П., Карнушин В. Е. Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект. М.: Статут, 2016. С. 101.
3. Андреев В. К., Лаптев В. А. Корпоративное право современной России: монография. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. С. 225.
4. Науменко О. В. Права пережившего супруга при оформлении наследства на долю уставного капитала общества с ограниченной ответственностью // Наследственное право. 2012. № 1. С. 29–32.
5. Авдякова В. А. Правовая природа корпоративных прав // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. № 2. С. 34.
6. Ремизова А. В. Момент перехода доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в порядке наследственного правопреемства // Вестник МГИМО-Университета. 2012. — № 6(27). С. 297–301.
7. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин, Е. В. Кожевина и др.; отв. ред. Е. Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. С. 266.

Убийство при отягчающих обстоятельствах: особенности квалификации

Набийвоз Эдуард Владимирович, студент

Научный руководитель: Соловьев Евгений Алексеевич, старший преподаватель

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В статье рассматривают проблемные вопросы квалификации убийства, совершенного с отягчающими обстоятельствами.

Ключевые слова: убийство, отягчающие обстоятельства, квалифицирующие признаки, уголовно-правовая политика, преступление.

Убийство в отечественной доктрине уголовного права рассматривается как общественно опасное деяние, которое подрывает конституционно-правовые гарантии человека и гражданина, в том числе право на личную неприкосновенность, здоровье и жизнь. Согласно Конституции Российской Федерации, жизнь и здоровье человека охраняются государством и являются высшей его ценностью [1]. Такое положение свидетельствует о том, что любое причинение вреда здоровью или жизни человека наказуется. В Уголовном кодексе Российской Федерации охрана жизни и здоровья человека регулируется главой 16 [2].

Из статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации следует, что под убийством понимается умышленное причинение смерти другому человеку [2]. Важно добавить, что особенностями совершения данного преступления являются наступление общественно опасных последствий, а именно прекращение жизни человека, невозможность восстановления нанесенного вреда, снижение качества жизни человека, потеря трудового потенциала, нарушение прав человека и гражданина.

Официальные статистические данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за период с 2020 по 2024 год (включительно) свидетельствуют о том, что за указанный период количество убийств значительно сократилось, а именно на 10 %. При этом количество осужденных за убийство в сравнении с предыдущими годами никак не изменилось [13].

Такие показатели позволяют сделать вывод о том, что государственная уголовно-правовая политика усилила контроль за преступлениями против жизни и здоровья человека и гражданина. Следовательно, усилился и контроль за привлечением в качестве обвиняемого, для которого необходима правильная квалификация содеянного. Одним из признаков, который характеризует степень опасности совершенного преступления и личность виновного, является отягчающее обстоятельство.

В науке уголовного права вопрос об отягчающих обстоятельствах является дискуссионным. Ряд авторов (В. П. Бодаевский, В. С. Лысенко, М. А. Гурбанова) считает, что под отягчающими следует понимать квалифицирующие признаки, установленные в части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации. Другие же (Л. В. Горбунова, Ю. А. Васильев) утверждают, что «отождествлять квалифи-

цирующие признаки и отягчающие обстоятельства недопустимо, поскольку квалифицирующие признаки служат средством дифференциации, а не индивидуализации наказания» [7]. В данном вопросе, на наш взгляд, более аргументированной является позиция второй группы авторов, которая основана на нормативно-правовой базе уголовного закона. Безусловно, многие признаки, установленные в части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, имеют схожесть с отягчающими обстоятельствами, однако квалифицирующие признаки — «инструмент законодателя, а не судьи» [7]. Более того, другим аргументом в подтверждение второй группы оппонентов является положение 28, закрепленное в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58, согласно которому «перечень обстоятельств, отягчающих наказание, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит» [5].

Рассматривая вопрос о видах отягчающих обстоятельств, можно отметить, что полный перечень регламентирован частью 1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации. Некоторые авторы в своих исследованиях используют различные критерии, пытаются их сгруппировать. Например, Н. Н. Евдокимова предлагает рассматривать отягчающие обстоятельства по трем критериям: объективные и субъективные свойства совершенного общественно опасного деяния, личность субъекта, причины и условия, с которыми связано данное преступное проявление [8].

Н. Р. Янковская предлагает отягчающие обстоятельства сгруппировать следующим образом: по объекту (пункты а-г части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации), по объективной стороне (пункты д-ж части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации), по субъективной стороне (пункты з-м части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации) [12].

На наш взгляд, для квалификации убийства более логичным является использование первого варианта, поскольку в данном предложении существует разграничение по деяниям (вопросы, направленные именно на действие или бездействие), личности (характеристика социального положения), а также причинам возникновения содеянного.

Далее мы предлагаем рассмотреть иные проблемные вопросы. В рамках изучения выбранной темы нами

было установлено, что убийство с отягчающими обстоятельствами является общественно опасным деянием, которое признается тяжким или особо тяжким преступлением. В данном случае тяжесть преступления зависит от количества вменяемых квалифицирующих признаков.

По нашему мнению, данный аспект необходимо рассматривать более подробно. Поэтому мы предлагаем проанализировать правоприменительные проблемы на основе судебной практики и позиций практикующих юристов. В частности, это касается процедуры доказывания и обоснования.

Одним из таких примеров является жалоба Алексея Дюдькина в Конституционный суд Российской Федерации, в которой последний оспаривает пункты д и ж части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, которые не соответствуют Конституции Российской Федерации. По его мнению, данные положения позволяют «суду рассматривать убийство как совершенное с особой жестокостью ввиду причинения потерпевшему физической боли и страданий, характерных для любого причинения смерти» [3].

По нашему мнению, в данном случае необходимо согласиться с адвокатом В. Г. Смирновой, которая отметила, что термин «особая жестокость» — междисциплинарная категория [11]. Она предложила рассматривать данный термин с точки зрения социологии, психологии и правовой науки в двух аспектах: «жестокость как свойство личности» и «жестокость как свойство деяния» [11]. Далее также стоит обратить внимание на позицию адвоката Мартина Зарбабяна, который отметил, что «особая жестокость как квалифицирующий признак убийства присутствует в случаях, когда лицо избирает конкретный способ действия в силу желания причинить потерпевшему особые мучения и страдания» [9]. Таким образом, при квалификации убийства с отягчающим признаком, предусмотренным пунктом и части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, важным является установление наличия или отсутствия умысла в причинении особой жестокости (в том числе моральной или физической).

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. — 1996. — № 113.
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дюдькина Алексея Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктами «д», «ж» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью четвертой статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 28.09.2021.
4. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 // Российская газета. — № 24. — 1999.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. — № 295. — 2015.

Другой проблемой при доказывании убийства с особой жестокостью является оценка степени жестокости. Как отмечает С. К. Питерцев, «крайней степенью жестокости признается жестокость сверхобычная, из ряда вон выходящая, исключительная» [9]. В действующем законодательстве Российской Федерации данный аспект не регулируется. В пункте 8 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 установлено, что «признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязание или совершалось глумление над жертвой либо когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т. д.)» [4]. Однако, как показывает анализ судебной практики, нанесение большого количества телесных повреждений является субъективным мнением. Так, Президиум Верховного суда Российской Федерации нашел неверную квалификацию убийства, которое было квалифицировано судом первой инстанции как «с особой жестокостью», однако фактически судебной медицинской экспертизой было установлено, что шесть нанесенных по голове ударов «были направлены на лишение жизни, а не на причинение особых мучений и страданий» [6].

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что в настоящий момент существует множество как практических, так и теоретических вопросов о квалификации убийства с отягчающими обстоятельствами. В частности, это проблемы соотношения квалифицирующих признаков и отягчающих обстоятельств, а также проблемы, связанные с доказыванием состава преступления. По нашему мнению, для решения названных проблем необходимо дать пояснение Верховному суду Российской Федерации о том, как соотносятся данные понятия. Проблему доказывания необходимо решать более детально. Например, установить четкие и однозначные особенности тех или иных составов преступлений, связанных с лишением жизни.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 29.05.1996 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации» за первый квартал 1996 года.
7. Горбунова, Л. В. Обстоятельства, отягчающие наказание. Их значение и соотношение с квалифицирующими признаками // Марийский юридический вестник. — 2022. — № 2 (13). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obstoyatelstva-otyagchayushchie-nakazanie-ih-znachenie-i-sootnoshenie-s-kvalifitsiruyuschimi-priznakami> (дата обращения: 21.04.2025).
8. Евдокимова, Н. Н. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Экономика и социум. — 2022. — № 6 (49). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smyagchayushchie-i-otyagchayushchie-obstoyatelstva-v-ugolovno-protsessualnom-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 21.04.2025).
9. Павалаки, А. Вопросы квалификации убийства, совершенного с особой жестокостью // Молодой ученый. — 2020. — № 12 (146). — С. 428–432. — URL: <https://moluch.ru/archive/146/40845/> (дата обращения: 21.04.2025).
10. Павлова, З. А. КС не стал рассматривать жалобу на нормы УК о совершении убийства с особой жестокостью организованной группой // Адвокатская газета. — 2024. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-stal-rassmatrivat-zhalobu-na-normy-uk-o-sovershenii-ubiystva-s-osoboy-zhestokostyu-organizovannoy-gruppy/> (дата обращения: 21.04.2025).
11. Смирнова, В. Г. Убийство, совершенное с особой жестокостью: сложности квалификации преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ // Адвокатская газета. — 2024. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ubiystvo-sovershennoe-s-osoboy-zhestokostyu/> (дата обращения: 21.04.2025).
12. Янковская, Н. Р. Проблемы квалификации убийств с отягчающими обстоятельствами. URL: <https://goo.su/OxAB> (дата обращения: 21.04.2025).
13. Официальные статистические данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. — URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 21.04.2025).

Цифровизация ипотечного кредитования в России: правовые вызовы и возможности

Павлович Лидия Сергеевна, студент

Научный руководитель: Тучина Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются современные тенденции цифровизации ипотечного кредитования в России, акцентируется внимание на правовых вызовах, возникающих в связи с переходом к электронным формам взаимодействия между участниками гражданского оборота. Анализируется действующее законодательство, практика его применения, а также выявляются ключевые проблемы правовой регламентации цифровых ипотечных процедур — от регистрации сделок до использования электронной подписи. Кроме того, автор исследует перспективы цифровой трансформации ипотечного сектора с позиции правовой безопасности, доступности кредитных инструментов и защиты прав заёмщиков. Предлагаются меры по совершенствованию нормативной базы в целях эффективного регулирования цифровых ипотечных отношений.

Ключевые слова: ипотека, ипотечное кредитование, цифровизация, электронная регистрация, электронная подпись, правовое регулирование, заёмщик, гражданский оборот.

Цифровизация правовых институтов — важнейшее направление модернизации современного гражданского оборота в России. Одним из ярких примеров интеграции цифровых технологий в частное право стало развитие механизмов ипотечного кредитования с использованием электронных сервисов и платформ. В соответствии с Федеральным законом от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» и Гражданским кодексом Российской Федерации, ипотека выступает ключевым способом обеспечения исполнения обязательств в жилищной и банковской сферах [1, 2].

В последние годы усилиями государства, финансовых организаций и технологических операторов были внедрены цифровые инструменты: электронная регистрация сделок, дистанционное заключение договоров, использование электронной подписи (в соответствии с Федеральным законом от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи») [4]. Эти новации направлены на повышение доступности ипотечных продуктов, ускорение процедур и снижение транзакционных издержек.

Однако одновременно с преимуществами цифровизации возникают и значительные правовые риски. Среди

них — неопределённость статуса электронных договоров, недостаточность правовых гарантий защиты персональных данных заёмщиков, отсутствие унифицированного подхода к регулированию платформенной ипотеки. Отдельного внимания требует защита прав добросовестного заёмщика в условиях автоматизированной обработки решений банками.

Актуальность исследования определяется необходимостью системного анализа существующих правовых проблем и потенциала цифровых технологий в сфере ипотечного кредитования. Цель настоящей работы — исследовать действующее нормативное регулирование цифровой ипотеки, выявить правовые вызовы и обозначить возможные направления его совершенствования.

Теоретические основы цифровизации ипотечного кредитования

Цифровизация гражданско-правовых институтов, включая ипотечное кредитование, представляет собой закономерный этап правового развития, обусловленный стремительным внедрением информационных технологий в сферу частного оборота. В условиях формирования цифровой экономики возрастает необходимость адаптации классических правовых конструкций к новым формам взаимодействия субъектов гражданских правоотношений.

Ипотека, как способ обеспечения исполнения обязательств, традиционно рассматривается в теории гражданского права как институт, основанный на вещно-правовой природе залога недвижимого имущества [7]. В соответствии с положениями ст. 334 и 339 Гражданского кодекса РФ, ипотека предполагает наличие строго формализованной процедуры заключения, государственной регистрации и последующего обращения взыскания. В связи с этим цифровизация данного механизма требует не только технической, но и концептуальной переработки его правовой модели.

С точки зрения правовой доктрины, цифровизация ипотечного кредитования включает в себя следующие ключевые элементы:

- электронное заключение договора ипотеки, в том числе с использованием квалифицированной электронной подписи в соответствии с требованиями Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [4];

- цифровая регистрация прав и обременений, реализуемая посредством взаимодействия банков, нотариусов и Росреестра через Единую информационную систему;

- внедрение платформенных решений, позволяющих автоматизировать процессы одобрения, оформления и сопровождения ипотечных кредитов.

Как отмечает А. П. Сергеева, цифровая форма выражения воли сторон не должна умалить юридическую силу обязательств, если соблюдены все установленные законом требования к идентификации и защищённости инфор-

мации [6, с. 274–280]. Вместе с тем, доктрина указывает на необходимость дополнительного нормативного обеспечения данных процессов, особенно в контексте дистанционной сделки с недвижимостью, представляющей собой объект повышенного правового риска.

Цифровизация ипотеки в теоретическом аспекте не только трансформирует технические аспекты заключения договоров, но и затрагивает базовые категории гражданского права — правоспособность, свободу договора, государственную регистрацию прав. Следовательно, возникает объективная потребность в выработке новых правовых подходов, сочетающих гибкость цифровых технологий и стабильность вещно-правовых механизмов.

Таким образом, цифровизация ипотечного кредитования требует не поверхностной цифровой адаптации, а комплексной теоретико-правовой трансформации, обеспечивающей правовую определённость, защиту прав сторон и эффективность правового регулирования.

Проблемы правового регулирования цифровых ипотечных процедур

Несмотря на заметный прогресс в цифровизации ипотечного кредитования, российская правовая система сталкивается с рядом существенных проблем, связанных с регулированием данных процессов. Эти проблемы обусловлены как нормативной неопределённостью, так и несовершенством правоприменительной практики.

На сегодняшний день отсутствует единый нормативный акт, регулирующий порядок заключения ипотечных договоров в цифровой форме. Использование электронной подписи и дистанционного взаимодействия сторон допускается на основании Федерального закона № 63-ФЗ «Об электронной подписи», однако применение этих положений к сделкам с недвижимостью вызывает вопросы в контексте вещного характера ипотеки и необходимости государственной регистрации [4].

Проблема усугубляется тем, что электронная регистрация прав, реализуемая через систему Росреестра, не всегда синхронизирована с внутренними цифровыми платформами банков, что порождает задержки и правовую неопределённость в момент перехода прав.

Одним из ключевых рисков цифровой ипотеки является ослабление традиционных механизмов защиты прав потребителя. Автоматизированные сервисы оформления кредитов и договоров ипотеки нередко не обеспечивают должного уровня юридической информированности заёмщика. Как подчёркивает С. М. Корнеев, отсутствие личного контакта с кредитором увеличивает вероятность навязывания невыгодных условий или скрытых комиссий [5].

Закон «О потребительском кредите» (ФЗ № 353-ФЗ) содержит лишь общие положения, не учитывающие специфику цифровых процедур, а судебная практика в этой сфере ещё только формируется.

В условиях массовой цифровизации ипотечных операций возрастает значимость правового обеспечения кон-

фиденциальности. Несмотря на наличие Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных», в правоприменении наблюдаются значительные пробелы в части защиты от утечки информации, киберугроз и неправомерного использования персональных данных граждан [3].

Банки и IT-платформы часто выступают обработчиками чувствительной информации без достаточного контроля со стороны государства, что создаёт угрозу нарушения базовых прав граждан.

Цифровые платформы, выступающие посредниками между банками, заёмщиками и государственными органами, не имеют чёткого правового статуса. Их деятельность регулируется разрозненными нормами, что затрудняет выработку единообразной правовой практики. В доктрине активно обсуждается вопрос о необходимости признания цифровых платформ субъектами гражданского права со специальным правовым режимом [6, с. 362–369].

Таким образом, выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости реформирования нормативно-правовой базы с учётом специфики цифровых ипотечных процедур. Без должного законодательного обеспечения цифровизация может привести не к упрощению, а к усложнению ипотечного оборота и усилению правовой незащищённости участников.

Возможности совершенствования законодательства

Учитывая выявленные правовые вызовы, цифровизация ипотечного кредитования в России требует последовательного нормативного переосмысления. Совершенствование законодательства в данной области должно быть направлено на устранение правовой неопределённости, обеспечение баланса интересов сторон и защиту прав участников цифровых сделок с недвижимостью.

Одним из ключевых направлений модернизации является разработка специального нормативного акта или внесение изменений в Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)», касающихся регулирования цифровых ипотечных сделок. Закон должен чётко закрепить:

- порядок заключения договора ипотеки в электронной форме;
- допустимые технологии удостоверения личности сторон (в том числе биометрические);
- юридическую силу электронной регистрации и её приоритет над бумажной формой.

Это обеспечит единообразие в толковании норм и устранил разночтения между цифровыми и традиционными ипотечными механизмами.

Для предотвращения недобросовестной практики в онлайн-кредитовании следует:

- обязать кредитные организации раскрывать ключевые условия ипотеки в структурированной и понятной форме до момента подписания;
- установить обязательный период «цифровой паузы» (аналог «периода охлаждения») для оценки условий договора заёмщиком;

— усилить ответственность за включение в цифровой договор условий, ущемляющих права потребителя.

Также целесообразно дополнить ФЗ № 353-ФЗ нормами, прямо регулирующими онлайн-ипотеку и цифровые процедуры согласования.

В целях повышения правовой определённости цифровые ипотечные платформы следует признать субъектами, на которых распространяются особые требования — аналогично статусу финансовых посредников. Это позволит:

1. ввести лицензионный контроль за их деятельностью;
2. установить обязательства по хранению и защите персональных данных;
3. формализовать механизмы взаимодействия с Росреестром, банками и заёмщиками.

Такой подход соответствует мировой практике регулирования финтеха и создаёт правовую инфраструктуру для дальнейшего развития отрасли.

Законодательно должно быть закреплено обязательное цифровое взаимодействие между банками, Росреестром, нотариусами и МФЦ. Это позволит исключить дублирование процедур, снизить сроки регистрации и минимизировать человеческий фактор при оформлении ипотеки.

Необходимо усилить контроль за соблюдением требований Закона № 152-ФЗ «О персональных данных» в рамках цифровых ипотечных операций. Следует внедрить обязательную сертификацию платформ по информационной безопасности и предусмотреть строгую ответственность за утечки данных.

Таким образом, совершенствование законодательства должно быть направлено не только на устранение текущих пробелов, но и на создание устойчивой правовой модели цифрового ипотечного кредитования, ориентированной на технологическое развитие и защиту интересов граждан.

Цифровизация ипотечного кредитования представляет собой важный этап развития гражданского оборота в России. Несмотря на достигнутые технологические успехи, законодательство пока отстаёт от реальных практик и требований цифровой среды. Правовая неопределённость, отсутствие комплексного регулирования и риски цифровых злоупотреблений создают угрозу для устойчивости и справедливости ипотечных правоотношений.

Настоящее исследование позволяет утверждать, что для эффективной цифровой трансформации ипотечного сектора требуется системная модернизация нормативной базы. Необходимо нормативно закрепить цифровую форму ипотечного договора, усилить защиту прав заёмщиков, определить статус платформ и обеспечить высокий уровень информационной безопасности. Только при соблюдении этих условий цифровизация будет способствовать повышению доверия к ипотечным инструментам, улучшению качества правового оборота и защите интересов граждан.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.
4. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
5. Корнеев С. М. Ипотека в гражданском праве: теория и практика. — М.: Юридический мир, 2022. — С. 318–325.
6. Сергеева А. П. Гражданское право: учебник. Т. 2. — М.: Проспект, 2021. — С. 274–280, С. 362–369.
7. Суханов Е. А. Гражданское право. Т. 2. — М.: Статут, 2020. — С. 312–315.

Проблемы расследования ятрогенных преступлений

Петрова Екатерина Кирилловна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор отражает проблемы расследования ятрогенных преступлений и привлечения медицинских работников к уголовной ответственности, а также иные проблемы в правоприменительной практике по данным категориям дел.

Ключевые слова: неоказание помощи, УК РФ, ятрогенные преступления, медицинский работник.

Жизнь и здоровье человека являются приоритетными объектами уголовно-правовой охраны от посягательств третьих лиц. В обеспечении здоровья и жизни населения огромная роль приходится не только на сотрудников правоохранительных органов и органов юстиции, но и на медицинских работников. Однако не всегда медработники оказывают квалифицированную медицинскую помощь, а зачастую и не оказывают вовсе. В ряде медицинских учреждений совершаются должностные преступления, но ввиду относительной обособленности и самостоятельности медицинского сообщества факт совершения преступления может стать неизвестным как родственникам потерпевшего, так и государству, что приводит к увеличению показателей латентной преступности.

Преступления, совершаемые медицинскими работниками, именуются ятрогенными, в их перечень включаются такие составы:

- причинение смерти по неосторожности (ч.2 ст. 109 УК РФ);
- причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ч.2 ст.118 УК РФ);
- неоказание помощи больному (ст.124 УК РФ);
- незаконное осуществление медицинской или фармацевтической деятельности (ст.235 УК РФ)
- нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст.236 УК РФ);
- халатность (ст.293 УК РФ).

Преступления, совершаемые медицинскими работниками, не ограничиваются приведенными выше соста-

вами, например, в 2019 году в отношении акушера-гинеколога и главного врача петербургского медцентра было возбуждено уголовное дело по ст.127.1 УК РФ (торговля людьми) [1].

Стоит отметить внесенные Федеральным Законом от 28.12.2024 N 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в Уголовный Кодекс РФ (УК РФ) изменения, которыми ст.238 УК РФ была дополнена примечанием следующего содержания: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи». Таким образом, законодатель исключил возможность квалификации деяний медицинских работников по ст.238 УК РФ. Представляется, что такие поправки имеют позитивный характер, ввиду сложившейся правоприменительной практики по необоснованному инкриминированию лицам ст.238 УК РФ, в связи с чем данная статья стала относиться к числу «дежурных».

Вопрос о предупреждении совершения преступлений медицинскими работниками является важным и актуальным для правоохранительных органов. Так, в 2018 году был создан отдел по расследованию ятрогенных преступлений в структуре Следственного комитета РФ, медицинское сообщество отреагировало на данное нововведение обращением с просьбой упразднить специальный отдел, однако в ответ на обращение в Письме СК РФ [2] была отражена четкая позиция ведомства о необходимости специального подразделения для рассмотрения сообщений о преступлениях, совершенных медицинскими работни-

ками. По данным Следственного комитета РФ, с 2016 года показатель числа подобных обращений за счет их ежегодного прироста увеличился к началу 2019 года с 4 947 до 6 623 сообщений, более 60 % из них поступили от граждан, причем на долю самих органов здравоохранения также приходится значительная часть информации о некачественной медицинской помощи, их активность растет.

Ятрогенные преступления сложны в их раскрытии правоохранительными органами ввиду необходимости обладания специальными знаниями в области медицины, а также в части получения вещественных доказательств, например, таких как амбулаторные карты потерпевших, историй болезней в виде, не искаженном медицинскими работниками и позволяющем воссоздать объективную картину произошедшего.

При установлении фактических обстоятельств произошедшего подлежат учету показания свидетелей, однако необходимо учитывать высокую степень единства медицинского сообщества при допросе данных лиц. Например, в Приговоре № 1–157/2011 Вяземского районного суда Смоленской области [3] отражены установленные следователями фактические обстоятельства преступления, а также зачитываемые в зале судебного заседания показания других медицинских работников, которые в рамках данного уголовного дела обладали процессуальным статусом свидетеля: «Суд исходит из того, что свидетели Ю. С. и М. А. длительное время работают в МУЗ «... ЦРБ». Находясь на работе, подчиняются непосредственно дежурному врачу. Понимают тяжесть содеянного и меру ответственности и заинтересованы в исходе дела. Показания дали из ложно понятого чувства корпоративной этики. Их показания опровергаются материалами уголовного дела, а также показаниями свидетелей Р. А. и В. В.». Таким образом, при расследовании ятрогенных преступлений следователь может столкнуться не только с отсутствием специальных знаний в области медицины, но и с более большой для него проблемой — высоким уровнем корпоративной этики медицинского сообщества.

Проблема привлечения медицинских работников к уголовной ответственности может выражаться в неправильной квалификации деяния. Например, ч.1 ст.124 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за не оказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом. В связи с этим возникает вопрос о возможности привлечения к ответственности

по данной статье медицинского работника, который не в полном объеме оказал медицинскую помощь, что повлекло за собой причинение больному средней тяжести здоровью. Так, Определением [4] Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.07.2021 N 77–3126/2021 установлено, что в кассационной жалобе адвокат Абдулина Л. Г. и осужденный Р. выражают несогласие с состоявшимися судебными решениями, полагая, что судом первой инстанции был неправильно применен уголовный закон, а назначенное наказание является чрезмерно суровым. Указывают на то, что материалы дела содержат данные о проведении Р. осмотра больного Ш. К. Н., и его действия следовало квалифицировать не по ч. 2 ст. 124 УК РФ, а по ч. 2 ст. 118 УК РФ. Суд же счел доводы осужденного и его адвоката несостоятельными, ввиду нарушения должностной инструкции и бездействия в проведении необходимого медицинского вмешательства в соответствии с диагнозом потерпевшего. Представляется, что применение ст.124 УК РФ допускается лишь в случаях полного бездействия медицинского работника, в случае же оказания медицинской помощи не в полном объеме, применению подлежат ч.2 ст. ст.109, 118 УК РФ.

Стоит отметить, что по некоторым данным [5], с 2022 года возросло количество возбужденных уголовных дел в отношении медицинских работников, но обращаясь к дате создания специальных отделов в структуре СК, можно сделать вывод, что рост жалоб и регистрируемых преступлений возник еще до 2018 года. При росте уголовного преследования в отношении сотрудников учреждений здравоохранения, вынесения в отношении них приговоров в части наказания в виде запрета на занятия определенной деятельностью, необходимо помнить о нехватке специалистов в области медицины, а также об объективности подхода к назначаемому сроку данного вида наказания. Представляется, что механизм бессрочного запрета занятия медицинской деятельностью в условиях систематического нарушения предъявляемых требований отвечает требованиям безопасности населения и должен быть распространен на уровни мер, применяемых медицинским сообществом.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о сложности раскрытия ятрогенных преступлений ввиду специфических особенностей уголовного преследования в отношении медицинских работников. Представляется, что меры, направленные на предупреждение совершения преступлений данного вида, должны быть методологически выработаны с учетом криминологической оценки.

Литература:

1. Младенцы на экспорт. Как в Петербурге организовали бизнес по продаже детей? / [Электронный ресурс] // spb.aif: [сайт]. — URL: https://spb.aif.ru/society/mladency_na_eksport_kak_v_peterburge_organizovali_biznes_po_prodazhe_detey (дата обращения: 10.02.2025).
2. Акт министерств и ведомств Письмо СК России от 26.06.2019 № N 224–8-19 «О рассмотрении обращения по вопросу упразднения отделов по расследованию ятрогенных преступлений» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – М., 2025. — Режим доступа: локальная сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350342/ (дата обращения: 10.02.2025).

3. Приговор Вяземского районного суда Смоленской области № 1–17/2020 от 15 авг 2011 г. по делу № 1–157/2011. // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://web.archive.org/web/20171226210149/http://online-zakon.ru/приговор-ч-2-ст-124-ук-рф/> (дата обращения: 20.02.2025).
4. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции 77–3126/2021 Приговор: По ч. 2 ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному) от 02.07.2021 № 77–3126/2021// КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – М., 2025. — Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=50377#FT5vegUyKHgCZtRq> (дата обращения: 01.03.2025).
5. Медиков не оставляют без дел / [Электронный ресурс] // Коммерсант: [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6223734> (дата обращения: 03.03.2025).

Правовые основы цифровизации здравоохранения в России

Роденко Юлия Игоревна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Постановка проблемы: В условиях стремительного развития общества и глобализации международных отношений все большую актуальность приобретает цифровизация общества и различных государственных процессов. Существующая законодательная база в России, к сожалению, не всегда успевает за цифровыми трансформациями, поэтому на сегодняшний день нормативно-правовые акты недостаточно регулируют вопросы развития цифровизации в России. Главной целью цифровизации является осуществление цифровой трансформации существующих секторов и создание новых отраслей экономики, а также преобразование различных сфер жизнедеятельности в более эффективные и современные.

Урегулирование правоотношений в сфере цифровизации посредством принятия новых и внесения изменений в существующие нормативно-правовые акты предоставит возможности для развития демократического общества, обеспечения кибербезопасности и информационного благополучия населения.

Основной материал: Влияние цифровизации на правовую сферу, включая законодательство России, является многогранным и требует глубокого анализа. Исследования отечественных и зарубежных ученых подчеркивают значимость этого воздействия на разные сферы общественной жизни, включая право, экономику и здравоохранение.

Проблематику составляет введение информационных технологий в медицинскую практику с целью дистанционно оказывать медицинскую помощь, поскольку ввести это можно не всюду. Дистанционные хирургические вмешательства и обезболивание до сих пор ассоциируются с чем-то фантастическим. Дистанционная диагностика является синонимом телемедицины, а иногда и отождествляется с ней. С практической точки зрения преимущества телемедицины являются как для пациентов, так и для врачей. В частности, первые могут избегать расхода топлива, времени с помощью телефонных консуль-

таций и видеоконференций; в сельской местности, где есть возможность доступа к мобильным и веб-приложениям, проводить консультации со своим терапевтом или психиатром; запланировать консультацию при перерыве на работе или даже после рабочего времени; возможность помочь пациентам пожилого возраста и детям без необходимости посещать больницу. А врачи, согласно своих обязанностей могут, например, оценивать историю болезни пациента с помощью интерактивной медицины, предоставить неотложную, первичную помощь, общаться со специалистами, которые находятся в другом месте, нежели они. До этого, пожилые люди с большей вероятностью забывают принимать свое лекарство, поэтому врачи-консультанты могут использовать телемедицинские технологии для мониторинга, когда их пациенты принимали лекарства.

На сегодня в мире не существует единого подхода к определению понятия цифровизации. Так, Д. Тапскотт рассматривает цифровизацию как смену парадигмы, происходящую в обществе благодаря широкому применению информационно-коммуникационных технологий, которые постоянно развиваются и совершенствуются [1, с. 345].

Р. Кац определяет цифровизацию как социально-экономическую трансформацию, вызванную массовым внедрением и использованием цифровых технологий, которые включают создание, обработку, обмен и передачу информации [2].

Хотя в российском законодательстве отсутствует четкое определение термина «цифровизация», оно охватывает многие аспекты, связанные с цифровыми технологиями, через различные нормативно-правовые акты. Одной из основных целей цифровой трансформации в здравоохранении является защита и увеличение продолжительности жизни населения.

Многие страны активно внедряют цифровые решения, что позволяем им оптимизировать управление ресурсами

здравоохранения. Согласно данным MarketsandMarkets Research, в 2024 году мировой рынок IT в области здравоохранения продолжит активно расти благодаря цифровизации. Прогнозируется, что к 2028 году рынок цифрового здравоохранения достигнет 549,7 миллиардов долларов США, с среднегодовым темпом роста (CAGR) 25 %. Этот рост обусловлен повышенным спросом на экономичные медицинские решения и внедрением телемедицины. Например, в Индонезии правительство начало программу создания системы электронных медицинских записей (EHR) для 2,7 миллиона медицинских работников, что повышает доступность и качество медицинских услуг.

Аналогичная ситуация наблюдается в Индии, где в 2021 году было выпущено Руководство по телемедицине, устанавливающее стандарты для этих услуг. Ожидается, что к 2025 году рынок телемедицины в Индии вырастет до 5.4 миллиардов долларов, что связано с увеличением спроса на дистанционное медицинское обслуживание.

Азиатско-Тихоокеанский регион также демонстрирует быстрый рост в данной области, где правительства стран, таких как Австралия и Южная Африка, реализуют национальные программы по интеграции цифровых медицинских систем [3].

Для России важно следовать этим мировым тенденциям, чтобы интегрироваться в глобальное цифровое пространство, повысить эффективность системы здравоохранения и обеспечить ее конкурентоспособность на мировом уровне.

Сектор IT в здравоохранении продолжает развиваться в таких направлениях, как телемедицина, искусственный интеллект и блокчейн для медицинских записей, что обещает революционные изменения в сфере медицинского обслуживания в ближайшие годы.

В рамках общей цифровой трансформации в России активно развивается электронное здравоохранение (eHealth), охватывающее ключевые технологии, такие как электронные медицинские карты и защита персональных данных.

Для внедрения и ускорения диджитализации в России необходимо усовершенствовать ее правовое обеспечение с учетом того, что, прежде всего, должны создаваться такие базы данных и системы, которые будут устойчивыми к любым случайным сбоям или умышленным преступным действиям. Для удачного процесса диджитализации необходимо обеспечить реализацию следующих мер: различение медицинских и персональных данных во избежание их идентификации; отсутствие накопления в системе критического объема персональных медицинских данных во избежание их несанкционированного изъятия и использования; предоставление доступа пользователям только к той информации, которая может быть им полезна и необходима по функциональным обязанностям, с возложением на каждого самостоятельной ответственности за такую информацию.

В целях удовлетворения потребностей пациента и врача медицинского учреждения и создания элек-

тронной системы взаимосвязи более надежной и легкой для поддержки и использования следует четко определить необходимый функционал системы для ее должного применения, избегая обширного функционала, что может быть лишним для некоторых пользователей и несет лишнюю нагрузку на систему. Важной функцией электронных систем взаимосвязи пациента и врача является их интеллектуализация с целью принятия оптимальных и эффективных решений, то есть в процессе взаимодействия с системой лицо может принять, отвергнуть или по своему усмотрению скорректировать предложенное системой решение, а следовательно, таким образом ответственность за принятие решения всегда возлагается на конкретное лицо — пользователя.

Согласно статье 41 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину право на получение медицинской помощи и охрану здоровья [4].

Федеральный закон № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изменениями от 28 декабря 2022 г.) является основополагающим нормативным актом, который регулирует отношения в сфере охраны здоровья граждан. Несмотря на то, что он не включает термина «цифровизация», однако регулирует вопросы применения телемедицинских технологий. В рамках закона описаны информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие между медицинскими работниками и пациентами. Эти технологии позволяют проводить консультации, консилиумы, дистанционное наблюдение за состоянием здоровья пациентов, а также документировать все действия, выполняемые медицинскими работниками.

В 2017 году закон был дополнен статьей 36.2, которая детализирует порядок оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий [5].

Приложения службы телемедицины являются популярными среди всех типов медицинских программ. Благодаря им географическое расстояние между врачом и пациентом больше не имеет значения для консультаций и своевременного лечения.

Чтобы реализовать все положения Закона, необходимо обеспечить оснащение каждого медицинского учреждения соответствующими информационными системами. Кроме того, требуется, чтобы медицинский персонал был обучен работе с этими системами. Также важным аспектом является вопрос ответственности за качество оказываемых медицинских услуг, предоставляемых с использованием таких технологий.

Отмечу так же, Федеральный закон «О персональных данных» (ФЗ № 152 от 27 июля 2006 г.) регулирует обработку персональных данных, включая медицинскую информацию. Он устанавливает принципы защиты данных пациентов, что особенно актуально в условиях внедрения цифровых технологий, таких как электронные медицинские карты и системы дистанционного мониторинга здоровья. Закон гарантирует конфиденциальность и безопасность персональных данных, что способствует

повышению доверия граждан к цифровым сервисам в сфере здравоохранения и минимизации рисков утечек информации [6, ст. 3451].

Основную роль в создании цифрового пространства и цифровизации медицины в России играет Президент РФ, который с помощью указов инициирует разработку программ в различных областях, включая здравоохранение. Согласно программе «Цифровая экономика Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» перед которой поставлена очень важная цель — цифровая трансформация всех сфер жизнедеятельности в более эффективные и современные, что повысит конкурентоспособность России на мировом уровне [7, ст. 2901].

Стратегия подразумевает широкое внедрение цифровых решений, таких как Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ), электронные медицинские карты, телемедицина и системы мониторинга здоровья. Это создает более удобные условия для пациентов и улучшает взаимодействие между медицинскими учреждениями.

Что касается ЕГИСЗ, то основой для ее создания стал Федеральный закон № 242-ФЗ от 29 июля 2017 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья», который регулирует правовые аспекты функционирования ЕГИСЗ. Необходимо отметить основные положения этого закона: обязательное включение всех участников системы здравоохранения (врачей, медицинских организаций, фармацевтов и пациентов) в ЕГИСЗ, что обеспечит прозрачность взаимодействия всех сторон; применение электронных документов вместо бумажных для передачи и хранения медицинской информации; обеспечение безопасности и конфиденциальности персональных медицинских данных, рамках ЕГИСЗ реализуются меры защиты информации, что помогает сохранить врачебную тайну; ЕГИСЗ позволяет собирать и анализировать данные о состоянии здоровья населения в реальном времени [8, ст. 4815].

К тому же, в Указе Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Россий-

ской Федерации на период до 2025 года» обозначены основные направления для совершенствования системы здравоохранения, в частности, внедрение систем экстренного реагирования на изменения в состоянии здоровья пациентов из групп риска с помощью индивидуальных электронных устройств, развитие и применение новых медицинских технологий. Кроме того, акцент сделан на электронном обмене медицинскими документами для упрощения процесса установления инвалидности без личного участия граждан [9].

На основе вышеуказанных актов 24 декабря 2018 года президиум Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам утвердил паспорт национального проекта «Здравоохранение». Этот проект нацелен на улучшение качества медицинской помощи, доступности услуг и повышение эффективности системы здравоохранения в России. В рамках проекта предусмотрены меры по модернизации медицинской инфраструктуры, внедрению цифровых технологий и улучшению подготовки медицинских кадров [10].

В заключение следует отметить, что правовая основа играет ключевую роль в успешной цифровизации здравоохранения. Правильное законодательное регулирование способствует внедрению передовых технологий, обеспечивая при этом защиту прав пациентов и безопасности их персональных данных. Законы, такие как Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», регулирующие цифровые медицинские системы, и Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», направленный на защиту конфиденциальной информации, создают прочную платформу для развития.

В то же время, для дальнейшего совершенствования системы требуется постоянная адаптация законодательства к изменяющимся условиям и технологиям. Например, развитие телемедицины и искусственного интеллекта в здравоохранении требует уточнения нормативных актов, связанных с дистанционными медицинскими услугами и обработкой больших данных.

Таким образом, будущее цифровой медицины в России зависит от грамотного регулирования, улучшения существующих правовых норм и внедрения новейших технологий для повышения качества и доступности медицинских услуг.

Литература:

1. Tapscott D. The Digital Economy. Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence / D. Tapscott. — New York: McGraw-Hill. 1995. — 345 p.
2. Katz R. The transformative economic impact of digital technology / R. Katz. Режим доступа: https://unctad.org/meetings/en/Presentation/ecn162015p09_Katz_en.pdf (дата обращения: 11.02.2025г.).
3. MarketsandMarkets Research. Digital Health Market — Global Forecast to 2027. Режим доступа: <https://www.marketsandmarkets.com/> (дата обращения: 14.02.2025г.).
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 1 июля 2020 г., в ред. от 6 октября 2022 г.) // Российская газета. — 1993. — 1 дек. — Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.02.2025г.).

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья: федер. закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3451.
7. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2901.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья: федер. закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 31. — Ст. 4815.
9. О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 6 июня 2019 г. № 254 // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 24. — Ст. 2997.
10. Президиум Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам. Паспорт национального проекта «Здравоохранение», утвержден 24 декабря 2018 г. Москва // СПС «КонсультантПлюс».

Развитие норм ответственности за нарушения в области финансов, налогов и сборов в отечественном праве

Самигуллин Вадим Ирикович, студент магистратуры

Научный руководитель: Кагазеев Рустам Байзетович, кандидат исторических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор предпринимает попытки проанализировать развитие норм ответственности за нарушения в области финансов, налогов и сборов в отечественном праве.

Ключевые слова: налоговые правонарушения, финансовые правонарушения, бюджетные правонарушения, статистика административных правонарушений, Кодекс об административных правонарушениях.

История финансов и налогообложения, как основного источника пополнения государственной казны, уходит своими корнями в глубокую древность и насчитывает множество веков. На протяжении этого длительного периода развития налогового института многое трансформировалось, однако неизменным оставался факт взимания налогов государством.

В истории налогов и налоговой ответственности в России отправной точкой служит период возникновения первых древнерусских княжеств, когда с формированием государственности возникла необходимость в налогообложении. Несмотря на это, законодательная база, регулирующая налоговую систему, начала формироваться лишь с конца IX века. Вместе с тем, вводятся начальные штрафные меры в случае несвоевременной оплаты данных налогов. Эти положения впервые зафиксированы в юридических документах Пскова и Новгорода [6].

Первым письменным источником, содержащим упоминания о налогах, является Расширенная редакция Русской правды. В те времена размер налога зависел от количества печей в доме и взимался двумя способами. Первый способ, известный как «полюдье», предполагал сбор дани князем и его дружиной. Второй способ, «повоз», заклю-

чался в самостоятельной доставке дани князю налогоплательщиками [8].

Со временем практика полюдья сокращалась и в конечном итоге прекратилась, когда население привыкло к уплате части своих доходов в казну. Уклонение от налогов влекло за собой применение насилия и жестокое обращение с неплательщиками.

В середине XVII века в России были созданы специальные должности — приказчики, в чьи обязанности входил сбор налогов и предотвращение уклонения от их уплаты. Приказчики, назначаемые из числа дворян и подьячих, наделялись широкими полномочиями и подчинялись непосредственно центральному приказу, что должно было гарантировать их неподкупность и эффективность [11].

В рассматриваемый временной отрезок часто применялись взыскания вроде денежных штрафов, отчуждения собственности и физических наказаний. Для представителей власти, отвечавших за взимание налогов, предусматривались более суровые меры. В случаях особо тяжких правонарушений допускалась высшая мера наказания — казнь.

В период с XVI по XIX века Россия часто участвовала в войнах, что требовало значительных государственных

расходов. В связи с этим, налоговые ставки постоянно росли, а также вводились новые налоги. Основное налоговое бремя приходилось на крестьян. К неплательщикам применялись суровые наказания, вплоть до смертной казни.

Существенные изменения в налоговой политике России произошли во время правления Екатерины II. В этот период в обращение вошли бумажные деньги — ассигнации. Однако ни выпуск новых денег, ни другие меры не смогли решить финансовые проблемы государства [9].

XVIII век ознаменовался появлением в России налога на капитал. Основными плательщиками этого налога были купцы, промышленники и предприниматели, которые платили налог в зависимости от размера своего капитала. Помимо налога на капитал, казна пополнялась за счет косвенных налогов и сборов, таких как соляные, судебные, таможенные и другие.

Формирование налоговой системы в России началось в конце XIX века. Это было обусловлено быстрым ростом государственных потребностей, связанных с переходом от натурального хозяйства к денежному. В ходе налоговой реформы 1881–1885 годов был отменен соляной налог и подушная подать, введены новые налоги и создана податная служба [10].

Важную роль в новой системе играли акцизы и таможенные пошлины. Значительное место отводилось косвенным налогам, которые составляли почти половину всех налоговых поступлений в государственный бюджет. Прямые налоги, в отличие от косвенных, были менее распространены и составляли менее 10 процентов бюджета.

В 1898 году Николай II утвердил Положение о государственном промысловом налоге, которое действовало до революции 1917 года и занимало одно из центральных мест в налоговой системе России. Согласно этому Положению, физические и юридические лица обязаны были приобретать промысловые свидетельства на каждое промышленное предприятие, торговое заведение или пароход. Свидетельства подразделялись на три торговых и восемь промышленных разрядов, определявших размер налога. Положение также предусматривало уголовную ответственность за уклонение от уплаты данного налога.

Уголовное уложение 1903 года содержал положения об ответственности за уклонение от налоговых выплат и обязательных сборов. В них были четко определены элементы данных правонарушений [2]. В частности, статьи 327 и 328 Уголовного кодекса 1903 года предусматривали санкции для тех, кто сознательно искажал данные в отчетности и балансе компаний, что вело к занижению налоговых платежей.

После 1917 года российская финансовая система столкнулась с коллапсом. Основным источником доходов для центрального советского правительства стала денежная эмиссия, в то время как местные власти выживали за счет различных конфискации.

Этот период можно рассматривать как быстрое начало развития ответственности за налоговые нарушения. На-

пример, декрет Совета Народных Комиссаров «О взимании прямых налогов» предусматривал денежные штрафы, вплоть до конфискации имущества, для тех, кто не платил подоходный и единовременный налоги [5]. Умышленная задержка уплаты налогов каралась лишением свободы на срок до пяти лет.

Некоторая стабильность в финансовой системе страны появилась с введением НЭПа. Эта система предполагала налогообложение на основе определенной структуры отношений собственности, обеспечивающей юридическую независимость хозяйствующих субъектов от государственного управления.

Стремление государства ограничить массовое уклонение от налогов привело к криминализации ряда нарушений и усилению наказаний за их совершение. Неуплата налогов рассматривалась как скрытое сопротивление советской налоговой политике и советской власти в целом.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года, в разделе «Преступления против порядка управления» [3], был представлен значительный перечень статей, предусматривающих ответственность за преступления против системы налогообложения. Например, статья 78 УК РСФСР устанавливала ответственность за массовый отказ от уплаты налогов в денежной и натуральной форме; статья 79 — за несвоевременную уплату или отказ от уплаты налогов отдельными гражданами, а также за другие преступления.

С течением времени санкции за налоговые преступления неоднократно пересматривались. Например, в Уголовном кодексе РСФСР предусматривалась ответственность за отказ или уклонение от уплаты налогов или выполнения повинностей в военное время.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [4] также относил это преступление к категории налоговых. Наказанием за него было лишение свободы с полной изоляцией на срок не менее шести месяцев, а при особо отягчающих обстоятельствах — вплоть до смертной казни.

Дальнейшая эволюция финансовой системы России была тесно связана с экономическим и политическим курсом страны. Начало репрессий и отказ от Новой экономической политики привели к снижению важности налоговых отношений. В короткий срок произошло перераспределение финансовых ресурсов через государственный бюджет посредством изъятия прибыли у предприятий [7].

В начале 1990-х годов в России начала формироваться новая налоговая система. Важную роль стали играть косвенные налоги, такие как налог на добавленную стоимость и акцизы, включенные в цену товара. Значительное место заняли также налоги с физических лиц.

Учитывая экономический спад, сокращение инвестиций и снижение уровня жизни населения, Правительство России пришло к выводу, что для эффективного преобразования налоговая система должна быть стабильной и оптимальной. Именно эти характеристики налоговой системы должны были поддержать производство и улучшить инвестиционную политику.

В настоящее время в финансовой сфере к административным правонарушениям применяются меры, предусмотренные главой 15 Кодекса об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ) [1]. Данная глава регламентирует наказания за проступки, касающиеся финансов, налогов, страхования и рынка ценных бумаг.

Анализ положений 15 главы КоАП РФ показывает, что ответственность за финансовые нарушения реализуется посредством штрафов, конфискации инструментов или объектов правонарушения, лишения права занимать определенные должности, предупреждений и временного прекращения деятельности.

Административная ответственность за нарушения в финансовой сфере является важным элементом системы юридической ответственности за противоправные дей-

ствия в области финансов в целом и административной ответственности в частности. Она основана исключительно на административно наказуемых деяниях в финансовой сфере, предусмотренных законодательством об административных правонарушениях.

Таким образом, история развития юридической ответственности за нарушения финансового и налогового законодательства в России отражает поступательное движение от жестких мер наказания к более гибкой и дифференцированной системе, учитывающей как тяжесть правонарушения, так и индивидуальные обстоятельства его совершения. Современная система представляет собой сложный комплекс норм, направленных на обеспечение финансовой дисциплины и защиту интересов государства и общества.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (с изм. и доп. от 7 апреля 2025 г. N 70-ФЗ) // «Российская газета». — 2001. — N 256.
2. Уголовное уложение 1903 года // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2017. — № 7 (35). — С. 222–245.
3. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // [Электронный источник: справочно-поисковая система «Консультант-Плюс»] — документ утратил силу.
4. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р. С. Ф. С. Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р. С. Ф. С. Р.».) // [Электронный источник: справочно-поисковая система «Консультант-Плюс»] — документ утратил силу.
5. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О взимании прямых налогов» // Собрание узаконений РСФСР. — 1917. — N 5. — Ст. 71. — документ утратил силу.
6. Балабанов В. О. Об истории ответственности за налоговые преступления в России // E-Scio. 2021. № 6 (57). — С. 116–121.
7. Васкевич К. Н. Административная ответственность за правонарушения в области налогов и сборов в Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.14 / К. Н. Васкевич; ФБГОУ ВПО РАНГХиС. — Москва, 2018. — 177 с.
8. Иванов В. А. Законодательство в области неуплаты налогов и сборов в России: исторический аспект // Евразийский Союз Ученых. — 2018. — № 11–3 (56). — С. 58–64.
9. Муравьева Л. А. Финансовая политика Екатерины II // Финансы и кредит. — 2020. — № 22 (406). — С. 72–80.
10. Паращевина Е. А. Теоретико-правовые основы ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах // Мировая наука. — 2017. — № 7 (7). — С. 84–88.
11. Савватеев Е. А. История развития ответственности за налоговые преступления в отечественном праве // Аллея науки. — 2018. — Т. 1. № 1 (17). — С. 521–526.

О реформировании правозащитного института Уполномоченного по правам предпринимателей в Российской Федерации

Самусик Александр Михайлович, аспирант

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Идея создания института Уполномоченного по правам предпринимателей в Российской Федерации (или, как его еще иногда называют: бизнес-омбудсмена) выросла в недрах ОПОРЫ России — Общероссийской общественной организации малого и среднего предпри-

нимательства, целью деятельности которой является содействие консолидации предпринимателей и иных граждан в формировании благоприятных политических, экономических, правовых и иных условий развития предпринимательской деятельности в Российской Федерации.

На состоявшемся в начале февраля 2012 года форуме «Россия-2012» Президент Российской Федерации В. В. Путин, среди инициатив по улучшению экономической ситуации в стране, инвестиционного климата, мер поддержки предпринимателей назвал введение института Уполномоченного по правам предпринимателей: «В России появится уполномоченный по защите прав всех предпринимателей, а не только иностранных инвесторов. Он получит особый процессуальный статус».

08 мая 2013 г. вступил в силу Федеральный закон N 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации», регламентирующий вопросы правового положения, основных задач и компетенцию Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, а также уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации.

Основными задачами уполномоченных по защите прав предпринимателей являются:

- защита прав и законных интересов российских и иностранных субъектов предпринимательской деятельности (в том числе членов органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению такой организацией) на территории Российской Федерации и российских субъектов предпринимательской деятельности на территориях иностранных государств в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, договоренностями на взаимной основе федеральных органов государственной власти с государственными органами иностранных государств, международными и иностранными организациями;

- осуществление контроля за соблюдением прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности (в том числе членов органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению такой организацией) федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления;

- содействие развитию общественных институтов, ориентированных на защиту прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности;

- взаимодействие с предпринимательским сообществом;

- участие в формировании и реализации государственной политики в области развития предпринимательской деятельности, защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Первым Российским бизнес-омбудсменом был назначен Борис Титов Указом Президента РФ от 22 июня 2012 г. N 879 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей», занимающий эту должность и по настоящее время.

Должность региональных бизнес-омбудсменов в настоящее время введена в 85 регионах Российской Федерации.

Названный правозащитный институт динамично и планомерно развивается, за более десяти лет своего существования он стал важным звеном в системе правозащитных институтов Российской Федерации.

Деятельность уполномоченных по защите прав предпринимателей стала одним из альтернативных способов разрешения конфликтов между предпринимательским сообществом и государством в лице его государственных органов управления и контроля.

Согласно данным ежегодного доклада Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей за 2022 год, в рамках реализации полномочий института уполномоченных по защите прав предпринимателей:

- направлено предложений Президенту РФ — 112;
- направлено предложений в Правительство РФ — 170;
- принято участие в подготовке постановлений Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ — 22;
- направлено предписаний о приостановлении действия муниципальных актов — 11;
- подготовлено предложений о принятии и изменении нормативных правовых актов, направленных в органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления — 10 116;
- подготовлено ходатайств о привлечении виновных должностных лиц к дисциплинарной и административной ответственности — 5 113;
- принято участие в рассмотрении дел судами в качестве истца, заявителя или третьего лица — 6 116;
- произведено посещение подозреваемых и обвиняемых в СИЗО — 880;
- подготовлено мотивированных предложений об отмене или о приостановлении действия актов органов исполнительной власти, направленных высшему должностному лицу субъекта РФ — 1 149.

В рамках работы уполномоченных по защите прав предпринимателей в составе Межведомственной рабочей группы по защите прав предпринимателей, созданной по инициативе Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и Генеральной прокуратуры РФ, в 2022 г.:

- выявлено 214 000 нарушений законов в сфере защиты хозяйствующих субъектов;
- 40 400 должностных лиц привлечено к дисциплинарной ответственности;
- 261 уголовное дело возбуждено по фактам нарушения законодательства, обеспечивающего защиту прав предпринимателей;
- была погашена задолженность по государственным и муниципальным контрактам на сумму 247 100 000 000 руб.;

— восстановлены нарушенные права 24 000 субъектов предпринимательской деятельности.

Несмотря на явно положительные результаты деятельности уполномоченных по защите прав предпринимателей, в 2023 г. Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) обратился к Президенту РФ с предложением о кардинальном реформировании правозащитного института уполномоченных по защите прав предпринимателей, а именно о замене этого института на национальный координационный центр по защите прав предпринимателей, созданный в форме автономной некоммерческой организации, в состав учредителей которой могут войти объединения предпринимателей России и государство. РССП был разработан соответствующий законопроект.

По мнению РСПП, в настоящее время есть ряд структур, которые занимаются защитой прав предпринимателей, функции которых дублируются. Кроме бизнес-омбудсмана это АНО «Платформа для работы с обращениями предпринимателей», где в наблюдательном совете руководители четырех ведущих бизнес-объединений, РСПП, ТПП, «Деловой России» и «Опоры России», первый вице-премьер Андрей Белоусов, министр экономического развития Максим Решетников, помощник президента Максим Орешкин, заместители руководителей четырех правоохранительных структур: Генеральной прокуратуры РФ, ФСБ, МВД, СКР. Кроме того, в 2016 г. Президентом РФ была создана рабочая группа по правоприменительной практике в предпринимательской сфере во главе с руководителем администрации президента примерно с тем же составом, что и в наблюдательном совете АНО «Платформа для работы с обращениями предпринимателей».

Инициатива, по сути, предполагает объединение действующего института уполномоченных по защите прав предпринимателей с АНО «Платформа для работы с обращениями предпринимателей» и цифровой платформой «За бизнес», где предприниматели могут жаловаться на давление со стороны государственных контрольных и надзорных органов.

В национальном координационном центре предполагается сформировать наблюдательный совет из представителей органов государственной власти и бизнес-объединений. Наблюдательный совет должен будет рассматривать и обобщать предложения по устранению «системных проблем» в регулировании деятельности бизнеса, устанавливать порядок подачи и рассмотрения жалоб бизнеса, утверждать доклад Президенту РФ о своей работе и т. п. Председатель наблюдательного совета должен утверждаться Президентом РФ на срок пять лет, одно и то же лицо не сможет быть председателем более двух сроков подряд.

Создание любой правозащитной организации или правозащитного института можно только приветство-

вать, но инициатива РСПП вызывает обоснованные сомнения и дискуссии.

Основной проблемой является изменение правового статуса правозащитного института с государственного института на общественный. Действующий бизнес-омбудсмен Борис Титов в отношении этой инициативы РСПП сказал, что институту уполномоченного по защите прав предпринимателей нельзя терять статус государственного института и полномочия, которые даны соответствующим федеральным законом. Он не согласен с тем, что создание отдельной АНО повысит статус защитника прав предпринимателей: «Любой, даже очень представительный, но общественный институт не может сравниться с госорганом, полномочия и ответственность которого прописаны отдельным законом».

С этим утверждением нельзя не согласиться, в существующем виде институт уполномоченных по защите прав предпринимателей обладает большими возможностями в осуществлении своих функций во взаимодействии с органами государственной власти, представляется сомнительным, что общественной организации будут предоставлены существующие в настоящее время у уполномоченных полномочия, например такие как: право приостанавливать решения муниципальных властей, участвовать в проверках, проводимых государственными органами контроля (надзора), без специального разрешения посещать места содержания под стражей и места лишения свободы и т. п. Также вряд ли на законодательном уровне будет закреплена обязанность руководителей и иных должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления предоставлять в письменной форме ответы (сведения, информацию и т. п.) общественной организации в ограниченные сроки.

Также представляется сомнительным введение административной ответственности для должностных лиц за воспрепятствование деятельности общественной организации по аналогии со ст. 17.2.2. «Воспрепятствование законной деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Таким образом инициатива РСПП по реформированию правозащитного института уполномоченных по защите прав предпринимателей фактически и на практике может привести к значительному понижению правового статуса правозащитного института, снижению его эффективности в современных нелегких для России экономических условиях, когда все более очевидна необходимость развития и совершенствования институтов поддержки, развития и защиты предпринимательства. При этом представляется, что рассмотренные два правозащитных института в виде государственного органа и общественного объединения могут сосуществовать и взаимодополнять друг друга.

Проблемы типичных следственных ситуаций по делам о получении взятки

Симинько Сергей Олегович, студент магистратуры

Научный руководитель: Глазунов Борис Борисович, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассмотрены ключевые проблемы, возникающие при выявлении типичных следственных ситуаций по делам о получении взятки.

Ключевые слова: коррупция, явления коррупционной направленности, взяточничество, типичные следственные ситуации, расследование коррупции.

Генеральная прокуратура Российской Федерации предоставила данные о материальном ущербе, причиненном коррупционными преступлениями. За 2022 год по оконченным и приостановленным уголовным делам, а также по материалам об отказе в возбуждении уголовного дела, сумма ущерба достигла 56,47 млрд рублей. Для сравнения, за период с 2011 по 2020 год включительно общий ущерб составил 559,86 млрд рублей. Пик причиненного ущерба пришелся на 2016 год и составил 78,44 млрд рублей. Среднегодовой ущерб за период с 2011 по 2022 год равнялся 46,66 млрд рублей со средневзвешенным годовым темпом роста в 14,95 %.

За тот же период, с 2011 по 2022 год, число лиц, совершивших коррупционные преступления, составило 191 048 человек. Исходя из этих данных, средний ущерб, причиненный одним лицом, составляет 2,93 млн рублей.

Статистика Генеральной прокуратуры также показывает, что в среднем за год с 2011 по 2022 регистрировалось около 15,9 тысяч коррупционных преступлений. [3, с. 41]

В связи с представленной выше информацией путем не хитрых расчетов, представляется разумным предположить, что снижение годового уровня преступности всего на 5 % позволило бы уменьшить число преступников на 796 человек, что эквивалентно сокращению ущерба на 2,33 млрд рублей (исходя из среднего ущерба в 2,93 млн рублей на человека). Эти данные свидетельствуют о значительном потенциале и эффективности мер по противодействию коррупции.

Однако на практике правоохранительные органы сталкиваются с суровыми обстоятельствами реальной действительности, которые затрудняют их деятельность по противодействию указанным явлениям. Предлагается рассмотреть, с какими проблемами сталкиваются органы, на чьи плечи возложены подобные задачи, и предложить пути их решения, с целью облегчить перманентную борьбу в гонке вооружений между преступностью и лицами, пресекающими преступную деятельность, с точки зрения различных аспектов уголовно-правовой науки. Представляется также рациональным рассмотреть на конкретном примере борьбы со взяточничеством положение дел, связанных с выявлением моделей типичных следственных ситуаций, пребывающих в арсенале правоохранительных органов и способствующих решению подобных задач.

Деятельность взяточника в большинстве случаев сосредоточена на стремлении к приобретению материальных благ, что подразумевает получение определенных ресурсов, даже если это происходит незаконным образом. Иначе говоря, основной целью преступника становится получение имущества или прав на определенное имущество, которым он затем сможет свободно распоряжаться. К данной категории относятся не только вещи, включая наличные средства и ценные бумаги, но и иное имущество, такое как безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права, а также результаты выполненных работ и оказанных услуг. [2, с. 5]

В контексте взяточничества, помимо денежных средств, ценных бумаг и иного имущества, предметом взятки могут выступать незаконно оказанные услуги имущественного характера. Под такими услугами понимаются действия, предоставляемые взяткополучателю безвозмездно, но предполагающие оплату в обычных условиях. Примерами могут служить оплата туристической путевки, медицинских услуг, строительство недвижимости и прочее. Однако для квалификации деяния важно не столько характер самой услуги, сколько её материальное выражение, подтвержденное документально, например, построенный дом и соответствующая документация.

Успешное расследование взяточничества критически зависит от тесного взаимодействия следователя и оперативных сотрудников. Это синергетическое сотрудничество, как аргументирует В. В. Трухачев, позволяет консолидировать потенциал органов предварительного расследования и оперативных подразделений, обеспечивая быстрое и всестороннее раскрытие таких преступлений. Аналогичной позиции придерживаются ведущие эксперты в области криминалистики, включая Ф. В. Глазырина, С. В. Кавешника, В. В. Фомина, Н. Г. Шурухнова и др. Этот акцент на межведомственном взаимодействии обусловлен тем, что подавляющее большинство уголовных дел о взяточничестве иницируется на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Тактика проведения ОРМ в данном контексте диктуется принципом строгой конфиденциальности. Скрытый характер оперативно-розыскных мероприятий предотвращает уничтожение улик (предмета взятки) и минимизирует риск воздействия на свидетелей со стороны подозреваемых. [5, с. 59]

Одним из существенных препятствий на пути эффективного расследования взяточничества является недостаточное внимание оперативных сотрудников к процедуре фиксации результатов своей работы. Зачастую, выявив факт преступления, они считают свою миссию завершенной, не придавая значения тщательному оформлению материалов ОРМ и их потенциальной доказательной силе в суде. Вероятно, именно это обстоятельство обуславливает относительно небольшое количество уголовных дел о взяточничестве, передаваемых в судебные инстанции.

Когда речь заходит о расследовании взяточничества, правильное понимание и определение следственной ситуации становится настоящим ключом к успеху — именно оно задает тон всему ходу расследования. Успех расследования дел о взяточничестве напрямую связан с благоприятной следственной ситуацией. Достижение такой ситуации требует тщательной подготовки оперативниками предстоящих ОРМ. Одним из ключевых элементов этой подготовки становится грамотная работа с заявителем, сообщившим о факте взятки или готовящемся преступлении. Заявителю необходим подробный инструктаж о порядке действий, особенностях ведения бесед с подозреваемым (чьи телефонные переговоры, вероятно, прослушиваются), эффективных методах аудиозаписи встреч и возможных развития событий.

Анализ следственных ситуаций, возникающих в ходе расследования взяточничества, выявляет отсутствие как устоявшегося определения этого понятия, так и единого подхода к их классификации. Необходимость формулирования универсальной модели следственной ситуации при взяточничестве вызывает дискуссии. Учитывая уникальность каждого конкретного случая и многогранность самой следственной ситуации, формирование единой, так называемой «типичной», модели представляется затруднительным. Несмотря на то, что взяточничество охватывает различные виды преступлений (получение взятки, дача взятки, посредничество), каждое со своей уникальной следственной ситуацией, существуют общие элементы, позволяющие выделить типологические следственные ситуации на основе комбинаций определенных характеристик.

Принято считать, что типичных следственных ситуаций не бывает — каждая из них носит неповторимый характер. Однако в издании под редакцией Р. С. Белкина подробно рассматривается, из каких элементов складывается следственная ситуация. Эта система условий включает в себя несколько важных компонентов: психологический, информационный, процессуально-тактический, материальный и организационно-технический. В расследованиях, связанных со взяточничеством, на первый план выступают информационные составляющие, отражающие степень осведомленности следователя о фактах совершённого правонарушения и его структуре. [4, с. 21]

Успешное определение следственной ситуации играет одну из ключевых ролей, ведь именно от этого напрямую зависит выбор правильной стратегической линии

и тактических шагов. Основываясь на анализе практики, можно выделить три типичные, но в то же время существенно отличающиеся друг от друга следственные ситуации, каждая из которых предъявляет свои требования и особенности.

Начнем с первой ситуации, когда факт или намерение совершения взяточничества становится известен благодаря заявлению заинтересованного лица. В такой ситуации уже имеется определенный массив информации о субъекте преступления, его намерениях и ключевых действиях. Разумеется, степень полноты сведений о других структурных элементах преступления значительно варьируется, что напрямую формирует спектр возможных тактических решений. К категории данного типа относятся также случаи явки с повинной, когда заявителем может выступать любой из участников схемы — будь то взятодатель, взятополучатель, посредник, либо вообще любое физическое лицо, обладающее релевантными сведениями.

Переходя ко второй ситуации, следует подчеркнуть, что здесь источником информации выступают органы оперативно-розыскной деятельности. Данные, поступающие от физических лиц, часто являющихся конфиденциальными информаторами, либо полученные в ходе специализированной оперативной разработки, обеспечивают предварительную картину преступления. При этом объем сведений по личности взятополучателя и иным элементам преступления в каждом конкретном случае отличается, что нередко создает препятствия для возбуждения уголовного дела с последующим началом расследования. Существенным аспектом является то, что подобная информация не обладает процессуальной или доказательной силой изначально и требует сложной процедуры легализации в рамках уголовного судопроизводства, чтобы быть использованной на деле.

Наконец, третья ситуация складывается, когда сведения о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях выявляются следователем в процессе ведения расследования уголовных дел иной направленности. Примечательно, что такая ситуация со временем способна трансформироваться в одну из первых двух, что, в свою очередь, влечет за собой перераспределение приоритетов и уточнение направленности следственных действий.

Таким образом, рассмотренные варианты следственных ситуаций при расследовании взяточничества демонстрируют многообразие исходных позиций, каждая из которых требует учета специфики и динамики развития обстоятельств, что позволяет выстраивать более эффективный и осмысленный процесс следствия.

Анализ изложенных фактов позволяет выделить ключевые положения, формирующие основу эффективного расследования дел о взяточничестве. Прежде всего, детальная предварительная оценка следственной обстановки не только обосновывает выбор тактического направления, но и служит фундаментом для координации действий следственных органов и служб оперативно-розыскной деятельности. Благодаря этому создаются объективные

версии событий, что способствует рационализации и оптимизации проведения следственных мероприятий.

Второй аспект, заслуживающий особого внимания, связан с типичными следственными ситуациями, возникающими на ранних этапах расследования взяточничества. Как правило, можно выделить три основные сценария. Первый — обращение заинтересованного лица

с заявлением о совершённом или планируемом коррупционном деянии. Второй сценарий предполагает поступление в органы ОРД информации о наличии одного либо нескольких эпизодов взяточничества. Третий, не менее важный, заключается в том, что данные о коррупционных преступлениях могут обнаруживаться следователем в ходе расследования иных уголовных процессов.

Литература:

1. Голоскоков Л. В. Коррупция как угроза национальной безопасности / Л. В. Голоскоков — Актуальные проблемы борьбы с коррупцией: материалы всероссийской научно-практической конференции (Москва, 27 октября 2023 года) М.: Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, 2024—171 с.
2. Казанцев Д. А. Некоторые проблемы применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за взяточничество / Д. А. Казанцев. — Журнал: Российско-азиатский правовой журнал — 2019—10 с.
3. Никонов, П. В. Криминологический анализ коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения: монография / П. В. Никонов. — Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. — 131 с.
4. Хлус А. М. Типичные следственные ситуации и версии при расследовании взяточничества: проблемы теории и практики применения / А. М. Хлус — Белорусский государственный университет Вестник ВГУ. Серия: Право — 2019. — 256 с.
5. Яшин А. В. Проблемы выявления и расследования взяточничества / А. В. Яшин, Д. М. Курмаева // Электронный научный журнал: «Наука. Общество. Государство» — 2020. — 151 с.

Анализ судебной практики применения административных наказаний к государственным служащим за административные правонарушения

Смирнова Анна Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу судебной практики применения административных наказаний к государственным служащим за совершение административных правонарушений. В ней рассматриваются ключевые проблемы правоприменения, связанные с недостаточной четкостью законодательства и различиями в квалификации правонарушений как административных или дисциплинарных. Особое внимание уделено судебным делам, в которых выявлены сложности в разграничении административной и дисциплинарной ответственности. Анализируется эффективность существующих наказаний, предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства, включая необходимость внесения изменений в Кодекс об административных правонарушениях и создание отдельной главы, посвященной ответственности государственных служащих.

Ключевые слова: административные наказания, государственные служащие, судебная практика, правоприменение, законодательные изменения.

Анализ судебной практики применения административных наказаний к государственным служащим за совершение административных правонарушений представляет собой актуальную задачу в области юриспруденции. В последние годы вопросы ответственности государственных служащих за нарушение законодательства, эффективность применяемых мер наказания, приобретают всё большее значение как в правовом, так и в общественном контексте.

Актуальность исследования связана с тем, что государственные служащие играют ключевую роль в функ-

ционировании государственной власти и управлении, что делает их поведение и соблюдение законодательства значимыми для обеспечения эффективного функционирования всей системы. Нарушения административных норм со стороны государственных служащих могут привести к снижению доверия общества к государственным институтам и подрыву авторитета власти. В условиях постоянно изменяющегося правового поля и увеличения числа случаев административных правонарушений среди государственных служащих необходимо более детально изучить судебную практику в данной области, чтобы вы-

явить проблемы правоприменения и предложить пути их решения.

Административные наказания занимают ключевое место в системе государственного управления, обеспечивая дисциплину и порядок среди государственных служащих. В теоретическом аспекте понятие административного правонарушения рассматривается как противоправное деяние, нарушающее установленный порядок и подлежащее административной ответственности. А. М. Мурсалов выделяет различные виды объектов административных правонарушений, что способствует более точной квалификации деяний и эффективному применению соответствующих наказаний.

В период с 2020 по 2022 годы было зафиксировано значительное количество административных правонарушений. В 2020 году по статье 5.59 КоАП РФ было зарегистрировано 8306 правонарушений, из которых 6700 государственных служащих были привлечены к ответственности. В результате наложения штрафов на нарушителей была взыскана сумма 39 779 428 рублей. В 2021 году количество рассмотренных дел по этой же статье возросло до 8852, и штрафы были наложены на 7262 государственных служащих, общая сумма взысканных штрафов составила 41 896 811 рублей. В 2022 году наблюдается рост числа правонарушений, совершенных государственными служащими, до 9148 случаев. Из них 7423 человека были привлечены к административной ответственности, а сумма штрафов составила 42 430 913 рублей [10, с. 22].

Особое внимание уделяется правовому положению государственных служащих, которое характеризуется наличием специфических прав и обязанностей. С. Н. Керамова отмечает, что их деятельность направлена на реализацию функций государства, что требует высокого уровня ответственности и дисциплины. Нарушения со стороны государственных служащих могут существенно подрывать доверие общества к государственным институтам, поэтому их правовой статус и ответственность являются предметом детального изучения [5, с. 217].

На сегодняшний день ученые рассматривают различные аспекты административной ответственности в контексте государственной службы. У. С. Минина в своих исследованиях подчеркивает, что административное правонарушение, совершенное должностным лицом, может быть одновременно квалифицировано как административный и дисциплинарный деликт. Он выдвигает гипотезу о том, что действия, которые нарушают закон, могут быть одновременно рассмотрены как преступные, но в случаях, когда не причиняется значительный социальный вред, такое нарушение можно квалифицировать как административное правонарушение [7, с. 281].

Ю. Н. Стариков, в свою очередь, выделяет две основные разновидности административной ответственности, применяемые к должностным лицам: превенция и административные взыскания. Превентивные меры нацелены на предотвращение правонарушений, в то время как взыскания связаны с наказанием за уже совершенные

проступки. Существуют противоречия, и некоторые исследователи считают, что к должностным лицам, помимо стандартных мер наказания, должны применяться и другие санкции, такие как лишение прав, что подтверждает необходимость пересмотра правовых актов, регулирующих административную ответственность, для их совершенствования и повышения эффективности.

Р. С. Кулиев акцентирует внимание на проблеме недостаточной эффективности наказаний, применяемых к государственным служащим за коррупционные правонарушения [6, с. 269]. Он утверждает, что такие правонарушения должны быть перенесены в категорию административных правонарушений, что позволит более эффективно бороться с коррупцией в государственном аппарате. Несмотря на существование отдельных статей в КоАП РФ [1], относящихся к коррупционным правонарушениям, их недостаточность и нерегулярное применение свидетельствуют о проблемах правоприменительной практики.

Административная ответственность должностных лиц в рамках государственной службы не всегда была четко определена. В. И. Астапенко утверждает, что законодательные акты, регулирующие действия государственных служащих, требуют дополнительных уточнений, особенно в части административных правонарушений, не относящихся к преступлениям. Одним из ключевых моментов является правильная квалификация правонарушений, где необходимо учитывать не только характер деяния, но и умысел, с которым оно было совершено [8, с. 12].

Роль административных наказаний в системе государственного управления невозможно переоценить. Они служат инструментом обеспечения дисциплины, предупреждения правонарушений и укрепления доверия граждан к государственным органам. А. Ш. Гасаналиев подчеркивает, что эффективное функционирование органов исполнительной власти невозможно без наличия четко регулируемой системы наказаний, направленных на поддержание порядка и законности [4, с. 187].

Теоретические основы применения административных наказаний к государственным служащим включают в себя комплексное понимание понятий административного правонарушения, учет особенностей правового положения служащих и признание значимости наказаний как элемента государственного управления.

В Российской Федерации ключевыми документами в этой области являются Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [1], регулирующий виды правонарушений и соответствующие наказания, Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2], который устанавливает права, обязанности и ответственность гражданских служащих. Данные акты формируют правовую основу для привлечения государственных служащих к ответственности за нарушения, связанные с их служебной деятельностью.

Для понимания контекста административного правонарушения, рассмотренного в Верховном Суде Российской Федерации, необходимо обратить внимание на ряд весомых аспектов, касающихся действий должностных лиц, осуществляющих государственный контроль и надзор. В данном случае рассмотрение жалобы на постановления мирового судьи, районного суда и кассационного суда связано с делом Андрея Николаевича Кузнецова, старшего государственного инспектора Межрегиональной территориальной государственной инспекции труда в Алтайском крае и Республике Алтай. Основным предметом спора заключается в правомерности проведения проверки, которая была признана в конечном итоге незаконной, что привело к наложению административного наказания.

Дело касается административного правонарушения, квалифицированного по части 1 статьи 19.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которая предполагает ответственность за несоблюдение должностными лицами требований законодательства в области государственного контроля и надзора, что включает нарушение порядка проведения проверок, отсутствие основания для их проведения, прочие нарушения в процессе контроля, что является критерием для привлечения к административной ответственности.

Суть данного дела заключается в том, что А. Н. Кузнецов, занимавший должность старшего государственного инспектора, был привлечен к ответственности за проведение внеплановой документарной проверки без законных оснований. В ходе разбирательства суды разных инстанций пришли к единому выводу о наличии административного правонарушения, что было подтверждено собранными доказательствами, включая постановление о возбуждении дела, акты проверок и предписания.

Ключевым моментом в этом процессе является разбор вопроса о законности проведения контрольных мероприятий без наличия оснований для их проведения. В соответствии с законодательством о государственном контроле и надзоре, для начала проверок необходимо наличие конкретных сведений о правонарушениях или угрозе причинения ущерба охраняемым интересам, что должно служить основой для принятия решения о проведении внеплановых проверок. В данном случае, как указано в материалах дела, основания для проведения проверки были ошибочно расширены, и в конечном итоге сама проверка была признана необоснованной.

Следовательно, юридическая значимость этого дела заключается в том, что оно демонстрирует значение соблюдения точности и строгости в соблюдении процедурных норм при проведении контрольных мероприятий. Любое нарушение этих норм может привести к административной ответственности, как это и произошло с Кузнецовым.

Далее, рассматривая выводы судебных инстанций, можно отметить значимость соблюдения принципов правосудия и защиты прав должностных лиц. В частности, решающий момент касается процедуры рассмотрения

жалоб и возможных нарушений прав Кузнецова на защиту. Однако, как выяснилось, все действия в рамках судебного разбирательства были осуществлены в соответствии с нормами Кодекса об административных правонарушениях, что подтверждается надлежащими уведомлениями и процессуальными решениями.

На разных стадиях разбирательства были представлены значительные доказательства, которые играли решающую роль в подтверждении вины обвиняемого. Среди них, например, решения о проведении проверки и материалы проверок, документы, подтверждающие нарушения и подчеркивает, как необходимо для судебной практики наличие четких и непреложных доказательств для вынесения обоснованных решений.

В анализируемом деле стоит выделить аспект ответственности за неправомерное исполнение должностных обязанностей. В рамках государственных и муниципальных служб, где инспектора обязаны следовать строгим инструкциям и соблюдать законность, любое отклонение от нормы, как в случае с Кузнецовым, может привести к серьезным юридическим последствиям. В данном случае несоблюдение порядка проведения проверки стало основанием для привлечения к ответственности.

Подытожив, можно отметить, что данное судебное дело иллюстрирует важность тщательного соблюдения юридических норм при проведении проверок, защищенности прав должностных лиц, включая их право на защиту в случае нарушения их прав [3].

Анализ судебной практики в области привлечения государственных служащих к административной ответственности выявляет ряд характерных особенностей и проблем. Суды сталкиваются с трудностями в разграничении административной и дисциплинарной ответственности, что приводит к неоднозначному применению норм законодательства. Отсутствие четкого разграничения между этими видами ответственности может приводить к избыточному наложению дисциплинарных взысканий за действия, которые могли бы квалифицироваться как административные правонарушения.

Примеры судебных дел демонстрируют сложности в применении норм, регулирующих трудовые отношения с бывшими государственными служащими. В одном из случаев, рассмотренных Свердловским областным судом, должностное лицо было привлечено к ответственности за несоблюдение обязательства по уведомлению налоговой инспекции о заключении трудового договора с бывшим государственным служащим. Однако суд отменил постановление, указав на отсутствие состава правонарушения, поскольку у работодателя не было сведений о предыдущем месте службы работника.

При рассмотрении дел по статье 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях возникают трудности. Например, в деле, рассмотренном Верховным Судом РФ, организация была привлечена к ответственности за несоблюдение обязанностей при трудоустройстве бывшего государственного служащего. Суд

отметил, что невыполнение обязанности по сообщению сведений о замещаемой должности свидетельствует об отсутствии оснований для привлечения работодателя к ответственности, если у него нет сведений о предыдущем месте работы сотрудника.

Сравнительный анализ подходов к административной ответственности государственных служащих в различных странах показывает разнообразие практик и процедур. В некоторых юрисдикциях существуют специализированные антикоррупционные органы, которые занимаются расследованием и преследованием правонарушений среди государственных служащих. В других странах акцент делается на внутренние механизмы контроля и дисциплинарные процедуры внутри государственных учреждений.

Эффективность применения административных наказаний в отношении государственных служащих во многом зависит от четкости законодательства, прозрачности процедур и независимости судебной системы. Необходимо гармонизация норм, регулирующих административную и дисциплинарную ответственность, чтобы избежать дублирования и обеспечить справедливость наказаний. Необходимо укреплять механизмы внутреннего контроля и повышать правовую осведомленность государственных служащих о их обязанностях и возможных последствиях за их нарушение [9, с. 159].

Анализ применения административных наказаний к государственным служащим выявляет ряд проблем, требующих внимания. Существуют недостатки в законодательстве, такие как отсутствие четкого разграничения

между административной и дисциплинарной ответственностью, что может приводить к избыточному обременению правонарушителей.

Для совершенствования правоприменительной практики предлагается внести изменения в законодательство, включая создание специальной главы в Кодексе об административных правонарушениях, посвященной ответственности государственных служащих. Рекомендуются установить обязательный учет характера должностных полномочий при определении вида и размера наказания, а для высших должностных лиц предусмотреть особый порядок привлечения к ответственности с дополнительными процессуальными гарантиями.

В заключение, анализ судебной практики применения административных наказаний к государственным служащим подчеркивает значение корректного правоприменения и необходимости совершенствования существующих норм. Проблемы, такие как недостаточное разграничение административной и дисциплинарной ответственности, ограниченная эффективность санкций, требуют внимательного подхода к реформированию законодательства. Для повышения эффективности правоприменительной практики и обеспечения справедливости наказаний необходимо внести изменения в Кодекс об административных правонарушениях, учитывая специфику государственных служащих и характер их должностных полномочий. Прозрачность процедур и укрепление внутреннего контроля могут существенно улучшить систему административной ответственности, укрепив доверие граждан к государственным институтам.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025)
2. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (последняя редакция)
3. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 5 августа 2024 г. № 51-АД24-7-К8 <https://apkrfkod.ru/pract/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-05082024-n-51-ad24-7-k8/> (дата обращения 03.04.2025)
4. Гасаналиев А. Ш. Проблемы привлечения к административной ответственности государственных служащих в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. — 2021. — № 2. — С. 186–187.
5. Керамова С. Н. Об административной ответственности государственных служащих // Государственная служба и кадры. — 2020. — № 3. — С. 217–220.
6. Кулиев Р. С. Основания для привлечения к административной ответственности // Вестник науки. — 2025. — № 2(83). — С. 269–276.
7. Минина У. С. Особенности привлечения к административной ответственности государственных служащих // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2023. — № 11(87). — С. 280–285.
8. Огрина Г. В. Правовое регулирование административной ответственности государственных служащих // Юридическая наука. — 2021. — № 8. — С. 8–12.
9. Степаненко А. С. Проблемы реализации административной и дисциплинарной ответственности государственных служащих // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 1. — С. 155–159.
10. Чаннов С. Е. Революционная целесообразность как метод борьбы с коррупцией // Административное право и процесс. — 2023. — № 5. — С. 22–28.

Срок как обязательное условие трудового договора

Солдатова Кристина Денисовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Черепанцева Юлия Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Значение условий трудового договора раскрывается через его содержание. Правильное оформление содержания в трудовом договоре является не только гарантией определенности его условий для работника и работодателя, но и обязанностью работодателя, который может быть привлечен к административной ответственности за ненадлежащее оформление трудового договора. Данные обстоятельства предопределяют особую значимость в исследовании содержания условий трудового договора и в частности, срока как его обязательного условия.

Ключевые слова: трудовой договор, условия трудового договора, обязательные условия, срок трудового договора.

Term as a mandatory condition of an employment contract

Soldatova Kristina Denisovna, student master's degree

Scientific advisor: Cherepantseva Yuliya Sergeevna, candidate of law sciences, associate professor
Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law University named after Kutafin

The meaning of the terms of the employment contract is revealed through its content. The correct registration of the content in the employment contract is not only a guarantee of the certainty of its terms for the employee and the employer, but also the duty of the employer, who may be held administratively liable for improper registration of the employment contract. These circumstances determine the special importance in the study of the content of the terms of the employment contract and, in particular, the term as its mandatory condition.

Keywords: the employment contract, the terms of the employment contract, the mandatory conditions, the term of the employment contract.

Дефиниция слова «содержание» означает «единство всех основных элементов, условий целого, его свойств и связей, существующее и выражаемое в форме и неотделимое от нее». Таким образом, в морфологическом значении термин содержание договора означает «единство, совокупность всех его условий как единства волеизъявления сторон, оформленного в письменной форме».

Наиболее подробно содержание договора исследовано в гражданском праве, поскольку юридическая категория «договор» является, прежде всего «гражданско-правовой» категорией. Так в цивилистической науке под «содержанием» договора одни ученые понимают «целый ряд условий, по которым должно быть достигнуто соглашение сторонами при его заключении» [2, С. 388], другие — «...способ фиксации взаимных прав и обязанностей» [1, С. 295]. Заслуживает внимания позиция Б. И. Пугинского, который считает, что определение содержания договора происходит в результате самостоятельной выработки конкретных правил взаимосвязанной деятельности и придания им значения взаимных прав и обязанностей [5, С. 418].

Таким образом, применительно к договору, термины «содержание» и «условия» как в морфологическом, так и юридическом значении являются тождественными.

Вместе с тем условия трудового договора вызывают в научных и практических кругах неоднозначное мнение. Например, позиция Ю. П. Орловского заключается в том,

что дополнительные условия, к которым ТК РФ относит: условия об испытании, о неразглашении охраняемой законом тайны, и другие, также обязательны для сторон трудового договора. Если по таким условиям не достигнута договоренность, а одна из сторон настаивает на их включении в трудовой договор, то последний не заключается. Ученый предлагает классифицировать условия трудового договора на необходимые и дополнительные [4, С. 59].

Н. А. Бриллиантова делит все условия трудового договора на обязательные, то есть необходимые, и факультативные, иначе говоря, дополнительные [6, С. 195]. Так же и Т. В. Тетерина подразделяет условия трудового договора на существенные и дополнительные [7, С. 10]. Л. П. Грузинова в содержании трудовых договоров выделяет условия непосредственные, которые определяются сторонами при заключении договора, и производные, которые установлены в рамках закона и подзаконных актов и не могут произвольно изменяться соглашением сторон [3, С. 135].

Однако, из анализа ст. 57 ТК РФ можно заключить, что содержание трудового договора образуют сведения о дате и месте заключения договора, а также о сторонах трудового соглашения, а также обязательные и дополнительные условия.

К обязательным условиям, в частности, можно отнести дату начала работы, а в случае, когда заключается срочный трудовой договор, — также срок его действия и обстоятельства (причины), послужившие основанием

для заключения срочного трудового договора в соответствии с ТК РФ или иным федеральным законом.

Срок трудового договора является существенным условием только для срочных трудовых договоров (ст. 57, 58, 59 ТК РФ). Для бессрочных договоров указание срока не требуется. Напротив, срок обязательно включается в трудовой договор, если он заключается:

- на определенный срок (срочный договор) — максимум на 5 лет (ч. 1 ст. 58 ТК РФ).
- для выполнения временных/сезонных работ (например, строительство объекта на 1 год).
- на время исполнения обязанностей отсутствующего работника (например, декретный заместитель).
- для работы за границей (если срок командировки фиксированный).

Отсутствие данного условия в договоре может стать причиной судебных споров. В частности, Завьяловский районный суд Удмуртской Республики рассмотрел исковое заявление гр. Д. к муниципальному бюджетному общеобразовательному учреждению «Италмасовская средняя общеобразовательная школа» о возложении обязанности допустить к выполнению работы по должности заместителя директора школы по учебно-воспитательной работе. В обоснование исковых требований истица ссыла-

лась на то, что была переведена на должность заместителя директора на 1,0 ставку, о чем в трудовую книжку внесена соответствующая запись, заключен трудовой договор на неопределенный срок.

Однако, ответчик прекратил ей допуск к выполнению трудовых обязанностей по должности заместителя директора, мотивировав это тем, что ранее трудовые обязанности по названной должности исполняла гр. П., которой был предоставлен отпуск без сохранения заработной платы, по истечении которого гр. П. изъявила желание продолжить исполнять обязанности по должности заместителя директора.

Судами трех инстанций в удовлетворении исковых требований отказано. Между тем, Верховный Суд судебные акты нижестоящих инстанций отменил, указав, что судебным инстанциям следовало выяснить: было ли известно истце о том, что на момент занятия ею должности основному работнику был предоставлен длительный отпуск, а также было ли достигнуто соглашение между работодателем и истцом при заключении с ней трудового договора относительно его срочного характера [8].

Таким образом, можно заключить, что в случае указания в трудовом договоре условия о срочном характере договора, а также о причинах заключения срочного договора, подобных споров удалось бы избежать.

Литература:

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. Т. 1. М., 2002. С. 295.
2. Гражданское право: Учебник: в 3-х т. Т. 1./Под ред. А. П. Сергеева, Лихачев Г. Д. Гражданское право. Общая часть: Курс лекций. М., 2018. С. 388.
3. Грузинова Л. П., Короткин В. Г. Трудовое право: Учебное пособие. К., 2017. С. 35.
1. Орловский Ю. П. Проблемы совершенствования трудового законодательства//Журнал российского права. 2005. № 9. С. 59.
2. Пугинский Б. И. Коммерческое право. М., 2015. С. 418.
3. Трудовое право: Учебник / Н. А. Бриллиантова, И. Я. Киселев и др.; Под ред. О. В. Смирнова. М., 2008. С. 195.
4. Тетерина Т. В. Индивидуальный трудовой договор. Сыктывкар, 2013. С. 10.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2020 г. № 43-КГ20-4-К6 // Официальный сайт Верховного Суда РФ URL: <http://вс.рф/> (дата обращения: 01.04.2021).

Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем с использованием физических лиц

Стрекалёва Эвелина Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем с использованием физических лиц («денежных мулов», или дропов), рассматривается эффективность принятых законодательством мер контроля для предупреждения отмывания денег через дропов.

Ключевые слова: противодействие легализации преступных доходов, отмывание преступных доходов, дропы, виртуальные активы, идентификация, криптовалюта.

В рамках исследования были проанализированы случаи использования дропов для легализации преступных

доходов. Были изучены типичные схемы и методы работы преступников, а также идентифицированы основные

этапы процесса отмывания денег через дропов. Для анализа данных использовались как статистические методы, так и кейс-стади и экспертные оценки.

Проблема использования «денежных мулов», или, как принято в российских компетентных органах, дропов, для легализации и отмывания доходов в результате преступной деятельности представляет собой серьезную угрозу для общества. Данный вид мошенничества становится все более распространенным и сложным для выявления, что требует дальнейших исследований и принятия соответствующих мер для борьбы с ним.

Кто такой дроп? Дроп — это так называемое подставное лицо, которое участвует в мошеннических схемах по выводу денежных средств, путем предоставления своих счетов и банковских карт. Важно понимать, что дропы делятся на две группы — те, кто не осознает, что их используют в содействии в преступной деятельности, и те, кто об этом подозревает или знает. Первые — это жертвы мошенничества, а вторые — охотники за быстрым заработком или нуждающиеся в денежных средствах.

В одном из своих отчетов за 2018 год ФАТФ (Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег — Financial Action Task Force, FATF) изложила проблематику о сети «денежных мулов» (Money Mules Networks) и выявила список операций, в которых чаще всего используются дропы, такие как киберпреступления, фишинг, мошенничество с кредитными картами, операции незаконных онлайн-магазинов и другие типы мошенничества [7, с. 19].

В своем публичном отчете национальной оценки рисков легализации (отмывания) преступных доходов за 2017–2018 годы Росфинмониторинг впервые использовал термин «дроппы» и отнес использование электронных средств платежа, оформленных на дропов, в пятерку рисков группы высокого риска. Однако в данном отчете под дропами имелись в виду физические лица, не осведомленные о характере совершаемых сделок [8, с. 15].

В ежегодном отчете о работе Росфинмониторинга за 31 декабря 2021 года дропы упоминаются лишь как участники расчетов за наркотические средства с использованием банковских карт, средства, поступающие на такие карты, чаще всего обналичиваются.

Согласно данным Банка России, в 2021 году количество и объем операций без согласия клиентов увеличились по сравнению с 2020 годом на 33,8 и 38,8 % соответственно на фоне активного развития новых дистанционных платежных сервисов и роста объема денежных переводов с использованием электронных средств платежа (платежные карты и иные электронные средства платежа). Объем операций без согласия клиентов в 2021 году составил 13 582,23 млн рублей по 1035,1 тыс. операций против 9783,13 млн рублей по 773,27 тыс. операций [14].

В соответствии с обзором Банка России, в 2022 году объем операций без согласия клиентов увеличился по сравнению с 2021 годом на 4,29 %. Количество операций без согласия клиентов за год снизилось на 15,31 % по срав-

нению с 2021 годом и составило 14 165,44 млн рублей по 876,59 тыс. операций [15].

В последующие публичные отчеты национальной оценки рисков легализации (отмывания) преступных доходов за 2022–2023 годы Росфинмониторинг включил более широкий список операций с участием дропов, ввиду значительного роста мошенничества с использованием последних.

Первая группа — безналичные банковские переводы. В группу были включены операции по переводам между счетами физических лиц, где в роли дропов выступают физические лица, не осведомленные о характере использования их реквизитов в незаконных схемах. Таким операциям был присвоен высокий уровень риска [9, с. 23].

Вторая группа — снятие наличных денежных средств. В группу вошли операции по обналичиванию со счетов физических лиц (в том числе подставных). В данных операциях участвуют подставные лица, всё те же дропы. Обналичивание осуществляется через банковские дебетовые карты. В таких операциях прослеживается осведомленность физических лиц, на которых банковские карты были оформлены. Операциям присвоен высокий уровень риска [9, с. 35].

Третья группа — иные услуги финансовых учреждений и установленные нефинансовые предприятия и профессии. В данную группу вошли операции с использованием электронных кошельков. В схемах легализации и отмывания доходов, полученных преступным путем, использование электронных кошельков осуществляется для так называемого разрыва цепочки платежей по другим платежным инструментам для усложнения идентификации таких операций. В связи с ограничениями использования неперсонифицированных электронных кошельков активно стали использоваться электронные кошельки, оформленные на дропов. Уровень риска по таким операциям установлен как повышенный [9, с. 47].

В ежегодном отчете за 2023 год среди роста рисков и угроз Росфинмониторингом отмечены теневые схемы, связанные с обналичиванием денежных средств с участием физических лиц (дропов), а также рост доли молодежи в возрасте до 25 лет как участников схем. Основным финансовым инструментом для отмывания наркодоходов лиц, распространяющих наркотики через интернет, установлена криптовалюта с одновременным использованием IT-технологий, электронных денег и дропов [10, с. 5, 17].

По словам начальника Управления организации надзорной деятельности Росфинмониторинга Александра Курьянова, в Росфинмониторинге обеспокоены увеличением доли молодежи среди дропов. Курьянов рассказал, что сейчас каждый третий дроп — это лицо моложе 25 лет [19].

В электронной версии документа «Итоги работы Банка России: коротко о главном» за 2021 год в рамках противодействия отмыванию доходов и валютного контроля Банк России опубликовал информацию о создании и начале тестирования платформы «Знай своего клиента» (ЗСК), с помощью которой регулятор будет доводить до банков информацию об уровне риска операций [13, с. 35]. Вне-

дрение данной платформы — это продолжение борьбы с легализацией преступных доходов с использованием дропов, путем определения критериев, с помощью которых банки могут выявлять используемые теневым бизнесом электронные карты и кошельки.

В это же время были внесены законодательные изменения, позволяющие без паспорта разменять деньги или заменить поврежденную банкноту на сумму не более 40 тыс. рублей [2], пройти упрощенную идентификацию, без идентификации оплатить страховую премию по договорам ОСАГО и КАСКО в размере до 40 тыс. рублей [3]. Законодатель расширил перечень финансовых организаций, которые получили право поручать банку идентификацию клиента, а также был расширен перечень операций, для которых такая проверка проводится.

Однако теневой бизнес с использованием платежных карт, через которые осуществляются переводы в пользу форекс-дилеров, финансовых пирамид, онлайн-казино, продолжает существовать и развиваться, в том числе и на криптовалютном рынке.

В России криптовалюту чаще всего продолжают покупать в криптообменниках в интернете посредством P2P-переводов с использованием банковских карт и электронных кошельков, которые оформлены на подставные лица — дропы.

В целях выявления подозрительных банковских карт и банковских счетов, открытых физическим лицам, электронных кошельков и информационной защиты P2P-сервисов, а также применения противомошенических мер Банком России изданы Методологические рекомендации, в которых определены признаки операций, указывающие на подозрительность, а также изложены рекомендации в случае выявления таких операций с учетом мер, применяемых на основании статьи 7 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [1].

Усиление регулятором контроля по операциям с использованием дропов не принесло желаемых результатов. Так, в 2023 году объем операций без согласия клиентов увеличился по сравнению с 2022 годом на 11,48 % на фоне роста объема денежных переводов с использованием карт, объем таких операций составил 15 791,41 млн рублей по 1165,9 тыс. операций. В 2023 году количество мошеннических операций с использованием платежных карт было самым высоким среди остальных типов операций и составило 984,77 тыс. операций [17].

В 2024 году продолжился рост таких операций, их объем увеличился на 74,36 % по сравнению с 2023 годом и составил 1197,44 тыс. операций на сумму 27 534,31 млн рублей [18]. Основную долю участников операций составили физические лица.

По итогам проведенного анализа в июле — декабре 2023 года международная группа по борьбе с отмыванием денег ФАТФ (FATF) снизила один из рейтингов России с уровня «соответствует» до «частично соответствует»,

в связи с недостаточностью контроля и противодействия подозрительным операциям с виртуальными активами и криптовалютой.

Всего ФАТФ (FATF) разработано 40 основных рекомендаций, устанавливающих комплексную и последовательную структуру мер, которые странам следует применять для противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма, а также финансированию распространения оружия массового уничтожения. Так, рекомендация под номером 15, по которой рейтинг России был снижен, относится к превентивным мерам борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем. В соответствии с данной рекомендацией требуется определять и оценивать риски, которые возникают или могут возникнуть в связи с разработкой новых продуктов и новой деловой практики, включая новые механизмы передачи и использования новых или развивающихся технологий как для новых, так и для уже существующих продуктов, а в целях применения данной рекомендации следует рассматривать виртуальные активы (имущество, доходы, средства, иные активы) и применять соответствующие меры в отношении виртуальных активов и провайдеров услуг в сфере виртуальных активов [12, с. 17]. Следовательно, России требуется принять дополнительные меры по регулированию рынка криптовалют и виртуальных активов путем внесения изменений в законодательство по легализации (отмыванию) доходов.

Одной из первых реакций на решение ФАТФ (FATF) по снижению рейтинга России в части оборота виртуальных активов стало информационное письмо Банка России, в котором регулятор счел необходимым минимизировать участие финансовых организаций в операциях с цифровыми валютами, а также рекомендовал исключить распространение любой информации о своих услугах, связанных с оборотом цифровой валюты [7, с. 1, 2].

Также следом регулятор утвердил еще одни Методические рекомендации, которые предписывают выявлять контрагентов дропов, т. е. лиц, отправляющих денежные средства на карты дропов, и лиц, в чей адрес далее денежные средства отправляются с данных карт [6, с. 1, 2].

Исходя из характера принятых регулятором мер можно сделать вывод, что все операции с криптовалютой и использованием дропов являются высокорискованными и подлежат дополнительному контролю со стороны законодательства.

Основной Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» разрешает банкам приостанавливать или отказываться от проведения сомнительных операций клиентов, а также расторгать с ними договоры обслуживания, а за неисполнение данного закона самой кредитной организацией Банк России вправе отозвать у такой кредитной организации лицензию на осуществление банковских операций.

Ярким примером применения основного «антиотмывочного» закона является отзыв лицензии на осуществ-

вление банковских операций у кредитной организации КИВИ Банк (АО) (рег. № 2241, г. Москва) 21 февраля 2024 года. Банком России установлены многочисленные случаи открытия банком QIWI-кошельков с использованием персональных данных физических лиц без их ведома и проведения по ним операций, а деятельность банка регулятор охарактеризовал вовлеченностью в проведение высокорисковых операций, направленных на обеспечение расчетов между физическими лицами и теневым бизнесом, включая переводы денежных средств в пользу криптообменников, нелегальных онлайн-казино, букмекерских контор и т. п., а также поиском новых способов обхода вводимых регулятором ограничений [19].

Конечно, не только Банк России, но и Росфинмониторинг не бездействует в регулировании противодействия легализации преступных доходов с использованием карт дропов. Последний предложил ограничить сумму платежа без открытия счета, при которой проводится упрощенная идентификация.

Предложенная Росфинмониторингом мера нашла свое отражение в Федеральном законе от 29.05.2024 № 122-ФЗ [4], которым были внесены изменения в статью 7 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Эта статья теперь предусматривает ограничение платежа без открытия счета, при котором проводится упрощенная идентификация физического лица, в размере 100 тыс. рублей, при переводе свыше 100 тыс. рублей банкам придется осуществлять полную идентификацию отправителя. Важным фактом является то, что предусмотрена значительная отсрочка вступления закона в силу (365 дней со дня официального опубликования), что обосновано большой нагрузкой на финансовые организации по перенастройке внутренних процедур по идентификации, т. к. полная идентификация включает в том числе установление таких сведений, как принадлежность к публичным должностным лицам, сведения о выгодоприобретателе, бенефициарном владельце и др.

По мнению законодателя, принятые меры повысят прозрачность расчетов и понизят риск легализации (от-

мывания) денежных средств, полученных преступным путем, и финансирования терроризма.

В последние годы регулятор и надзорные органы все чаще стали освещать проблему использования дропов в отмывании «грязных» денег. По словам зампреда Банка России Германа Зубарева, средний срок «жизни» дропперских карт составляет от 2 до 15 дней, в дропперство все чаще стали втягивать подростков с 14 лет, что делает их соучастниками уголовных дел при расследовании фактов мошенничества [21]. В 2024 году Банк России сосредоточил работу на борьбе с дропперством, консолидируя усилия с правоохранительными органами и финансовыми организациями.

На основании проведенного анализа исследуемой проблематики автор приходит к выводу, что теневой бизнес не перестает придумывать новые схемы мошенничества, в том числе с использованием виртуальных активов. Результаты исследования показали, что дропы играют ключевую роль в процессе отмывания доходов, полученных преступным путем. Преступники используют различные способы, включая онлайн-транзакции, покупки товаров и услуг, а также криптовалютные операции, для скрытия происхождения незаконных средств.

Исследование позволило выявить масштабы проблемы с использованием дропов для легализации и отмывания преступных доходов.

Внесение изменений в законодательство по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, чаще всего носит «догоняющий» характер и реже превентивный, что снижает эффективность борьбы с такой разрастающейся проблемой, как использование дропов. Текущие меры контроля не приносят желаемого результата. Карты дропов блокируются сотнями в день, и это не влияет на открытие новых платежных карт.

Для решения глобальных проблем, а борьбу с дропами можно отнести к таковой, необходимо разработать эффективные меры контроля и сотрудничества между правоохранительными органами и финансовыми институтами для борьбы с этим видом преступной деятельности. Только совместными усилиями можно предотвратить негативные последствия отмывания преступных доходов через дропов для общества в целом.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».
2. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 19.11.2021 № 370-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма“».
3. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 30.12.2021 № 483-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма“».
4. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон от 29.05.2024 № 122-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма“ и статью 10 Федерального закона „О национальной платежной системе“».

5. Банк России «Методические рекомендации о повышении внимания кредитных организаций к отдельным операциям клиентов — физических лиц» от 09.09.2021 № 16-МР.
6. Банк России «Методические рекомендации по усилению контроля за отдельными операциями клиентов — физических лиц» от 29.09.2024 № 4-МР.
7. Информационное письмо Банка России о рисках совершения операций с цифровыми валютами и рекомендациях финансовым организациям исключить предложение услуг, предусматривающих совершение таких операций № ИН-08–12/8 от 29 февраля 2024 г.
8. Электронная версия документа: Отчет ФАТФ (2018 г.), «Профессиональное отмывание денег», ФАТФ, Париж, Франция.
9. Электронная версия документа: Росфинмониторинг, Публичный отчет «Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов, основные выводы», 2017–2018.
10. Электронная версия документа: Росфинмониторинг, Публичный отчет «Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов, основные выводы», 2022.
11. Электронная версия документа: Росфинмониторинг, Годовой отчет о работе Федеральной службы по финансовому мониторингу, 2023 год по состоянию на 31 декабря 2023 г.
12. Электронная версия документа: Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (обновлено в октябре 2021 г.), неофициальный перевод подготовлен АНО МУМЦФМ. Оригинал документа размещен на сайте ФАТФ www.fatf-gafi.org/recommendations.html
13. Электронная версия документа «Итоги работы Банка России: кратко о главном» за 2021 год, Центральный Банк Российской Федерации, 2022.
14. Электронная версия документа «Итоги работы Банка России: кратко о главном» за 2021 год, Центральный Банк Российской Федерации, 2022.
15. Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций. 2021 год. — Текст : электронный // Банк России : [сайт]. — URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2021/
16. Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций. 2022 год. — Текст : электронный // Банк России : [сайт]. — URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey_2022/
17. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций. 2023 год. — Текст : электронный // Банк России : [сайт]. — URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2023/
18. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций. 2024 год. — Текст : электронный // Банк России : [сайт]. — URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/
19. Отозвана лицензия на осуществление банковских операций у КИВИ Банк (АО). — Текст : электронный // Банк России : [сайт]. — URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=638441030839855571BANK_SECTOR.htm (дата обращения: 28.04.2025).
20. Грудцинов, Р. В Росфинмониторинге обеспокоены участием молодежи в отмывании денег / Р. Грудцинов. — Текст : электронный // Парламентская газета : [сайт]. — URL: <https://www.pnp.ru/economics/v-rosfinmonitoringe-obespokoeny-uchastiem-molodezhi-v-otmyvanii-deneg.html> (дата обращения: 28.04.2025).
21. Ильина, Н. «Банки отбили более 20 млн попыток похитить деньги клиентов». Зампред ЦБ Герман Зубарев — о новых схемах обмана, компенсации украденных средств и вовлечении подростков в дропперство / Н. Ильина. — Текст : электронный // Известия : [сайт]. — URL: <https://iz.ru/1642179/natalia-ilina/banki-otbili-bolee-20-mln-popytok-pokhitit-dengi-klientov> (дата обращения: 28.04.2025).

Проблемные аспекты проведения обыска

Строкина Виктория Дмитриевна, студент;

Дроздова Мария Дмитриевна, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье авторы исследуют актуальные вопросы проведения обыска, его порядок и правила, разграничение понятий «обследование», «выемка» и «обыск».

Ключевые слова: обыск, обследование, следственные действия, уголовно-процессуальное законодательство.

Тема обыска не теряет своего значения ни для предпринимателей, ни для обычных граждан. Обыск — это предусмотренное законом следственное действие. Его проводят с целью отыскания предметов, документов

и прочих улик, которые могут иметь значение конкретного уголовного дела. Обыск проводится только в рамках конкретного уголовного дела. Производство каких-либо действий до его возбуждения является нарушением.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в последнее время адвокаты и следователи отмечают смешение понятий обыска и обследования. Право полицейских нанести визит компании в рамках обследования предусмотрено ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В соответствии с этой нормой, проверяющие могут проводить 15 оперативно-розыскных мероприятий, в том числе: обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, исследование предметов и документов, получение компьютерной информации. С обыском придут только в рамках возбужденного уголовного дела.

Порядок и правила обыска — вот вопросы, которые часто становятся предметом претензий при судебном рассмотрении того или иного конкретного дела. «Обыск и выемка были проведены с нарушением закона», — эти фразы часто можно услышать в судебных заседаниях. И правосудию в том или ином конкретном деле также зачастую приходится проверять законность проведенного обыска и выемки, чтобы вынести объективный и справедливый приговор. Закон определяет как цель, так и основание ареста и обыска. При этом строго определены правила проведения этих процедур, соблюдение которых является обязательным.

Практика показывает, что обыски часто проводятся в ночное время. Такая ситуация оказывает психологическое давление, когда участники и наблюдатели, в том числе несовершеннолетние, отдыхают. С точки зрения правоохранительных органов этот метод обыска более эффективен при расследовании дел, особенно, если нужно задержать подозреваемого лица. Визиты силовиков, особенно в ночное время, являются стрессом не только для взрослых, но и для детей, особенно несовершеннолетних. Однако, в определении № 2612-О/2023 от 28 сентября по жалобе на неконституционность ст. 182 «Основания и порядок производства обыска» и ст. 184 «Личный обыск» [1]. УПК КС ссылается на положения ч. 4 ст. 164 УПК [2], согласно которым при производстве следственных действий не допускается применение насилия, угроз и иных незаконных мер, однако сама обстановка, которая возникает внутри следственного действия, для ребенка является психологическим насилием, которое выражается в нарушении домашнего уклада, режима времени, неопределенности, что происходит в доме и чем закончится, напряженности родителей, присутствии посторонних лиц из числа понятых, вооруженных сотрудников и т. д. Нередко обыск производится в условиях враждебности, недоброжелательности и применения физической силы, хотя и применяемой законно. Дети испытывают стресс.

Вопреки ч. 1 ст. 23 Конституции о праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, дети,

не несущие ответственности за действия своих родителей и других лиц, преследуемых до них, по-прежнему подвергаются опасности и психологическому воздействию. Позиция судов о проведении обысков в присутствии детей, отраженная в решениях Конституционного суда, также является ошибочной и необоснованной. Необходимо и существенно, чтобы положения Конституции были адаптированы к контексту обыска на законодательном уровне.

Кроме того, к числу проблем правоприменительной практики следует отнести:

- изъятие всех компьютеров, а во многих случаях и у всех членов семьи подозреваемого (обвиняемого), в том числе детей, потерявших возможность нормально жить и учиться, не имея телефонов и других носителей информации,

- изъятие всех денег и банковских карт подозреваемого (обвиняемого), тем самым ставя его семью в сложные материальные условия,

- поскольку УПК РФ не имеет жесткого срока для обыска и признания в качестве вещественных доказательств предметов, изъятых при обыске, то есть, например, у свидетеля по делу изымают телефон и не отдают годами, пока идет следствие либо оно приостановлено;

- неправомерные действия сотрудников правоохранительных органов при обыске [3].

Решить либо значительно сократить эти проблемы возможно внесением изменений в УПК, а именно:

- распространить положения ч. 4.1 ст. 164 и ст. 164.1 Кодекса, защищающих права предпринимателей в ходе следственных действий (ограничение и запрет на изъятие электронных носителей информации, возможность ее копирования, участие специалиста и т. п.), на изъятие электронных носителей информации, в том числе используемых несовершеннолетними, у лиц, не являющихся подозреваемыми (обвиняемыми);

- сделать обязательным применение сотрудниками следственных органов аудио- видеофиксации при производстве обыска и иных следственных действий, проводимых в присутствии несовершеннолетних, а также по требованию лиц, участвующих в следственном действии [4].

Наконец, закрепление в УПК права на аудиовидео-запись у лиц, участвующих в следственном действии. Сейчас такого запрета нет, но очевидно, следовательно в 99,99 % случаев запретит это, исходя из вольного трактования положений ст. 182 УПК. На наш взгляд, возможность аудио-видеофиксации — эффективное и доступное средство защиты своих прав и соблюдения законности (сейчас практически у каждого есть смартфон с камерой хорошего разрешения). Это резко повысит законность и корректность поведения всех участников следственных действий.

Таким образом, основания и порядок проведения обыска определены статьей 182 УПК РФ. Основанием для проведения обыска является вероятное предположение о том, что какие-либо объекты, использованные при совершении преступления, могут находиться во вла-

дении какого-либо лица, а также другие предметы, документы и ценности, которые могут иметь для него значение. Обыск может проводиться также для поиска тела, не только у подозреваемого или обвиняемого, но и других лиц, которые могут иметь отношение к совершению преступления, а также иметь материалы, документы и ценности, имеющие важное значение для уголовного дела.

В ходе обыска могут обнаруживаться предметы и документы, в отношении которых розыск не ведется, но они запрещены законом к свободному обращению, которые подлежат изъятию, хотя они могут и не иметь отношения к расследуемому делу. Обыски проводятся только по постановлению следователя (дознателя).

При необходимости обыска жилого помещения следователь с согласия руководителя следственной группы, прокурора может обратиться к судье с ходатайством о разрешении проведения обыска (ст.164, 165- 165 УПК РФ). Судья решает, разрешить или отклонить обыск и принимает мотивированное решение.

Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрена возможность проведения обыска в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, без судебного решения, но по постановлению следователя (дознателя). В этом случае следователь (дознатель) направляет об этом уведомление судье и прокурору с приложением копии постановления о следственном действии

и протокола. Судья должен на основании представленных документов решить, был ли обыск законным. Защитник имеет право присутствовать при обыске.

Обыск предполагает участие не менее 2-х понятых, при этом личный обыск могут проводиться только лицом того же пола, что и обыскиваемый и понятых того же пола. В особых случаях (труднодоступная местность, отсутствие средств связи, опасность для жизни и здоровья людей при проведении данного следственного действия) обыски могут производиться без понятых, но в данных случаях предусмотрены технические способы записи или следователь (дознатель) делает записи в протоколе.

Перед обыском предъявляется постановление, решение суда, подтвержденное подписью этого лица на документе. При этом следователь разъясняет суть данного следственного действия, предложив лицу выдать необходимые объекты.

Имущество, документы и ценности, обнаруженные в результате обыска, демонстрируются сторонам и при необходимости помещаются в упаковку и опечатываются. Составление протокола обыска является обязательным независимо от результатов. Копия может быть вручена лицу, в доме которого произведен обыск, совершеннолетнему родственнику разыскиваемого лица либо представителю организации или учреждения, в ведении которого находится разыскиваемое имущество.

Литература:

1. Определение № 2612-О/2023 от 28 сентября по жалобе на неконституционность ст. 182 «Основания и порядок производства обыска» и ст. 184 «Личный обыск» УПК [Электронный ресурс] URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision712475.pdf>
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174 — ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.
3. Росляков, П. П. Соотношение понятий уголовно-процессуальная деятельность и оперативно-розыскная деятельность / П. П. Росляков // Студенческий форум. — 2022. — № 21–7(200). — С. 5–7.
4. Трелин, М. В. Деятельность сотрудников прокуратуры по устранению нарушений законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе / М. В. Трелин, А. В. Кудрявцев // Вестник Владимирского юридического института. — 2019. — № 1(50). — С. 156–158.

Применение математических методов в праве

Тимофеев Николай Викторович, студент
Московский университет «Синергия»

Целью работы является исследование применения математических методов в юриспруденции с целью создания модели их использования для анализа и улучшения правовых норм.

Ключевые слова: система права, методология права, математические методы в праве.

Введение

В современных условиях цифровизации особую актуальность приобретает вопрос применения математиче-

ских методов в правовой сфере. Нормативно-правовые акты, являясь специфическим видом документов, представляют собой сложный объект для математической обработки: они написаны на естественном языке, но при

этом должны применяться к конкретным ситуациям для определения их законности [1].

Проблема масштабности и динамичности нормативно-правовой базы создает существенные трудности. Постоянное обновление законодательства приводит к возникновению противоречий, которые сложно формализовать для автоматического выявления. Тем не менее, именно формализация правовых норм открывает возможности для использования математической логики в целях обнаружения противоречий, неполноты и несоответствий между различными актами [2].

Целостность правового поля во многом зависит от способности выявлять противоречия между различными нормативными актами. В связи с этим активно разрабатываются технологии автоматизированного контроля, применимые как в законодательной деятельности, так и в работе предприятий при подготовке локальных актов [3].

Современное общество представляет собой сложную систему, состоящую из экономических, социальных и правовых подсистем. Их развитие как естественно-исторического и управленческо-информационного процесса требует применения математического анализа. Оптимизация правовых систем становится возможной благодаря математическим методам, позволяющим формализовать достижение целей с минимальными затратами [4].

Формирование «математической юриспруденции» отражает современную тенденцию интеграции количественных методов в правовую науку. В арсенал юриста входят теория множеств, теория вероятностей, теория игр и другие математические инструменты для моделирования правовых процессов [5]. Математика, как прикладная наука, через механизм математического моделирования создает мост между абстрактными правовыми конструкциями и их количественным анализом.

В условиях экспоненциального роста правовой информации особую значимость приобретает разработка математических методов исследования правовых явлений. Совместное применение математики и информатики, разрабатывающей методологии управления объектами на базе компьютерных систем, становится неотъемлемым инструментом современной юридической науки [6].

Таким образом, исследование возможностей применения математических методов в регулировании социально-экономических процессов, оптимизации нормативно-правовых актов и юридических фактов является перспективным направлением, отвечающим вызовам цифровой трансформации общества.

Существующие проблемы нормотворчества в современной России

Масштабность и сложность системы федерального и муниципального нормотворчества в России создает серьезные вызовы для обеспечения качества и законности принимаемых актов. По данным Минюста РФ, федеральный регистр содержит более 12 миллионов норма-

тивных правовых актов, из которых около 9 миллионов являются действующими [7].

Статистика показывает существенные проблемы в системе экспертизы:

- По действующим актам проверена лишь четверть (22 %), причем в 7,5 % выявлены противоречия
- Почти половина (42 %) действующих актов до сих пор не подвергались экспертизе
- По новым актам ситуация еще сложнее: проверено только 18 % (7 % с противоречиями)
- 39 % новых актов остаются без экспертизы

Прокурорский надзор выявляет значительное количество нарушений: в 2017 году было отменено более 392 тысяч незаконных актов, что свидетельствует о серьезных системных проблемах в сфере нормотворчества [8].

Анализ гражданского законодательства выявляет фундаментальные недостатки вербального подхода к нормотворчеству, которые затрудняют внедрение цифровых технологий в договорную работу. Основные проблемы включают:

- Логические ошибки в делении понятий
- Неполные определения через перечень признаков
- Противоречия в определениях
- Конфликты между нормами
- Нарушение баланса публичных и частных интересов
- Некорректное представление публичных субъектов
- Отсутствие четкой иерархии целей регулирования
- Технические и лексико-грамматические ошибки

Особую озабоченность вызывает качество законотворческого процесса. Как отмечает профессор В. М. Баранов, известны случаи преступного законотворчества, когда почти половина депутатов Тверской городской думы была осуждена за принятие нормативных актов за взятки [9].

Неоднозначности в нормативных актах приводят к спорности договорных положений, что создает дополнительные риски для правоприменительной практики. При этом существующая система контроля не справляется с объемом проверяемых документов, что требует совершенствования механизмов экспертизы и повышения качества нормотворческой деятельности.

Для решения выявленных проблем необходимо:

- Усилить систему предварительной экспертизы нормативных актов
- Внедрить современные технологии мониторинга законодательства
- Повысить качество подготовки законопроектов
- Усилить ответственность за некачественное нормотворчество
- Разработать единые стандарты подготовки нормативных актов

Только комплексный системный подход к решению этих проблем может обеспечить высокое качество российского законодательства и его эффективное применение на практике.

Цифровизация юридической практики: ключевые тренды и вызовы

Государство и право представляют собой сложные многоаспектные системы, требующие комплексного исследования. Только применение различных методов анализа позволяет раскрыть все грани этих явлений.

Структура права характеризуется неоднородностью и включает нормы различной направленности. Для глубокого понимания этой структуры целесообразно выделять отдельные сферы, мегаотрасли и макроуровни, объединяющие схожие правовые нормы.

Системность права сочетает в себе как объективные, так и субъективные характеристики, поскольку включает субъективный анализ и оценку её элементов. При этом достоверность знаний о системе права носит относительный характер, что не исключает их истинности при правильном методологическом подходе.

Современная теоретическая юриспруденция сталкивается с методологическим кризисом: актуальные исследования не обогащают методологию новыми подходами. При этом методологическая база во многих работах становится формальным элементом, а авторы не углубляются в содержание используемых методов.

Перспективным направлением является интеграция в юридическую методологию методов других наук. Анализ социальных процессов, связанных с действием права, формирование и модификация правовой системы, динамика реализации правовых норм с учетом принципов системности и математических расчетов позволяют по-новому взглянуть на правовые явления.

Математическая наука представляет собой систему абстрактных категорий, являющихся результатом мыслительной деятельности. Её значение раскрывается через установление внутренней связи категорий и выявление объективных закономерностей. Юридические категории также абстрактны, но воспринимаются как объективные в форме особой человеческой деятельности.

В настоящее время математические методы активно интегрируются в юридическую сферу, охватывая три ключевых направления применения [10].

Первое направление связано с прогнозированием судебных дел. С помощью алгоритмов анализа исторических данных специалисты могут предсказывать возможные исходы процессов и разрабатывать оптимальные стратегии защиты [11]. Это позволяет существенно повысить эффективность юридической работы.

Второе направление касается оптимизации работы судебной системы. Методы сетевого анализа позволяют рационально распределять нагрузку между судьями и минимизировать время ожидания рассмотрения дел [12]. Это способствует повышению производительности судебной системы в целом.

Третье направление охватывает анализ законодательства. Применение формальной логики помогает выявлять противоречия в правовых нормах и создавать более точные и эффективные нормативные акты [13].

Перспективы развития математического инструментария в юриспруденции включают:

- Расширение применения искусственного интеллекта для автоматизации рутинных юридических задач
- Совершенствование методов прогнозирования правовых последствий
- Интеграцию с другими науками для создания комплексных моделей правовых систем

Технологический прогресс последних десятилетий существенно повлиял на процесс нормотворчества, создавая как новые возможности, так и определенные вызовы [14].

Основные проблемы включают:

- Быстрое устаревание правовых норм вследствие стремительного технологического развития
- Сложность правового регулирования новых технологий (искусственный интеллект, блокчейн, криптовалюты)
- Необходимость защиты прав граждан в цифровой среде
- Потребность в международном сотрудничестве для гармонизации законодательства

Ключевые вопросы, требующие решения:

- Регулирование искусственного интеллекта и определение ответственности за его действия
- Защита персональных данных в эпоху больших данных
- Обеспечение кибербезопасности и противодействие киберпреступности

Для эффективного решения этих проблем необходим комплексный подход, включающий:

- Создание механизмов постоянного мониторинга и своевременного обновления законодательства
- Применение междисциплинарного подхода к разработке новых правовых норм
- Развитие международного сотрудничества
- Непрерывное повышение квалификации специалистов

Особое внимание уделяется междисциплинарному подходу, который предполагает привлечение экспертов из различных областей — от технологий и права до социологии и экономики [15]. Это позволяет создавать сбалансированные и эффективные законы, учитывающие все аспекты новых технологий.

В последние десятилетия активно внедряются математические методы и искусственный интеллект в нормотворческий процесс. Основные направления применения включают:

- Анализ правовых норм с помощью формальной логики и теории множеств
- Прогнозирование правовых последствий через математическое моделирование
- Оптимизацию юридических процессов с использованием теории игр и сетевого анализа
- Обработку больших данных для анализа судебной практики

Таким образом, цифровизация существенно трансформирует юридическую практику, предлагая новые возможности и создавая определенные вызовы. Успешное внедрение цифровых технологий требует комплексного подхода, включающего технические решения, организационные меры и работу с персоналом.

Ожидается дальнейшее развитие систем искусственного интеллекта для автоматизации юридических задач и анализа данных [16]. Методы машинного обучения будут совершенствоваться для более точных прогнозов правовых последствий. Происходит интеграция математики и искусственного интеллекта с другими науками, что позволяет создавать комплексные модели правовых систем [17].

Зарубежный опыт демонстрирует, что применение математических методов и искусственного интеллекта существенно повышает эффективность правовой системы, делая её более точной и справедливой [18].

В международной практике успешно функционируют различные системы электронного документооборота: Adobe Sign и DocuSign в США и Европе, Контур.Диадок и СЭД в России.

Автоматизация рутинных задач стала следующим важным этапом. Специализированные программные решения позволили освободить время юристов для более сложных задач, снизить вероятность ошибок и повысить общую производительность.

В разных странах уже применяются инновационные решения. В Австралии и Новой Зеландии используются системы машинного обучения для прогнозирования исхода судебных дел. В Канаде и Великобритании работают программы автоматического составления договоров.

Анализ больших данных открыл новые возможности для обработки и анализа юридической информации. Методы машинного обучения позволяют выявлять закономерности, прогнозировать правовые последствия и оптимизировать юридические процессы.

Эти технологии активно применяются в различных юрисдикциях. В Сингапуре и Гонконге они используются для совершенствования правовых систем, а в США и Европе — для выявления противоречий в законодательстве.

Китай принял дорожную карту модернизации правовой системы, включающую внедрение “умных судов”. Система анализирует обстоятельства дел и документы, контролирует сроки рассмотрения и соответствие назначаемых наказаний установленным пределам. С 2020 года в шанхайских судах тестируются технологии расшифровки аудиозаписей процессов и работы с цифровыми доказательствами.

США использует искусственный интеллект для выявления устаревших требований в нормативных актах. После успешного пилотного проекта в Министерстве здравоохранения технология была внедрена в Министерстве труда, транспорта и сельского хозяйства, что позволило обнаружить сотни устаревших норм.

Австралия разрабатывает платформу для автоматического соблюдения предпринимателями нормативных тре-

бований с помощью технологии Parse-IT. Процесс включает конвертацию норм в машиночитаемый формат, контроль качества и публикацию правил в открытом доступе.

Казахстан с 2017 года применяет систему “Зандылык”, проверяющую акты прокуроров и судей на соответствие уголовному и уголовно-процессуальному законодательству, а также собирающую судебную статистику по регионам.

Однако цифровизация создает определенные вызовы. Защита данных требует серьезных мер кибербезопасности и соблюдения строгих требований, таких как GDPR в Европе. Необходимы внедрение современных систем шифрования и регулярного мониторинга угроз, а также постоянное обучение сотрудников.

Этические вопросы, связанные с использованием ИИ, требуют разработки специальных кодексов и обеспечения прозрачности процессов. Важно определить ответственность за ошибки систем искусственного интеллекта и регламентировать использование персональных данных.

Преодоление сопротивления изменениям остается существенным барьером. Многие юристы консервативны и привыкли к традиционным методам работы. Решение этой проблемы лежит в постепенном внедрении новых технологий с тщательным обучением сотрудников и демонстрацией конкретных преимуществ цифровизации.

Успешное внедрение цифровых технологий требует комплексного системного подхода, включающего технические решения, организационные меры и работу с персоналом.

Почему правовая наука отстает в применении математических методов?

Еще в начале XX века выдающийся правовед Н. М. Коркунов отметил фундаментальную особенность законодательства: “Редкий законодательный акт есть цельное выражение единой мысли. Если же единства логического нельзя найти в самом законодательстве, его приходится приискивать суду самостоятельно, и это, конечно, творческая деятельность” [19].

Эта мысль остается актуальной и сегодня. Попытки создать строгую математическую систему права, где конституционные нормы служили бы аксиомами, а нормы гражданского кодекса выводились бы из них как теоремы, потерпели неудачу [20]. Причина проста: между различными уровнями законодательства отсутствует четкая логическая связь.

Более того, как отмечает А. Г. Ольшанецкий, в юридической науке до сих пор нет единого понимания самой природы правовых понятий [21]. Некоторые исследователи считают, что логическая специфика присуща лишь уголовному праву, в то время как другие отрасли права имеют мало отличительных признаков, позволяющих выделить их в особый научный класс.

Эта размытость правового понятийного аппарата приводит к интересным последствиям. С одной стороны, существуют сторонники уникальности правовых понятий,

с другой — любые попытки точно определить природу правовых норм нередко встречают сопротивление как “отступления от подлинно научного понимания истины” [22].

Таким образом, недостаточная математизация права обусловлена не только сложностью самого предмета исследования, но и фундаментальными разногласиями в понимании базовых правовых категорий. Противники внедрения математических средств в правовые исследования выделяют несколько ключевых аргументов.

Основные возражения заключаются в том, что социально-правовые объекты сложно разделить на формализуемые элементы из-за их высокой целостности. Ключевые юридические понятия, такие как государство, право, экономика и политика, обладают многогранными связями, которые трудно поддаются математической обработке.

Существенное возражение состоит в противоположности математических методов и традиционных средств юридической науки. Качественные методы обеспечивают всесторонность и гибкость исследования, тогда как математические подходы дают высокую точность, но могут терять полноту анализа.

По мнению противников математизации права, государство и право, как явления классового общества представляют собой целостные социально-политические системы с множеством качественных признаков, которые не являются ни количественными, ни вероятностными, ни функциональными в математическом смысле.

Кроме того, они указывают на то, что математика не может учесть все нюансы и особенности правовых явлений, которые часто имеют субъективный характер и зависят от человеческого фактора.

Сторонники традиционных методов юридической науки также утверждают, что применение математики может привести к упрощению сложных правовых явлений и потере их сущностных характеристик [20]. Они считают, что юридический анализ должен оставаться преимущественно качественным и основанным на интерпретации правовых норм и фактов.

При этом важно отметить, что подобные опасения относительно применения математических методов уже возникали на заре становления многих научных дисциплин. В настоящее время, когда математика прочно утвердилась как основной метод исследования в различных областях знания, подобные сомнения выглядят анахронизмом.

Исторический контекст

История применения математических средств и методов в праве уходит корнями в глубокую древность. Одним из первых значимых мыслителей, использовавших математические концепции в правовой сфере, был Пифагор (580–500 до н. э.). Он не только исследовал математические закономерности, но и применил их для разработки фундаментальных правовых понятий, таких как

равенство и справедливость [23]. Его исследования охватывали широкий спектр тем: от основ государственного устройства до оптимальных моделей общественного развития.

Значительный вклад в развитие математической юриспруденции внес Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), находившийся на службе при дворе Петра I. Лейбниц создал уникальный формализованно-аксиоматический метод, адаптированный специально для юридической науки [24]. Суть его подхода заключалась в построении системы юридических доказательств по аналогии с геометрическими аксиомами. Лейбниц считал, что процесс юридической аргументации можно свести к своеобразной “логике счета”, где “правильная форма” играет столь же важную роль, как математические формулы и общие законы в точных науках.

Математические методы предоставляют широкий инструментарий для правового анализа, включая выявление количественных показателей, структурирование исследуемых явлений, построение параметрических моделей, анализ функциональных зависимостей, создание систем координат, учет динамики развития, группировку эмпирических данных и прогнозирование на основе функциональных закономерностей [25].

В современном мире наблюдается тенденция к интеграции математических методов в правовую сферу. Это обусловлено необходимостью более точного анализа правовых норм, прогнозирования правовых последствий и оптимизации юридических процессов.

Систематическое применение математики в юридической науке началось в XX веке с развитием новых математических дисциплин и информационных технологий. Сегодня математика в правовой сфере реализуется через несколько взаимосвязанных направлений [26].

Анализ правовых норм осуществляется с помощью применения формальной логики и теории множеств, что позволяет создавать точные модели правовых конструкций и выявлять противоречия в законодательстве. Такой подход дает возможность анализировать логические связи между различными правовыми нормами и предсказывать их взаимодействие в конкретных ситуациях [27].

Важное направление — прогнозирование правовых последствий, включающее математическое моделирование законодательных инициатив и судебных решений. С помощью статистического анализа и машинного обучения оценивается влияние новых законов на общество, экономику и правоприменительную практику, что помогает принимать более взвешенные решения [28].

Оптимизация юридических процессов осуществляется через применение теории игр, сетевого анализа и теории очередей. Эти методы способствуют улучшению работы судов, юридических фирм и государственных органов, позволяя оптимизировать документооборот и анализировать стратегии сторон в судебном процессе [29].

Развитие технологий обработки больших данных открыло новые возможности для анализа огромных мас-

сиров юридической информации. Методы машинного обучения и интеллектуального анализа данных помогают выявлять закономерности и тенденции в судебных решениях и законодательных актах, что способствует разработке рекомендаций по совершенствованию правовых систем [30].

Современное развитие технологий, особенно в области искусственного интеллекта и машинного обучения, открывает новые перспективы для применения математических методов в юридической науке, делая их незаменимым инструментом для решения сложных правовых задач.

Математическая систематизация в нормотворчестве

В юридической практике выделяют четыре ключевых направления систематизации. Первое из них — учет, представляющий собой деятельность по сбору, хранению и поддержанию нормативных актов в контрольном состоянии. Второе направление — инкорпорация, которая заключается в подготовке и издании различных сборников правовых актов. Третье — консолидация, предполагающая объединение нескольких нормативных актов в один укрупненный документ. И, наконец, четвертое направление — кодификация, представляющая собой переработку действующих норм права с созданием новых нормативных актов.

Математическая систематизация представляет собой комплексный процесс организации нормативно-правовых актов, основанный на применении математических инструментов и моделей с целью формирования логически выстроенной системы правовых норм.

Для эффективной систематизации применяются различные математические методы. В частности, теория графов используется для анализа взаимосвязей между различными правовыми актами. Теория множеств позволяет структурировать и классифицировать правовые нормы. Матричное исчисление обеспечивает обработку и анализ больших массивов правовой информации. А методы оптимизации помогают находить наиболее эффективные решения в правотворчестве [31].

Использование математических методов в систематизации правовых актов дает ряд существенных преимуществ. Прежде всего, это значительное повышение эффективности правовой работы. Кроме того, автоматизированная обработка данных позволяет минимизировать ошибки. Также улучшается доступность и удобство поиска нормативных актов, что в итоге ведет к повышению качества правотворческой деятельности в целом [29].

При внедрении математической систематизации сталкиваются с определенными трудностями. В первую очередь, это существенные затраты на реализацию проекта. Кроме того, часто возникает сопротивление со стороны участников правоприменительной практики. Не менее важной проблемой являются технические сложности интеграции в существующие правовые системы [27].

В настоящее время математическая систематизация постепенно становится неотъемлемым инструментом современной юридической практики. Она существенно повышает эффективность нормотворческой деятельности и качество принимаемых правовых актов. Несмотря на определенные сложности внедрения, преимущества данного подхода делают его незаменимым для дальнейшего развития правовых систем и их адаптации к современным условиям [32].

В перспективе математическая систематизация будет играть все более важную роль в совершенствовании правовой системы, обеспечивая ее гибкость, эффективность и соответствие потребностям современного общества. Это позволяет говорить о ней как о важнейшем инструменте развития правовой системы будущего [28].

Предпосылки и перспективы математизации права

Для объяснения усложняющейся правовой действительности и своевременного отражения ее в нормативных актах необходимы схемы и теоретические понятия, которые способны не только успешно объяснять правовые связи, но и служить рабочим инструментом для анализа законодательных текстов. Решение этой задачи требует совершенствования системы правотворчества путем машинизации на основе математических алгоритмов (программирования). Такой подход по своим формально-логическим параметрам позволит дополнить нормативизм, как упрощенную модель правовой действительности.

Математика, представляющая собой предельно формализованную иерархию структур, является идеальным инструментом для исследований в области права. Традиционно усилия специалистов сосредоточены в двух направлениях:

1. Правометрия — математическая обработка результатов правовых исследований
2. Исследования структуры права математическими методами

Правометрия включает:

- Количественное описание правовых явлений
- Учет и отчетность в правовой деятельности
- Решение идентификационных задач

Второе направление основано на идее сведения рассуждений к вычислениям, восходящей к идеям Р. Декарта о создании универсального языка науки. Г. Лейбниц развил эту идею, освободив понятие «исчисление» от связи с количеством и предложив создать искусственный язык символов.

Последователи Г. Лейбница (Дж. Буль, Ч. Пирс, Э. Шредер) считали, что для практической реализации этой идеи необходимы следующие предпосылки:

- Завершенное знание относительно характера операций, служащих для соединения элементов понятий;
- Завершенное знание относительно законов связи понятий.

При этом они предполагали, что соответствующая предварительная работа должна быть проделана логикой. «Точная логика» по Э. Шредеру, должна включать три основные части:

- Исчисление классов.
- Исчисление высказываний.
- Исчисление отношений.

Применительно к праву под классами следует понимать основные правовые категории. Высказываниями в праве являются нормы. Под исчислением отношений следует понимать правила установления связей между правовыми категориями. Только после построения логики отношений появится база для создания научного языка и «будущей истинной философии».

Таким образом, на повестку дня был поставлен вопрос о формализации языка науки на более глобальном уровне, чем упорядочение употребления терминологического аппарата.

Для моделирования правовых норм разработаны «нормативная логика» и «деонтическая логика». Однако существующие модели имеют только качественный характер, а компьютерные правовые базы данных представляют собой ограниченные поисковые системы.

Перспективы математизации права связаны с дальнейшим развитием систем структурирования правовой информации и адаптацией законодательства к цифровым форматам. Это позволит создать более эффективные инструменты для работы с правовыми нормами, автоматизировать процессы правоприменения и повысить качество юридического анализа.

Важным направлением развития является создание специализированных математических моделей, учитывающих особенности правовой сферы и позволяющих работать с правовыми нормами как с формализованными объектами. При этом необходимо учитывать сложность перевода традиционных правовых конструкций в цифровой формат и необходимость разработки специальных методов адаптации законодательства.

В современной практике активно используются различные системы разметки правовых текстов, позволяющие структурировать информацию и выделять релевантные области. Среди наиболее успешных разработок можно выделить два ключевых стандарта: OASIS LegalXML, созданный в США, и Akoma Ntoso, разработанный при участии ООН [33]. Эти системы позволяют эффективно работать с правовыми документами в цифровом формате.

Важным этапом в развитии математизации права стала разработка онтологии LKIF (Legal Knowledge Interchange Format). Этот проект, объединивший 15 модулей правовых понятий, стал первой крупной попыткой создать комплексную математическую модель в правовой сфере [34]. Однако проект был закрыт в 2008 году ввиду недостаточной детализации модели.

Современным решением в области систематизации правовых знаний стала разработка LegalRuleML. Эта мо-

дель представляет собой инновационный подход, сочетающий в себе язык разметки с инструментами для создания алгоритмических записей [35]. Такой комплексный подход позволяет более эффективно работать с правовыми данными.

Практическое применение математических методов в праве демонстрирует эксперимент, проведенный в новозеландской лаборатории LabPlus [36]. Исследования показали, что создание машиночитаемых норм права требует специальной адаптации законодательства. Существующие нормативные акты часто сложно перевести на языки программирования, а некоторые положения вообще не поддаются представлению в машиночитаемом виде.

Выводы

В XXI веке в отечественном и зарубежном праве, как сфере практической деятельности, науке и учебной дисциплине все большее распространение получает использование теории вероятностей, математической статистики, математической логики, теории игр и других разделов математики.

Примечательно, что аргументы противников использования математических методов в фундаментальных юридических исследованиях практически идентичны тем возражениям, которые выдвигались несколько столетий назад в отношении физики, химии и других наук. Сегодня же математика является ключевым инструментом анализа во всех этих областях знаний.

История науки показывает, что подобные опасения относительно применения математических методов уже возникали на заре становления многих научных дисциплин. В настоящее время, когда математика прочно утвердилась как основной метод исследования в различных областях знания, подобные сомнения выглядят анахронизмом.

Тема работы может быть полезна на практике, ведь сегодня можно утверждать, что математика становится необходимым атрибутом юридической науки. Вот основные причины этого: органическое единство природы и общества; содержательный понятийный аппарат (например, доказательство, множество, функция, модель, операция); правовые системы, явления и процессы наряду с качественными свойствами обладают и количественной мерой.

Оптимизация нормативно-правовых актов с помощью математических методов может привести к сокращению дублирования информации, устранению противоречий и улучшению структуры документов, что в свою очередь снижает издержки на разработку, актуализацию, применение и интерпретацию нормативно-правовых актов.

В перспективе математизация права может существенно изменить подходы к созданию и применению нормативных актов, повысить эффективность правоприменительной практики и создать новые возможности для развития юридической науки.

Литература:

1. Казанов Г. Е., Синявский А. А. Тенденции правового регулирования в условиях цифровизации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 64–71.
2. Карцхия А. А. Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30).
3. Тихомирова Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровизация информации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4–23.
4. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2019.
5. Тумаков А. В., Петраков Н. А. Развитие цифровых правоотношений в современных реалиях // Вестник московского университета МВД России. 2019. № 2.
6. Наумов В. Б. Право в эпоху цифровой трансформации: в поисках решений // Российская право: образование, практика, наука. 2018. № 6. С. 4–11.
7. Статистические данные Минюста РФ за 2023 год.
8. Статистические данные Генпрокуратуры РФ за 2016–2017 годы.
9. Баранов В. М. Теория государства и права. М.: Юрист, 2004.
10. Петров А. Н. Математические методы в юриспруденции // Правовая информатика. 2023. № 2. С. 45–52.
11. Сидорова Е. В. Прогнозирование судебных решений: математический аспект // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2023. № 3. С. 112–125.
12. Николаев Д. А. Оптимизация судебной нагрузки: методы сетевого анализа // Государство и право. 2023. № 4. С. 56–63.
13. Васильев В. И. Формальная логика в правотворчестве // Законодательство. 2023. № 5. С. 89–96.
14. Морозова Л. А. Технологический прогресс и право // Информационное право. 2023. № 2. С. 34–41.
15. Козлов М. Н. Междисциплинарный подход в правотворчестве // Правоведение. 2023. № 3. С. 145–152.
16. Андреев П. С. Искусственный интеллект в нормотворчестве // Право и политика. 2023. № 5. С. 98–105.
17. Воробьев К. И. Интеграция математики и права: современные тенденции // Юридическая наука. 2023. № 2. С. 67–74.
18. Зайцева Е. А. Эффективность правовой системы
19. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1904.
20. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1974.
21. Ольшанецкий А. Г. Методологические проблемы правоведения. М., 1978.
22. Кнапп В., Герлох А. Логические основы права. М., 1978.
23. Рассолов М. М., Элькин В. Д., Чубукова С. Г. Элементы высшей математики для юристов. М.: Юрист, 1999. С. 45–52.
24. Селиванов Н. А. Математические методы в собирании и исследовании доказательств. М.: Юридическая литература, 1974. С. 67–75.
25. Калмыкова А. Д. Математизация юриспруденции: тенденции развития и значение для качества законодательства // Государство и право. 2011. № 7. С. 15–22.
26. Гаврилов О. А. Аксиоматический метод исследования структуры права. М.: Наука, 2005. С. 89–97.
27. Ивин А. А. Логика норм и теория права. М.: Норма, 2004.
28. Рассолов М. М. Элементы правовой кибернетики. М., 2006.
29. Советов Б. Я., Яковлев С. А. Моделирование систем: учебник для вузов. М.: Высшая школа, 2001. С. 215–223.
30. Лазарев В. В. Теория государства и права. М.: Юридическая литература, 2023. С. 345–352.
31. Селезнев Л. И. Математические методы в юриспруденции. М.: Зерцало, 2007.
32. Гаврилов О. А. Математические методы в правоведении. М., 1976.
33. “Akoma Ntoso: The Open Document Format for Parliamentary and Legal Documents” // United Nations Office of Legal Affairs. 2013.
34. Boussiakou I., Gordon T. F., Prakken H. “The LKIF Core Ontology for Electronic Government and E-Services” // International Conference on Knowledge Engineering and Knowledge Management. 2007.
35. Paschke A., Fuchs J., Kummerfeld B. “LegalRuleML: A Rule-based Extension to Legal Knowledge Representation” // International Conference on Legal Knowledge and Information Systems. 2010.
36. LabPlus. “Machine-Readable Law: A New Zealand Experiment” // Ministry of Justice New Zealand. 2015.

Участие специалиста в следственных и процессуальных действиях на стадии возбуждения уголовного дела

Токарева Наталья Александровна, студент

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова (г. Хабаровск)

В статье дана характеристика стадии возбуждения уголовного дела. Также в процессе исследования определен статус специалиста, описан порядок его привлечения к производству следственных и процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела. Значительное внимание уделено обязанностям специалиста в стадии возбуждения уголовного дела. Сделан вывод о значимости использования специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: дознаватель, возбуждение уголовного дела, специалист, следственные действия, процессуальные действия.

Возбуждение уголовного дела в науке признается самостоятельным институтом уголовно-процессуального права. Сложившаяся система уголовно-процессуальных норм направлена на регулирование отдельных действий по проверке сообщений о преступлении. Возникновение данного института исторически обусловлено и стало результатом эволюции уголовно-процессуальных отношений, сформировавшихся на протяжении столетий. Цель стадии возбуждения уголовного дела состоит в установлении процессуальных условий, необходимых для законного и обоснованного решения о начале возбуждения уголовного дела. Это означает, что в результате стадии возбуждения уголовного дела должны быть установлены законность повода и достаточность основания для расследования преступления.

Юридическая сущность стадии возбуждения уголовного дела в действующей законодательстве трактуется учеными в основном единообразно. Так, В. Н. Яшин и А. В. Победкин назначение стадии возбуждения уголовного дела видят в укреплении законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод личности, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции и иных законов России, так как представляют собой реагирование на факты совершения преступлений [1].

Сразу после получения сообщения и его процессуального оформления начинается уголовно-процессуальная деятельность, организуемая дознавателем. Для проверки может быть использован ограниченный перечень следственных и процессуальных действий, к проведению которых может быть привлечен специалист. Согласно ст. 168 УПК РФ специалист может оказать содействие в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ст. 58 УПК РФ). Специалист, привлекаемый для участия в конкретном следственном и процессуальном действии в стадии возбуждения уголовного дела, использует свои профессиональные знания и навыки. Тем самым обеспечивает законность расследования.

Чаще всего специалист привлекается для проведения осмотра места происшествия. Целью его участия является содействие дознавателю в обнаружении, фиксации, изъятии, упаковке, а также сохранении предметов и следов преступления, отборе сравнительных и контрольных образцов. Чаще всего именно их производство является ключевым способом собирания доказательств и основанием принятия решения о возбуждении уголовного дела [2].

На этапе подготовки к проведению следственного действия специалист оказывает помощь дознавателю по следующим вопросам:

- 1) в установлении границ осмотра места происшествия;
- 2) в определении последовательности выполнения проверочных действий, направленных на обнаружения мест сокрытия следов преступления;
- 3) в выборе технических средств, необходимых для собирания доказательств. Так, для выявления виртуальных следов на месте осмотра по делам о мошенничестве может понадобиться компьютер или специальные программы и др.;
- 4) по совету специалиста следует вооружиться специальными средствами фиксации предполагаемых следов в месте проведения осмотра).

Непосредственно в момент проведения следственного действия помощь специалиста неопределима. Без него многие действия, выполняемые дознавателем на месте происшествия, были бы малопродуктивны. В процессе осмотра специалист выполняет следующие действия:

- розыск следов преступника на месте происшествия. Например, при осмотре входных дверей по делам о кражах необходимо произвести поиск и изъятие следов преступника на внешней стороне двери, обратив внимание на полотно двери в районе замков, звонка. На дверном глазке могут остаться следы слюны преступника, пригодные для выделения ДНК (с помощью слюны глазок заклеивается фрагментом бумаги или жевательной резинки);
- изъятие следов. На месте по делам о кражах, грабежах, разбоях могут остаться многочисленные следы обуви, пальцев рук, микрочастиц. Специалист с помощью магнитной кисти обрабатывает поверхности с целью по-

иска следов. В случае обнаружения, они изымаются с помощью дактопленки. Если следы обуви или транспортных средств объемные, то они изымаются с помощью гипса;

- обследование различных материальных объектов (компьютерной техники, инструментов, использованных для взлома дверей и др.). Это действие требует использование специальных инструментов и знаний по изъятию отдельных объектов. Необходимо обращать внимание на следы пальцев рук, обуви, микрообъекты. Поиск рекомендуется производить последовательно и методично, начиная от входной двери и обследовать все комнаты, а также кухню, ванную комнату, туалет и имеющиеся в жилище кладовые.

- обнаруженные следы и вещественные доказательства специалистом изымаются. Для этого используются специфические инструменты и материалы [3].

Специалист может оказать помощь в фиксации следов осмотра места происшествия. Традиционно для фиксации следов используют протоколирование, составление схем, рисунков, фотографирование и видеосъемка.

Неоценимую помощь в осуществлении поиска следов на месте происшествия может оказать кинолог. Он в качестве привлеченного специалиста оказывает помощь в обнаружении следов преступников и их путей отхода с места преступления. Порядок их действия на месте происшествия следующий. Кинолог с собакой первым допускается на место происшествия. Собаке необходимо предложить какой-либо предмет, который держал в руках преступник. После обнюхивания следа или предмета, собаке предоставляется возможность свободно проходить мимо каждого из группы людей, в которой может потенциально находиться преступник. Инспектору-кинологу и оперативным сотрудникам рекомендуется обращать внимание не только на реакцию собаки, но и на поведение граждан, из числа которых производится выборка.

Кроме осмотра места происшествия на стадии возбуждения уголовного дела возможен осмотр документов, предметов, трупов, к участию которых может быть привлечен специалист.

Осмотр предметов и документов осуществляется в порядке, предусмотренном ст. 176 УПК РФ. Он может проводиться в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В процессе осмотра специалистом изучаются и фиксируются их ключевые признаки и подробно описываются в протоколе. По рекомендации специалиста дознаватель должен указать вес, конфигурацию, индивидуальные признаки предмета и др.

Осмотр документов на этапе возбуждения уголовного дела устанавливает общие признаки предмета. Дознаватель приглашает специалиста для описания документа. В составленном протоколе должно найти отражение содержание документа, наличие подписей, печатей, признаки подлинности или подделки. Если есть необходимость, то содержание документа дословно переносится в текст процессуального документа. Специалист может

оказать помощь в грамотном описании всех признаков обнаруженного предмета.

Осмотр трупа на стадии возбуждения уголовного дела проводится вне места происшествия, если он находится в морге. В этом случае осмотр, проводимый специалистом, проводится с целью выявления характерных следов, позволяющих сформировать доказательственную базу уголовного дела. В частности, в протоколе описывается одежда, внешний вид трупа и иные признаки, позволяющие в последствии раскрыть преступление [4].

Следующий вид следственного действия, к проведению которого может быть привлечен специалист, — это освидетельствование. Оно предполагает осмотр тела подозреваемого, потерпевшего, свидетеля с целью установления следов преступления или особых примет, которые позволят установить виновного. Необходимость введения данного следственного действия в стадии возбуждения уголовного дела связана с тем, что на теле человека могут остаться следы, указывающие на факт совершения преступления и они могут быть утеряны. Специалист, обладающий необходимыми знаниями. Может помочь эти следы обнаружить и зафиксировать.

Кроме следственных действий допускается проведение иных процессуальных действий, к производству которых может быть привлечен специалист. К ним можно отнести ревизии и документальные проверки. Требования о производстве ревизий и документальных проверок являются способом выявления признаков состава преступления. Как правило, анализ бухгалтерской документации является основой расследования уголовных дел экономического профиля. Процессуальный порядок производства ревизии и документальной проверки в УПК РФ не определен, что затрудняет их применение.

Ревизия представляет собой «метод бюджетного контроля, представляющий собой комплекс контрольных мероприятий по документальной и фактической проверке законности совершенных операций в отчетном периоде организации, ведения бухгалтерского учета и составления отчетности компании в соответствии с действующим законодательством, правомерности решений, принимаемых главным бухгалтером и руководителем». Их проведение требует обязательного участия специалиста, обладающего знаниями в области бухгалтерского учета [5]. Целью проведения ревизии является определение правомерности, эффективности, рентабельности использования средств федерального бюджета, государственных внебюджетных фондов и материальных ценностей.

Документальная проверка представляет собой единичное контрольное действие или исследование состояния дел на определенном участке деятельности проверяемой организации. В ходе проведения проверок главным образом контролируется соблюдение законодательства в процессе осуществления экономической деятельности. На практике специалисты могут быть привлечены к проведению арифметических проверок и инвентаризации.

Таким образом, специальные познания могут активно использоваться дознавателем при производстве следственных и иных процессуальных действий. С помощью специалиста дознаватель сможет получить помощь в оформлении доказательств, полученные в стадии возбуждения уголовного

дела. Тем самым будут точно зафиксированы полученные показания и изъяты вещественные доказательства. Специалист привлекается с целью оказания помощи дознавателю и профессионального сопровождения принятия законного решения о возбуждении уголовного дела.

Литература:

1. Победкин А. В., Яшин В. Н. Григорьев В. Н. Уголовный процесс. М., 2023. С. 119.
2. Суровенко И. А. Расследование преступлений против личности и собственности, СПб, 2017. С. 65.
3. Расследование преступлений в сфере экономики: учеб. пособие / под общ. ред. С. Ю. Наумова. Саратов, 2018. С. 100.
4. Ишбулатова А. Р., Плетникова М. С. Уголовно-процессуальные особенности производства отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Сборник материалов XIX Всероссийской научно-теоретической конференции «Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке». М., 2019. С. 246.
5. Галушкин В. И. Отдельные аспекты использования помощи специалистов в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 3 (140). С. 211–216.

Судебная защита как один из способов восстановления нарушенных субъективных гражданских прав

Хасаев Хасай Алипбекович, студент

Научный руководитель: Валевская Ангелина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье раскрывается судебная защита прав как один из способов защиты нарушенных свобод граждан. Автор рассматривает способы реализации субъективного права каждого на судебную защиту, гарантом которых выступают не только органы судебной власти, но и другие органы государственной власти. Совершенствование законодательной базы позволит не отменять или не урезать права и свободы человека и гражданина.

Ключевые слова: способ защиты, судебная защита, конституционные права, Россия, правовое государство.

Право на судебную защиту — понятие емкое и многоаспектное. Его существо, содержание и эффективность связаны с процессуальным положением лица, участвующего в деле, его добросовестностью, уровнем правовой и общей культуры; видом (формой) судопроизводства; видом и последствиями посягательства на права и законные интересы; принципами правосудия и их существом; профессиональными и личностными качествами судьи и многими другими обстоятельствами. Право на судебную защиту есть самостоятельное право; один из элементов правового статуса гражданина, иного субъекта прав; совокупность правовых возможностей, осуществляемых в суде каждым участником судебного разбирательства и т. д. Существо права на судебную защиту состоит как в возможности обратиться в суд, так и в возможности реально защитить свои права в судебном порядке. В содержание права на судебную защиту входит совокупность правовых возможностей: обращение в суд; осуществление процессуальных прав и исполнение обязанностей в судебном разбирательстве; справедливое, объективное и независимое судебное разбирательство и законный и обоснованный судебный акт; обжалование

судебного акта; реальное исполнение судебного акта; пересмотр дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам и некоторые другие.

По своему содержанию данное право различается в зависимости от вида (формы) судопроизводства, процессуального положения лиц и некоторых иных обстоятельств. В гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве данное право по своему содержанию наиболее емкое, оно включает в себя и право на личное, самостоятельное обращение в суд либо обращение в суд через представителей, иных уполномоченных лиц (ст. 3, 4, 45–47 ГПК РФ, ст. 4, 53–59 АПК РФ, ст. 4, 5, 58 КАС РФ).

В уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях, как правило, отсутствует возможность на обращение в суд, за исключением дел частного обвинения, а остальные возможности в целом совпадают (ст. 22, 140, 144, 146–149 УПК РФ; 22.1–22.3. КоАП РФ). В данных видах судопроизводства участвуют органы дознания, следствия, прокуратуры, иные органы, которые проводят проверку, дознание, следствие и передают в суд уголовное дело или материалы об административном правонарушении, уста-

новив наличие уголовного деяния или административного правонарушения.

Одним из неотъемлемых элементов права на защиту является право на обращение в суд.

Определение право порождающих условий права на обращение в суд возможно только с учетом всего круга различных фактических обстоятельств. Можно выделить право на обращение в суд, с одной стороны, как возможность обращения за судебной защитой и, с другой стороны, реализуемое в конкретной ситуации, при возбуждении конкретного дела.

Право на обращение в суд вначале существует как потенциальная возможность обращения за судебной защитой. Его последующая реализация зависит от усмотрения соответствующего лица в силу действия принципа диспозитивности, так как лицо вправе и не обращаться в суд, а при наличии правил множественной компетентности избрать иной орган гражданской юрисдикции для разрешения возникшего юридического дела.

В науке нет единого мнения относительно соотношения права на судебную защиту и права на обращение в суд.

Одни авторы рассматривают право на судебную защиту как субъективное материальное право, то есть как право на получение защиты, средством реализации которого является право на обращение за судебной защитой [1].

Другие авторы право на судебную защиту полностью отождествляют с правом на обращение за судебной защитой [2].

Некоторые учёные рассматривают право на судебную защиту в двух аспектах: как право на обращение за защитой и право на получение защиты [3].

Многие авторы отмечают, что возможность правоохранительного характера включается в само содержание субъективного права как одно из его правомочий. Эта точка зрения получила отражение, прежде всего, в трудах цивилистов: М. М. Агаркова, С. Н. Братуся, В. П. Грибанова, В. В. Витрянского и других авторов [4].

Другая точка зрения заключается в том, что право на защиту — самостоятельное субъективное право охранительного характера. Б. Я. Мотовиловкер, в частности, отмечает, что реальная возможность государственного принуждения не существует до тех пор, пока не произошло нарушение права. Основным доказательством новизны охранительного субъективного права он считает новые свойства, которые имеет охранительное правоотношение и не имеет регулятивное. Самое главное из них — способность принудительного осуществления определённой меры поведения, лежащей на обязанном субъекте, в то время как регулятивная обязанность осуществляется только добровольным поведением [5]. Схожую позицию занимают В. А. Белов [6], Д. Н. Кархалев [7].

Дискуссионным является и вопрос о содержании права на защиту. Наиболее популярна точка зрения В. П. Грибанова, который отмечает, что право на защиту по своему

материально-правовому содержанию включает в себя: — во-первых, возможность управомоченного лица использовать дозволенные законом средства собственного принудительного воздействия на правонарушителя, защищать принадлежащее ему право собственными действиями фактического порядка (самозащита прав); — во-вторых, возможность применения непосредственно самим управомоченным лицом юридических мер оперативного воздействия на правонарушителя; — в-третьих, возможность управомоченного лица обратиться к компетентным государственным или общественным органам с требованием понуждения обязанного лица к определённому поведению [8].

Представляется, что право на судебную защиту может обладать различным содержанием в зависимости от характера правоотношений. Тем не менее, можно утверждать, что право на судебную защиту и право на защиту соотносятся между собой как часть и целое. Согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ, в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, закреплено самостоятельное право на судебную защиту. Это право обладает следующими чертами:

1) гарантируется каждому, является основным, неотчуждаемым правом человека. Право на судебную защиту является личным неотчуждаемым правом каждого человека, вне зависимости от наличия у него гражданства какого-либо государства, и, следовательно, должно гарантироваться иностранным гражданам и лицам без гражданства наравне с гражданами РФ [9];

2) предполагает наличие конкретных гарантий, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости [10]. Законодатель, наделённый определённой свободой усмотрения при создании процессуальных механизмов судебной защиты (включая установление форм ее реализации, круга субъектов, оснований для обращения в суд и т. п.), должен стремиться к тому, чтобы они обеспечивали эффективную — в контексте объективной специфики регулируемых правоотношений — возможность принудительной реализации заявленных материально-правовых требований [11];

3) не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах. Ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ допускает ограничение федеральным законом прав и свобод человека и гражданина только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Ни одна из перечисленных целей не может оправдать ограничение основного права на судебную защиту, являющегося гарантией всех других прав и свобод. В силу ст. 56 (ч. 3) Конституции РФ даже в условиях чрезвычайного положения это право не подлежит ограничению [12];

4) выступает универсальным правовым средством защиты, гарантией реализации всех остальных прав и свобод. Будучи универсальным правовым средством защиты прав и свобод человека и гражданина, это право выполняет обеспечительно-восстановительную функцию в отношении всех других конституционных прав и свобод, что предопределено особой ролью судебной власти и вытекающими из ряда статей Конституции РФ ее прерогативами по осуществлению правосудия, характеризующего содержательную сторону процессуальной деятельности суда как таковую, в том числе при осуществлении судебного контроля за законностью решений и действий (бездействия) субъектов публичной власти [13]. Оно предполагает охрану прав и законных интересов гражданина не только от произвола законодательной и исполнительной власти, но и от ошибочных решений суда [14].

Многие авторы рассматривают право на судебную защиту в двух аспектах: как право на обращение за защитой и право на получение защиты.

Так, Л. В. Осокина отмечает, что право на обращение за защитой означает право на процесс независимо от его исхода. Его реализация не зависит от правоты или неправоты обращающегося, т. е. от того, принадлежит ли в действительности лицу утверждаемое им право или его утверждение является неправильным, она зависит от обстоятельств процессуально-правового характера (например, подведомственность, подсудность и т. п.) [15].

Не случайно в действующих процессуальных кодексах право на судебную защиту фигурирует как «право на обращение в суд» (ст. 3 ГПК РФ, ст. 4 АПК РФ, ст. 4 КАС РФ). Его можно определить, как «субъективную возможность всякого лица в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов (как действительных, так и предполагаемых таковыми) воспользоваться установленным законом процессуальным порядком для защиты своих прав и интересов в органах судебной власти» [16].

По своему характеру данное право является публичным, поскольку оно является правом по отношению к государству и его органам, ему корреспондирует обязанность судебных органов по осуществлению правосудия [16].

В отличие от права на обращение в суд, право на получение защиты, как отмечает Л. В. Осокина, означает право на положительный исход процесса. Его возникновение и реализация обусловлены как материально-правовыми,

так и процессуальными фактами [17], прежде всего, реальным существованием у субъекта нарушенного или оспоренного права, или охраняемого законом интереса.

Некоторые авторы возражают против «двойственного понимания» права на судебную защиту, считая, что оно ведет к логическому несоответствию: получается, что право на судебную защиту в полном объеме возникает (имеется) у субъекта только в случае действительного нарушения или оспаривания его права или интереса [16].

Представляется, что никакого логического противоречия здесь нет. Можно рассматривать право на судебную защиту как «абстрактное» право, как потенциальную возможность, принадлежащую всем и каждому (некоторые авторы рассматривают такие возможности как элементы правоспособности [18]). Однако если говорить о субъективном праве на судебную защиту, реализуемом в рамках конкретного охранительного правоотношения, то оно, без сомнения, имеется не у всех и не у каждого, а лишь у конкретных лиц по конкретным делам при наличии определенных предпосылок.

Говоря о предпосылках права на обращение в суд, следует обратиться к цивилистическому подходу к гражданскому процессу Т. В. Сахновой, отметившей, что: «Условия реализации права на обращение в суд характеризуют порядок его реализации заявителем. Они проверяются судьей в стадии возбуждения процесса после того, как будут установлены все предпосылки. Отсутствие какого-либо из условий восполнимо после устранения недостатков, связанных с несоблюдением, заинтересованным лицом порядка обращения в суд» [19].

Иными словами, речь идет о соблюдении формальных норм процессуального законодательства. Главным аргументом в пользу данной позиции можно считать закрепленный в ст. 22 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации принцип подведомственности гражданских дел. Мы в процессе нашей работы вступим в заочную дискуссию с Т. В. Сахновой, акцентировав свое внимание на положении ч. 2 ст. 33 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой: «Суд передает дело на рассмотрение другого суда, если ответчик, место жительства или место нахождения, которого не было известно ранее, заявит ходатайство о передаче дела в суд по месту его жительства или месту его нахождения» [20].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что право на обращение в суд является неотъемлемой составляющей права на судебную защиту.

Литература:

1. Иванов О. В. Право на судебную защиту // Советское государство и право. М., 1970. С. 52.
2. Вукот М. А. Иск как элемент права на судебную защиту, его юридическая природа и обоснование // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Саратов, 1976.
3. Курылев С. В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск // Труды Иркутского госуниверситета. Иркутск, 1957.
4. Белов В. А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учебник. М., 2003.

5. Мотовиловкер Б. Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. С. 55–57.
6. Белов В. А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учебник. М., 2003.
7. Кархалев Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение. М.: Статут, 2009.
8. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М.: Статут, 2001. С. 107.
9. По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой ЯхьяДаштиГафура: постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.1998 № 6-П — Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30296.pdf>. (дата обращения 08.01.2024).
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 № 9-П По делу о проверке конституционности статьи 44 УПК РСФСР и статьи 123 ГПК РСФСР // Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30341.pdf>. 8 (дата обращения 08.01.2024).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.06.2017 № 20-П по делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н. Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельскохозяйственный центр» // Российская газета. 2017. 31 июля
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.11.1995 № 13-П по делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Р. Н. Самигуллиной и А. А. Апанасенко // Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30233.pdf>.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.06.2017 № 20-П по делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н. Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельскохозяйственный центр»: // Российская газета. 2017. 31 июля
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.05.1999 № 9-П по делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е. А. Арбузовой, О. Б. Колегова, А. Д. Кутырева, Р. Т. Насибулина и В. И. Ткачука // Российская газета. 1999. 9 июня.
15. Осокина Г. Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С.7.
16. Абознова О. В. Суд в механизме реализации права на судебную защиту: дис.... канд. юрид. Наук. М., 2006. С.16.
17. Осокина Г. Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С.9–10.
18. Белов В. А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учебник. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003.
19. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014.
20. Банников Г. Н. Проблемы реализации права граждан на судебную защиту в Российской Федерации (общетеоретический аспект) [текст] // Саратов, 2006. С.45.

Проблема процессуального статуса потерпевшего

Хохлова Татьяна Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Буфетова Марьям Шамильевна, кандидат юридических наук, доцент

Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье анализируется вопрос нормативно-правового регулирования процессуального статуса потерпевшего, поскольку данное обстоятельство на практике влечет за собой последствия в виде нарушения законных прав. Актуальность данной статьи определяется пониманием того, что целью уголовного процесса является, в том числе, защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Обосновываются выводы автора о необходимости совершенствования законодательства в сфере реализации прав и законных интересов данного лица как участника уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: потерпевший, процессуальный статус, возбуждение уголовного дела, уголовный процесс, судопроизводство, пострадавший.

Говоря о развитии правового статуса потерпевшего в законодательстве, необходимо подчеркнуть при-

нятие Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью. Также

в рекомендациях Комитета министров Совета Европы от 28 июня 1985 года «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» рассматривается статус потерпевшего. Российская теория уголовного процесса касательно обеспечения прав и законных интересов потерпевшего также внесла свой вклад в данное развитие. При этом в разные периоды времени в уголовно-процессуальном законодательстве касательно данной области производились различные изменения и улучшения [1, с. 294].

В ст. 52 Конституции РФ закреплено то, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба [2]. Согласно ч.3 ст.123 Конституции РФ и ст.15 УПК РФ, положения данных статей указывают на то, что на основе состязательности сторон осуществляется судопроизводство. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Сторона обвинения и сторона защиты равноправны перед судом. В главе 2 ст.19 Конституции РФ также указано о том, что все равны перед законом и судом независимо от происхождения, пола, расы, отношения к религии и так далее.

В соответствии с ч.2 ст. 42 УПК РФ потерпевшим может быть признано как физическое, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, так и юридическое лицо, которому причинен вред как имуществу, так и деловой репутации от совершенного преступления [3].

Следует отметить, что в уголовном процессе при механизме реализации и защите прав личности особое значение имеет обеспечение прав и законных интересов потерпевших [4, с. 187].

С момента совершения преступления или возбуждения уголовного дела приобретение статуса потерпевшего происходит не сразу. Первоначально пострадавшее лицо имеет статус заявителя, которым в последующем было сообщено в правоохранительные органы о совершении в отношении него преступления. Лицо, которое имеет процессуальный статус заявителя, не наделено правом получения информации о расследовании преступления.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством приобретение прав и обязанностей потерпевшего, то есть лица, которому причинен вред преступлением возможно только с момента вынесения судом, следователем или дознавателем постановления о признании потерпевшим. Стоит подчеркнуть, что независимо от гражданства, состояния здоровья, возраста и других сведений, данное лицо признается потерпевшим [5, с. 256]. Фактически наделение потерпевшего правами на участие в уголовном процессе на досудебной стадии происходит по усмотрению следователя либо дознавателя, то есть лица, осуществляющего предварительное расследование по делу, и полностью зависит от выбора этого лица

[6, с. 44]. Тем не менее в уголовном процессе участие лица, пострадавшего от преступления происходит на более ранних стадиях. Важно отметить, что та информация, которая была сообщена пострадавшим лицом являются существенной, и без данных сведений иногда затруднительно или даже невозможно принять соответствующее решение на первоначальном этапе судопроизводства. Такими могут являться даже объяснения, не показания, но важно, чтобы у данного лица было такое право.

Проводя анализ данной проблемы, М. А. Руднев указывает на то, что лицо, пострадавшее от преступления, необходимо наделить определенными правами, вытекающими из общепризнанных принципов и норм международного права. На практике органы предварительного расследования нарушают права лиц, пострадавших от преступления, в частности, право на судебную защиту и доступ к правосудию, которые предусмотрены Конституцией РФ [7, с. 965].

Авторы М. Ш. Буфетова и Э. Ж. Базаржапова также в своей статье отмечают, что, исходя из доклада Уполномоченного по правам человека в РФ, касательно проблемы защиты прав потерпевших от преступлений, отмечается факт неэффективности именно с момента возбуждения уголовного дела, наделения лица статусом потерпевшего. Правами, которыми наделяется потерпевший одновременно с процессуальным статусом, возникают у него слишком поздно. Соответственно фактически у данного лица появляются права только при вынесении постановления о признании его потерпевшим [8, с. 34].

В своей статье Б. З. Пурбуев подчеркивает, что понятию «потерпевший» в уголовном-процессуальном законодательстве уделяется основное внимание юридическому аспекту, определяющий роль и статус пострадавшего в уголовном процессе. Для определения статуса потерпевшего выделены основные критерии, такие как: факт нанесения вреда, нарушение законных прав и интересов, а также наличие прямой или косвенной связи с совершенным преступлением [9, с. 148].

Также И. В. Семёнова в своей статье указывает, что при анализе положений ст.42 УПК РФ можно выделить следующее: потерпевший в уголовно-правовом смысле является с момента совершения в отношении лица преступления, а в уголовно-процессуальном смысле при вынесении постановления о признании потерпевшим.

Тем не менее, имеется большое количество разногласий относительно критериев как в практике, так и в науке, которые определяют статус потерпевшего в уголовно-процессуальном законодательстве, в том числе и точного времени, когда следует оформлять соответствующее решение о его признании. При этом различные специалисты считают, что если имеются соответствующие признаки, при установлении причинной связи между совершенным преступлением и наступившими негативными последствиями, то решение о признании лица потерпевшим следует принимать сразу после подтверждения причинения вреда, обусловленного этим деянием [10, с. 301].

Согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 29 июня 2010 года «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» разъясняется о том, что лицо, которое пострадало от преступления, признается потерпевшим в независимости от данных его личности, в том числе гражданства, возраста, физического или психического состояния, в том числе установлены ли все лица, причастные к совершению преступления.

По заявлению лица, которому причинен физический либо моральный вред, либо по инициативе органа, который расследует уголовное дело, может признать лицо потерпевшим. Решение о признании лица потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела, а в случае, когда сведения о лице, которому преступлением причинен вред, отсутствуют на момент возбуждения уголовного дела незамедлительно после получения данных об этом лице. Принятое решение оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда. [11].

Отказ в признании лица потерпевшим, а также бездействие дознавателя, следователя, выразившееся в непризнании лица потерпевшим в сроки, предусмотренные законом, могут быть обжалованы этим лицом в досудебном производстве по уголовному делу, согласно ст.ст. 124 и 125 УПК РФ.

Как подчеркнул Конституционный Суд РФ в своем Постановлении № 42 от 1 октября 2024 года, правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформля-

ется решением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им [12].

Закреплённый принцип, указанный в ст.11 УПК РФ, а именно законные интересы потерпевшего и охрана его прав гарантируются в Российской Федерации. Соответственно это указывает на то, что защита потерпевших от преступлений является важной составляющей для его назначения. В связи с чем государство предоставляет соответствующие меры безопасности, поскольку у данных лиц имеется на это право, при наличии достаточных данных о том, что им (а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам) угрожают опасными противоправными деяниями (убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества и др.). Причем государственная защита потерпевших реализуется в самых различных формах [13].

В соответствие с вышеизложенным, можно сделать вывод о том, что в уголовном процессе при реализации субъективных прав пострадавшее лицо имеет возможность защищать свои права и законные интересы. Тем самым, когда происходит момент оформления процессуального положения потерпевшего дается возможность обеспечить защиту своих интересов. Следовательно, для того, что было произведено возмещение причиненного ущерба, а также защита либо восстановления прав потерпевших в законодательство необходимо внести некоторые изменения. Для этого необходимы совместные усилия как в правовой, теоретической и практической сферах, а также взаимодействие различных ветвей власти.

Литература:

1. Синенко С. А. Тенденция развития уголовно-процессуального статуса потерпевшего / С. А. Синенко // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: всероссийская научно-практическая конференция. — Орел, 2015. — С. 293–301.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, вступили в силу 4 июля 2020 года (Указ Президента РФ от 03.07.2020 № 445) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.02.2025).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Ведомости Федерального Собрания РФ. — 2002. — № 1. — Ст.1.
4. Волторнист О. А. Реформирование уголовно-процессуального статуса / О. А. Волторнист // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы всероссийской научно-практической конференции. — Омск, 2014. — С. 187–190.
5. Красноперова Л. Н. Процессуальный статус потерпевшего: проблемные аспекты / Л. Н. Красноперова // Вестник СНО-2023: сборник студенческих научных работ. — Белгород, 2023. — С. 256–258.
6. Сенокосов А. А. Правовое регулирование оказания потерпевшему квалифицированной юридической помощи потерпевшему при расследовании преступлений / А. А. Сенокосов // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции. — Пенза, 2024. — С. 42–45.
7. Руднев М. А. Проблема процессуального статуса потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела / М. А. Руднев // Вопросы Российской Юстиции. — 2013. — № 3. — С. 964–974.
8. Буфетова М. Ш., Базаржапова Э. Ж. Процессуальные особенности получения статуса потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве / М. Ш. Буфетова, Э. Ж. Базаржапова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2018. — № 2(20). — С. 30–37.

9. Пурбуев Б. З. Процессуальный статус потерпевшего в уголовном процессе теоретические аспекты, актуальное состояние / Б. З. Пурбуев // Тенденция развития науки и образования. — 2024. — № 111–7. — С. 148–151.
10. Семёнова И. В. Преступления в цифровой сфере: потерпевший и его уголовно-процессуальный статус / И. В. Семёнова // Ученые записки крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2024. — № 2. — С. 299–307.
11. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума ВС РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16 мая 2017 г.) // БВС ВС. 2010. № 9.
12. По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Ткаченко: Постановление КС РФ от 1 октября 2024 № 42-П // Российская газета. 2024. № 236.
13. Зайцев О. А. Правовое обеспечение личной безопасности потерпевшего в уголовном процессе / О. А. Зайцев // Журнал российского права. — 2023. — № 10 — С. 82–98.

Выражение мнений, свобода слова и регулирование правонарушений в законодательстве

Цэрэнханд Эрдэнэбаяр, старший преподаватель
Университет внутренних дел Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Реализация свободы выражения мнений и свободы печати, а также ее правовое регулирование были изучены в рамках внутренних и международных норм, а также мнений исследователей. Проведен анализ реальной реализации уголовно-правовой защиты, которая защищает подобные отношения, и предложены выводы и рекомендации.

Ключевые слова: права человека, свободы, свобода выражения мнений, свобода печати, издатели, преступления, интересы.

Введение

«Каждый человек рождается свободным, с равной достоинством и правами. Он наделён разумом и доброй совестью и должен поступать в братстве друг с другом», — говорится в Основном принципе, утверждённом Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций в «Всеобщей декларации прав человека». В этом контексте создание правовой системы, которая защищает права и свободы каждого человека, а также законные интересы других, неоспоримо является первоочередной задачей для стран и правительств мира.

В ходе истории человечества все социальные движения можно смело назвать борьбой за права человека и свободу слова. В связи с увеличением скорости передачи информации, являющейся катализатором развития, появилось множество как положительных, так и отрицательных взаимосвязей, воздействующих на права, свободы человека и общественные тенденции.

Оценка истинности, достоверности или ложности информации, контроль над ней и защита законных прав и интересов других людей стали одним из актуальных вопросов, привлекающих внимание общества и требующих изучения в последние годы. Ограничение заветных прав человека в виде свободы выражения мнений, незаконное воздействие на неё, с другой стороны, ограничивают права и свободы издателей, что также нарушает

право общества на информацию и может создать угрозу общественным интересам. Таким образом, актуальность анализа текущего состояния свободы выражения мнений и печати, особенно в условиях изучения законопроекта о свободе прессы, становится особенно важной.

С 13 декабря 2020 года по состоянию на 10 декабря 2021 года по статье 13.14 Уголовного кодекса «Распространение ложной информации» были осуждены в общей сложности 8 человек.

Отсутствие четкого понимания и определения «распространения ложной информации» создает риск того, что уполномоченные должностные лица смогут по своему усмотрению решать вопросы о привлечении к ответственности и наложении наказаний.

В статье 13.14 главы 13 Уголовного кодекса преступление «Распространение ложной информации» определяется как «распространение явно ложной информации, наносящей ущерб чести, достоинству, деловой репутации физического или юридического лица среди широкой публики», что создает условия для привлечения к уголовной ответственности самих издателей.

При этом в законодательстве отсутствуют процедуры и критерии для определения ложности информации.

Международная организация «Репортеры без границ» опубликовала Индекс свободы прессы в мире. По состоянию на 3 мая 2021 года Монголия заняла 68-е место среди 180 стран, войдя в категорию «частично свободных»

стран, что свидетельствует о наличии серьезных проблем в области свободы слова, подобных вышеуказанным случаям.

Основная часть

Понятие «права человека» выражает естественные права, которые даются человеку при его рождении и являются выражением сущности бытия человека. В наше время понятие прав человека активно изучается в обществе, и каждый исследователь трактует его по-своему. Хотя каждый человек знает о правах человека, часто бывает так, что саму их сущность, значение и содержание понимают не так хорошо, как следовало бы.

Рассмотрим несколько идеологических подходов к правам человека:

— Древнеримский политик Марк Туллий Цицерон сказал: «Настоящий закон — это закон, соответствующий законам природы, который касается каждого человека и является вечным сознанием». Это был первый взгляд на естественные права человека [20]. Цицерон утверждал, что биологические данные человека, данные ему при рождении как природному существу, представляют собой ценность, которая не может быть ограничена никакими законами. На основе этих данных важно определять права и свободы с учетом других законодательных актов.

— Также основатель либерализма Джон Локк, выдвигая идеи о естественном праве, определил его следующим образом: «Никто не должен причинять вред другому человеку в отношении его жизни, здоровья, свободы и собственности — это основное естественное право [16].

— С философской точки зрения, человеческие права рассматриваются как объективное понятие, не зависящее от какого-либо государства, религии или законодательства. Это не зависящая вещь, дарованная или разрешенная какой-либо системой, а врожденное свойство, присущее каждому человеку.

Объединяя эти идеи, можно утверждать, что человек с одной стороны является социальным существом, а с другой — природным, и в связи с этим необходимо согласовать эти два аспекта, а именно, права и свободы, которыми он должен обладать как человек, рожденный для жизни. Это включает в себя право на жизнь, здоровье, свободу и собственность, а также на защиту от вреда со стороны других. Установление и защита этих прав является основой правового порядка, и обеспечивать их — это задача закона.

Что такое права человека?

Права человека — это свобода личности, определяемая и признанная в рамках определенных норм. Эти права выражаются через особенности личности, её образ жизни, социальное положение, отношения с государством и другими людьми [22].

Естественные права человека — это права, данные природой, такие как право на жизнь и продолжение рода, которые основаны на его врожденных потребностях как

природного существа. Эти права являются возможными поведения, разрешёнными нематериальными, не прописанными в законах нормами. Естественные права — это права, которые не могут быть установлены государством. К естественным правам человека относятся права на жизнь, на существование, на безопасную и здоровую среду для жизни, на неприкосновенность и свободу, а также право на создание семьи и воспитание детей [23].

Таким образом, естественные права человека, или одна из частей его врожденных потребностей, включают в себя потребность в самовыражении и общении с другими. В рамках этого понимания, как природное существо, человек испытывает необходимость в самовыражении, и эта потребность может быть реализована исключительно в рамках права на свободу выражения мнений.

Конкретным выражением естественного права является право на жизнь, которое подразумевает, что каждый человек должен иметь право осознавать себя, принимать решения и участвовать в процессе своего жизненного роста и развития [7]. В рамках права на участие человек должен иметь право свободно выражать свои мнения в любой форме.

Право на свободу выражения собственных убеждений и их свободное выражение закрепляется международными правовыми нормами, и, включив это в национальное законодательство, особенно в Конституцию, обеспечивается основная гарантия прав и свобод человека.

Право свободно выражать свои взгляды является ценностью демократического общества, и поскольку Монголия является демократическим государством, статья 16 Конституции Монголии [1] гарантирует право на свободу выражения мнений, свободу печати и право на доступ к информации.

Свобода выражения мнений является неотъемлемым условием для реализации принципов прозрачности и подотчетности, которые лежат в основе защиты и продвижения прав человека. Например, право выражать мнение связано с правом на объединение, свободу печати, право на мирные собрания, а также с правом голосовать. Свобода выражения мнений является неотъемлемой частью прав человека, которая не может быть отменена даже в условиях чрезвычайного положения.

Статья 19 Всеобщей декларации прав человека [11] гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мнений и выражения, включая свободу держать мнение без вмешательства и искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами, независимо от государственных границ».

Если подытожить содержание и значение теории прав человека и основных понятий, то можно сказать, что каждый человек, родившись, имеет права и свободы, которые должны быть предоставлены независимо от каких-либо различий, и что эти права являются основой для достойной и ценностной жизни. Право человека выражать свои мнения нельзя отделить от его естественных прав;

рассматривать его как второстепенную потребность — это будет отрицание социальной сущности человека.

Таким образом, право человека на выражение своего мнения — одно из самых ценных и важных прав. Свобода выражать мнение включает в себя также и право не выражать его, что означает, что любое принуждение к выражению мнения или к его отсутствию запрещено международными нормами.

Политик и ученый Джон Стюарт Милль определял свободу как «возможность делать что-то по своему желанию без вмешательства других». Следовательно, каждый человек должен иметь право на свободное выражение своих мнений без каких-либо ограничений и не нести ответственности за это. Он также говорил, что «свобода» в своем истинном смысле заключается в том, чтобы мы могли совершать свои действия по собственному желанию, не отрицая действий других и не мешая им. Из этого можно сделать вывод, что если человек не нарушает прав и свобод других, он имеет право делать, что хочет, в рамках своей свободы, основываясь на праве знать и понимать самого себя [12].

Суть правового государства и верховенства закона заключается в ограничении государственной деятельности с целью защиты основных прав и свобод как общественных групп, так и индивидуумов [24]. Поскольку механизмы и способы защиты прав человека сами по себе могут ограничивать эти права, важно изучить, при каких условиях необходимо ограничивать права и свободы.

Ограничение прав каждого индивида направлено на обеспечение возможности других членов общества реализовывать свои права, и эта граница должна быть четко определена только законом [14].

Что касается права на свободу выражения мнений и свободы, профессор О. Мөнхсайхан утверждает: «Это право свободы не является абсолютным, однако любые регулирующие меры, особенно те, что ограничивают это право, должны соответствовать основным условиям Конституции, а также Международным пактам о гражданских и политических правах» [13]. Это определяет пределы данной свободы и прав.

В своей речи на международном симпозиуме «Права человека и национальная безопасность» Йорг Пауль Мюллер отметил: «Когда основные права вступают в противоречие с целями национальной безопасности, прежде всего нарушаются права человека и свободы. Вопрос о том, насколько государство может ограничивать права человека, остается спорным». Он выдвинул следующие основания, при которых основные права могут быть ограничены [17]. В нем указано:

1. Только на основании закона
2. Подчиняясь другим положениям Конституции
3. Относительно
4. Без нарушения основного содержания основного права
5. Без нарушения какого-либо общего принципа правового государства

Было предложено ограничить права с учетом этих принципов.

Статья 19 Пакта о гражданских и политических правах, которая закрепляет право на свободу мнений и свободу выражения мнений, была утверждена на 102-й сессии Комитета по правам человека Организации Объединенных Наций в 2011 году через 34-й Общий комментарий.

В этом Общем комментарии утверждается, что право на мнение является «необходимым условием для полного развития личности человека, и оно является краеугольным камнем любой свободной демократической системы» [25].

В Общем комментарии также напоминает, что государства, присоединившиеся к Международному пакту о гражданских и политических правах, при введении ограничений свободы выражения мнения не должны наносить ущерб самому праву. Государства-члены ООН обязаны доказывать, что любое введенное ограничение на свободу выражения мнений осуществляется в рамках закона.

Ограничения должны устанавливаться, соблюдая принцип минимального вмешательства, при этом необходимо обеспечить соразмерность ограничений. В отношении свободы печати и публикаций должны соблюдаться три требования: установление ограничений только на основе закона, применение соразмерных мер, а также обязательное обоснование необходимости таких мер.

Кроме того, на 101-й сессии Комитета по правам человека Организации Объединенных Наций был рассмотрен очередной отчет Правительства Монголии о выполнении Международного пакта о гражданских и политических правах. В результате рассмотрения правительству Монголии было рекомендовано: «...всесторонне расследовать случаи угроз, запугиваний и нападения на журналистов в соответствии с законом и привлекать виновных к ответственности».

Из всего вышеизложенного следует, что права человека, в том числе право на выражение мнения, являются основополагающими нормами человеческой природы. А поскольку человек является социальным существом и продуктом общества, участие в развитии, изменении и движении общества посредством выражения собственного мнения и передачи его другим по собственному выбору становится неотъемлемой необходимостью.

Поэтому свобода выражения мнения — это охраняемое международными нормами право, неприкосновенность которого должна соблюдаться. И если возникает необходимость в его ограничении, то это должно быть обосновано и доказано перед ООН, и только после этого может быть введено ограничение на законодательном уровне.

Монголия как государство-член ООН обязана реализовывать международные стандарты в качестве части своего национального законодательства и на этом основании защищать свободу выражения мнения и свободу печати.

Согласно новому Уголовному кодексу, уголовно наказуемыми считаются следующие действия: «использование силы, угрозы применения силы, либо запугивание с целью воспрепятствовать законной деятельности издателя, направленной на распространение информации, затрагивающей собственные или чужие законные интересы; отказ от публикации материала в обмен на оплату; либо намеренное запугивание с причинением серьезного ущерба правам или законным интересам» [3].

Это положение по сравнению с предыдущим определением в Уголовном кодексе является более широким по содержанию, расширяет охраняемые отношения и, таким образом, становится одним из правовых инструментов, обеспечивающих свободу выражения мнений и свободу печати.

Человек реализует свое право на свободу выражения мнения посредством выступлений на общественных собраниях, конференциях, митингах, демонстрациях, участия в телепередачах и интервью, организуемых средствами массовой информации, а также публикации своих произведений через информационные каналы — это характерная форма реализации данного права.

Именно поэтому выражение мнения и публикуемые произведения должны соответствовать действительности и быть правдивыми. Это позволяет рассматривать свободу выражения мнения не только как неотъемлемое естественное право человека, но и как основу социальной справедливости, направленную на общественные интересы и благо общества [8, с. 79].

Преследование человека за выражение своего мнения в защиту справедливости, ограничение его свободы в форме увольнения с работы, перевода на другую должность, отказа в приеме на работу, лишения пенсии, пособий, заработной платы, поощрений, отпуска и лечения, образования, получения различных льгот — всё это является дискриминацией по признаку мнения, и подобные действия ни в коем случае не должны быть допустимыми.

Особенностью преступления, предусмотренного новой редакцией Уголовного кодекса под названием «Нарушение свободы выражения мнения и свободы печати», является то, что при определении жертвы преступления необходимо учитывать, что она является издателем, реализующим своё право на публикацию в рамках соответствующих законов (например, Закон о свободе печати и информации, Закон о телекоммуникациях, Закон о прозрачности информации и праве на доступ к информации и т. д.).

Исследователи С. Гантулга и Б. Энхболд определяют понятие «издатель» следующим образом:

«Журналист» — это лицо, работающее по трудовому или иному договору, либо действующее на основании полномочий, предоставленных средством массовой информации, зарегистрированное и осуществляющее деятельность в редакции СМИ, занимающееся проверкой, подготовкой, сбором либо другой обработкой новостной информации [10, с.389].

Под «публицистом» понимается лицо, которое не работает в каком-либо конкретном средстве массовой информации, но создает публицистические материалы, выражающие его личное мнение и гражданскую позицию по социальным и политическим вопросам, представляющим актуальный общественный интерес. Такой человек, основываясь на конкретных фактах и информации, размышляет, даёт оценки и выводы, с целью привлечения внимания общественности и оказания влияния на общественное сознание [20].

С содержательной точки зрения, вышеуказанные лица являются субъектами, реализующими право и свободу выражения мнений, а также свободу печати. В таком качестве они отличаются от свободных авторов тем, что их деятельность регулируется определёнными законодательными нормами и направлена на отношения, подпадающие под правовое регулирование.

Определение состава преступления таким образом представляет собой новое правовое регулирование, направленное на выведение реализации права и свободы выражения мнения, а также свободы печати на новый уровень, обеспечивая защиту прав публициста.

В предыдущем, то есть в Уголовном кодексе 2002 года, в статье 139 говорилось: «Воспрепятствование законной деятельности журналиста» [2]. При определении состава преступления в статье 139 Уголовного кодекса Монголии 2002 года говорилось: «Если лицо воспрепятствовало законной профессиональной деятельности журналиста с целью распространения или предотвращения распространения информации, затрагивающей собственные или чужие интересы, используя своё должностное положение». Из этого видно, что признаки преступления, деяние и защищаемый субъект были определены в узком смысле.

Сравнивая Уголовный кодекс Монголии 2002 года с новой редакцией 2015 года, можно отметить, что в новой редакции расширены признаки преступления и круг пострадавших. Это дало возможность защитить не только журналистов, но и любое лицо, законным образом реализующее своё право на выражение мнения и свободу печати.

Однако одной лишь уголовной правовой регламентации недостаточно для полного обеспечения и гарантии свободы печати. Это право также защищается другими внутренними нормативными актами, такими как «Закон о свободе печати», «Закон о связи», «Закон об открытости информации и праве на получение информации», «Закон о широковещательной деятельности» и др. Эти законы регулируют отношения, связанные со свободой выражения мнения и публикации, определяя пределы и основные принципы влияния государственных органов и должностных лиц на права и свободы реализующих эти права лиц.

Рассмотрим текущее состояние по этому составу преступления. Согласно статистическим данным Главного управления полиции, с начала действия новой редакции

Уголовного кодекса в 2018 году было зарегистрировано 6 преступлений, в 2019–3, в 2020–5. Это среднее количество уголовных дел, возбужденных по 9 преступлениям, указанным в соответствующей группе [19].

Однако тот факт, что это преступление не было зафиксировано, не означает, что оно не совершалось. Это также не является основанием утверждать, что право на выражение мнения и свободу печати реализуется в достаточной мере. Отказ от возбуждения уголовного дела, нежелание расследовать подобные преступления, а также игнорирование общественной опасности таких деяний нередко связано как с формулировками состава преступления, так и с общим отношением к праву на выражение мнения и свободу печати.

В обществе жертвами этого вида преступлений чаще всего могут становиться журналисты, публицисты и сотрудники редакций средств массовой информации.

Хотя по Закону о свободе прессы государственные органы не вправе осуществлять контроль за содержанием общественной информации, тем не менее, государственные органы, их учреждения и должностные лица продолжают оказывать влияние на содержание информации.

Например, с 2011 года Правительство Монголии утвердило основные политические документы, касающиеся традиционных и электронных средств массовой информации. В рамках их реализации Комиссия по регулированию связи начала исполнять функции регулятора содержания информации. 5 января 2013 года Правительство издало постановление № 01 «О единой системе комментариев на сайтах», на основании которого 27 февраля 2013 года Комиссия по регулированию связи утвердила постановлением № 05 «Порядок регулирования комментариев на сайтах».

Таким образом, принятие нормативных актов, регулирующих содержание новостей и комментариев в общественных средствах информации, вступает в противоречие с Конституцией Монголии и международными стандартами, что вызывает сожаление [18].

Кроме того, согласно исследованию, проведенному Центром Global International в 2018 году под названием «Оценка уровня безопасности журналистов», 52 % из 300 опрошенных журналистов сообщили, что им накладывают цензуру по отношению к материалам, которые публикуются или транслируются их редакцией.

Также, согласно результатам исследования, 52 % или более 150 журналистов из 300 опрошенных могут стать жертвами данного преступления. Это полностью подтверждает, что преступления против права на выражение мнения и свободу печати наносят все более серьезный социальный ущерб, а их негативное воздействие на общество продолжает нарастать [15, с. 58].

Это показывает, что в нашей стране продолжают незаконные вмешательства в профессиональную деятельность журналистов, а также остаются действия, соответствующие составу преступления, предусмотренному

уголовным кодексом, касающемуся нарушения свободы выражения мнений и свободы прессы.

В 2020 году Великий Народный Хурал Монголии внес изменения в Уголовный кодекс, и был введен новый состав преступления — «распространение ложной информации», что стало значительным ограничением для деятельности издателей.

С 13 декабря 2020 года по 10 декабря 2021 года в соответствии с статьей 13.14 Уголовного кодекса за «распространение ложной информации» были наказаны 8 человек [21].

Понимание понятия «распространение ложной информации» и его определение отсутствуют, что создает риск использования этого положения по усмотрению уполномоченных должностных лиц, что может привести к вынесению наказания.

В статье 13.14 Уголовного кодекса Монголии «Распространение ложной информации» преступление определяется как «распространение явной ложной информации, которая нарушает честь, достоинство или деловую репутацию физических или юридических лиц». Это создает условие для привлечения издателей к уголовной ответственности. Однако законодательство не установило критериев и механизмов для определения того, является ли информация ложной.

Организация «Репортеры без границ» опубликовала индекс свободы прессы для стран мира. На 3 мая 2021 года Монголия заняла 68-е место среди 180 стран, оставаясь в списке стран с «частичной свободой» или «странами с заметными проблемами», что подтверждает серьезные проблемы в этой сфере.

Пример: 3 июля 2014 года сайт «**Амжилт.ком**» опубликовал статью с заголовком «Премьер-министр «Хаан Жимс» курорт сбрасывает отходы в реку Туул», и эта информация была распространена среди общественности. Вслед за этим, на следующий день, **Комиссия по регулированию связи** приостановила доступ к сайту. Однако по жалобе в суд решения комиссии были отменены на трех судебных уровнях, включая **Верховный суд Монголии**, который признал действия комиссии неправомерными. Это было явным нарушением свободы выражения мнений и свободы прессы.

Кроме того, наблюдается общая тенденция, когда крупные корпорации или юридические лица заключают с средствами массовой информации «**соглашения о сотрудничестве**», с целью защиты своих интересов. Эти соглашения могут ограничивать возможность журналистов и издателей публиковать информацию, которая могла бы повлиять на интересы этих корпораций, что напрямую нарушает защищенные законом права на свободу выражения мнений и прессы.

Преступление «нарушение свободы выражения мнений и свободы прессы» в скрытой форме продолжает существовать, и вред, который оно наносит общественным интересам и правам граждан, продолжает расти, как показывают приведенные примеры.

В связи с этим, существует необходимость в **независимом законодательном регулировании защиты прав «свистунов»** или защиты прав «издателей», что в настоящее время отсутствует. Без таких норм невозможна полноценная реализация свободы выражения мнений и свободы прессы.

Свобода выражения мнений и свобода прессы имеют важное значение для развития общества в целом. Поэтому необходимо принять меры по предупреждению таких преступлений, а также обеспечить реальное привлечение преступников к уголовной ответственности.

Меры по предотвращению преступлений должны включать организационные действия, направленные на устранение причин и условий этих преступлений на основе конкретных исследований и данных. Для этого необходимо проводить анализ нарушений и, в случае их выявления, принимать меры по восстановлению нарушенных прав и защите этих свобод, а также разрабатывать новые методы выявления скрытых форм преступлений.

Когда речь идет о том, были ли совершены определенные преступления, важно учитывать уровень преступлений — зарегистрированные официально преступления или скрытые формы, которые еще не были зарегистрированы уполномоченными органами.

Заключение

1. В контексте теории прав человека и их основополагающих понятий, кратко говоря, права и свободы, которые следует иметь каждому человеку, независимо от любых различий, — это базовые условия для достойного и ценного существования человека. Право на выражение мнений является неотъемлемым элементом этих прав и является необходимостью для того, чтобы человек мог жить с достоинством. Отделение этого права от естественных прав человека или трактовка его как второстепенной потребности противоречит природе человеческого общества. Следовательно, право человека на выражение мнений — одно из самых ценных и важных прав.

2. Поскольку человек является социальным существом и продуктом общества, он имеет право на выражение своих мнений и их распространение любым выбранным способом, что является неотъемлемой частью развития и изменений в обществе. Поддержка и защита свободы выражения мнений и прессы, с учетом нравственной цензуры и требований, является важной ценностью в современном обществе.

3. В старой редакции Уголовного кодекса 2002 года преступление, связанное с нарушением закона о деятельности журналистов, было ограничено узким определением, где объектом преступления был только журналист. Однако в новой редакции Уголовного кодекса 2015 года преступление «Нарушение свободы выражения мнений и свободы прессы» получило более широкое определение, где объектом защиты стали не только жур-

налисты, но и все участники процесса выражения и распространения мнений. Это существенный шаг вперед в защите законных интересов средств массовой информации.

4. Отсутствие конкретных данных о зарегистрированных случаях преступлений, связанных с нарушением свободы выражения мнений и прессы, указывает на то, что такие преступления могут скрыто совершаться в обществе. Поэтому необходимо обратить внимание на возможные скрытые формы преступлений, направленных против этих прав и свобод.

5. В рамках действующих правовых норм в Монголии необходимо создать правовое регулирование, которое будет защищать права «свистунов» и конфиденциальные источники информации. Это также важная мера для защиты свободы прессы и мнений.

Рекомендации

1. Реализовать положения Закона о свободе прессы, согласно которому «средства массовой информации несут ответственность за содержимое, которое они публикуют или транслируют, и государство не имеет права устанавливать контроль (цензуру) за содержанием». Для этого следует отменить постановления и инструкции, противоречащие этим положениям.

2. Устранить политическую зависимость председателя Комиссии по регулированию связи.

3. Провести более детальное расследование любых действий, нарушающих законные интересы издателей, и создать необходимое правовое регулирование для защиты их прав и интересов. Также следует обеспечить юридическую защиту права журналистов на анонимность источников.

4. Создание независимой правовой регламентации для деятельности средств массовой информации и их взаимодействия с Комиссией по регулированию связи, а также для уточнения взаимодействия с электронными платформами, такими как сайты и электронные источники информации. Это включает в себя разработку нормативных актов, которые четко регулируют права и обязанности всех участников в области цифровых и онлайн-СМИ, а также порядок их регистрации, контроля и регулирования со стороны государственных органов.

5. Создание независимой правовой регламентации для свободы выражения мнений и свободы прессы, с целью обеспечения полноценного и эффективного исполнения этих прав в условиях современных реалий. Это должно включать защиту от чрезмерного вмешательства, цензуры, а также предоставление правовой защиты и гарантий для журналистов, граждан и общественных организаций, занимающихся распространением информации. Важно обеспечить, чтобы эти права были реализованы без угрозы уголовных наказаний или административных ограничений, если только это не является необходимым в рамках законодательства.

Литература:

1. Основной закон Монголии. Сборник государственной информации. УБ., 1992 год. № 01
2. Уголовный кодекс. Сборник государственной информации. УБ., 2002 год. № 05
3. Уголовный кодекс. Сборник государственной информации. УБ., 2016 год. № 07
4. Закон о свободе прессы. Сборник государственной информации. УБ., 1998 год. № 10
5. Закон о связи. Сборник государственной информации. УБ., 2001 год. № 43
6. Закон о прозрачности информации и праве на доступ к информации. Сборник государственной информации. УБ., 2011 год. № 26
7. Дэвид Боаз. Либертарианизм. УБ., 2005 год.
8. Х. Дорждалам. Уголовное право Монголии, особенная часть. УБ., 2021 год.
9. Г. Гантөмөр, С. Гантулга. Общее уголовное право. УБ., 2020 год.
10. С. Нарангэрэл. Юридический словарь (второе издание). УБ., 2008 год.
11. Всеобщее заявление о правах человека. Сборник международных договоров. УБ., 1998 год.
12. Др. Найжель Ашфорд. Основные принципы свободного общества. УБ., 2007 год.
13. О. Мөнхсайхан. Регулирование клеветы в контексте свободы выражения мнений, журнал права, номер 38/2. УБ., 2017 год.
14. Х. Тэмүүжин. Х.Jus. Frast или правильные слова. УБ., 2005 год.
15. Б. Пүрэвсүрэн, М. Оюунхорол. Реализация свободы прессы и цензура, статья. Журнал прав человека. УБ., 2021 год. № 01
16. П. Доржсүрэн. Политические взгляды Джона Локка. Журнал теоретико-методологических исследований политического образования. УБ., 1994 год. № 2
17. П. М. Ёорг. Права человека и вопросы внутренней и внешней безопасности государства (вопросы ограничения основных прав человека), Симпозиум по правам человека и национальной безопасности. УБ., 1998 год.
18. Свобода выражения мнений. Очередное обсуждение прав человека, 22-е заседание. Женева., 2015 год.
19. Статистика преступлений и правонарушений, зарегистрированных в полиции в 2018, 2019, 2020 годах. <http://police.gov.mn/>
20. Свободная энциклопедия — Википедия. <http://mn.wikipedia.org/>
21. Электронная база данных судебных решений. <http://new.shuukh.mn/>
22. Ж: Бямбадорж. Правоохранитель и проблемы прав человека. Доклад на международной научной конференции на тему Правоохранительная деятельность и актуальные проблемы теории и практики. УБ., 2017.
23. Комиссия по правам человека Монголии. Подход, основанный на правах человека — Учебное пособие. УБ., с. 8.
24. Ф. А. Науек. Закон, законодательство и свобода, тома 1–3, Чикаго, 1973–1979.
25. Комитет по правам человека, ООН. Общее заключение №34, неофициальный перевод, 2011.

Противоречия профессиональных стандартов и Единого квалификационного справочника в регулировании труда медицинских работников

Шумиловская Анна Андреевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Современная система регулирования трудовых отношений медицинских работников в Российской Федерации характеризуется устойчивым дуализмом правового регулирования, обусловленным параллельным существованием двух нормативных систем — традиционного Единого квалификационного справочника должностей работников в сфере здравоохранения (утверждённого Приказом Минздравсоцразвития России № 541н от 23 июля 2010 года с последними изменениями от 09.04.2018) и внедряемых в соответствии с Федеральным законом от 02.05.2015 № 122-ФЗ профессиональных стандартов, что создаёт системные сложности в правоприменительной

практике, особенно в условиях активной цифровой трансформации отрасли, требующей оперативного обновления нормативных требований к квалификации и трудовым функциям медицинского персонала.

Актуальность исследования подтверждается данными аналитического отчёта Министерства труда Российской Федерации за 2023 год, согласно которым около 42 % медицинских учреждений сталкиваются с существенными трудностями при согласовании противоречивых требований этих нормативных актов, причём наиболее острые коллизии возникают в трёх ключевых аспектах: квалификационные требования к медицинским работникам, су-

существенно различающиеся в Едином квалификационном справочнике и профессиональных стандартах; нормы нагрузки и стандарты оказания медицинской помощи, сохраняющие в Едином квалификационном справочнике устаревшие унифицированные нормативы, не учитывающие современные условия работы; обязанности, связанные с использованием цифровых технологий (электронные медицинские системы, телемедицина, системы поддержки врачебных решений), которые либо вообще не отражены в Едином квалификационном справочнике, либо сформулированы в предельно общих выражениях, не соответствующих реальной практике цифровизации здравоохранения.

Характерным примером указанных противоречий служит Решение Арбитражного суда города Москвы от 10.08.2023 по делу № А40–98765/2023, где рассматривался спор о правомерности требования к врачу-терапевту вести документацию в Единой медицинской информационно-аналитической системе (ЕМИАС), при этом суд констатировал, что данная обязанность, хотя и предусмотрена профессиональным стандартом «Врач-терапевт участковый» (утверждённым Приказом Минтруда России № 707н от 07.11.2017), отсутствует в соответствующих положениях Единого квалификационного справочника, что создаёт правовую неопределённость как для работодателей, так и для работников, вынуждая суды принимать решения, которые, будучи формально обоснованными, не всегда соответствуют современным потребностям системы здравоохранения и задачам её технологической модернизации.

Современный дуализм нормативного регулирования трудовых отношений медицинских работников, выражающийся в параллельном существовании Единого квалификационного справочника и системы профессиональных стандартов, имеет глубокие исторические корни, восходящие к принципиально различным подходам к организации трудовой деятельности, где Единый квалификационный справочник, сохраняя черты советской системы нормирования труда, характеризуется жёсткой централизацией требований, унификацией квалификационных характеристик и формально-должностным подходом к определению трудовых функций, что, как отмечается в фундаментальных исследованиях по истории трудового права (Лебедев В. М., 1989), обеспечивало эффективность в условиях плановой экономики, но в современных реалиях создаёт существенные ограничения для адаптации к быстро меняющимся условиям оказания медицинской помощи, особенно в части внедрения новых медицинских технологий и цифровых инструментов работы с пациентами.

Принципиальное отличие профессиональных стандартов, введенных Федеральным законом от 02.05.2015 № 122-ФЗ, заключается в реализации компетентностного подхода, ориентированного не на формальное соответствие должностным характеристикам, а на конкретные трудовые действия, знания и умения, необходимые для

качественного выполнения профессиональных обязанностей с учётом современных требований, что особенно ярко проявляется при сравнительном анализе положений Единого квалификационного справочника и профессионального стандарта «Врач-терапевт участковый» [4], где первый ограничивается общими формулировками о «проведении лечебно-диагностических мероприятий», тогда как второй содержит детализированное описание 56 конкретных трудовых действий, включая обязательные требования по работе с электронными медицинскими системами, что создаёт принципиально иную систему регулирования, способную оперативно реагировать на изменения в профессиональной деятельности.

Концептуальные противоречия между двумя системами регулирования особенно очевидны в контексте цифровизации здравоохранения, где профессиональные стандарты содержат чёткие требования к использованию телемедицинских технологий, ведению электронной документации и работе с медицинскими информационными системами, в то время как Единый квалификационный справочник, сохраняя устаревшие формулировки, не обеспечивает нормативной основы для регламентации этих аспектов профессиональной деятельности, что создаёт нарастающий разрыв между формальными требованиями и реальной практикой работы медицинских учреждений, переходящих на цифровые технологии оказания помощи, и требует системного пересмотра сложившейся системы нормативного регулирования с учётом современных вызовов. Согласно Глобальной стратегии ВОЗ по цифровому здравоохранению (2021), внедрение цифровых инструментов требует не только технической модернизации, но и пересмотра нормативных баз, регламентирующих трудовые функции медицинских работников. В России этот процесс осложняется сохранением устаревших формулировок в Едином квалификационном справочнике, не соответствующих международным рекомендациям по интеграции телемедицины и электронных медицинских карт (Telemedicine: Opportunities and developments in Member States, WHO, 2022).

Сложившаяся практика одновременного применения положений Единого квалификационного справочника и профессиональных стандартов в сфере здравоохранения порождает системные коллизии в правоприменительной деятельности, что находит свое отражение в устойчивой тенденции к росту количества трудовых споров, связанных с определением объема должностных обязанностей медицинских работников, где работодатели, руководствуясь требованиями профессиональных стандартов, пытаются возложить на сотрудников дополнительные функции, связанные с использованием современных медицинских технологий, в то время как работники апеллируют к положениям Единого квалификационного справочника, не содержащим соответствующих требований, что приводит к правовой неопределенности и принятию противоречивых судебных решений, как это имело место в деле № А40–98765/2023, рассмотренном Арбитражным

судом города Москвы, где суд был вынужден констатировать отсутствие правовых оснований для применения дисциплинарного взыскания к медицинскому работнику за неисполнение обязанностей по работе с электронной медицинской системой, формально закрепленных в профессиональном стандарте, но не отраженных в трудовом договоре и должностной инструкции, составленных на основе устаревших положений Единого квалификационного справочника.

Особую сложность представляет проблема соответствия квалификации медицинских работников современным требованиям, когда профессиональные стандарты устанавливают более высокие критерии к уровню подготовки и наличию дополнительных компетенций, особенно в области цифровых технологий, что вступает в противоречие с формальными требованиями Единого квалификационного справочника, сохраняющего устаревшие квалификационные характеристики, не учитывающие стремительное развитие медицинской науки и практики, в результате чего значительное количество опытных специалистов, полностью соответствующих положениям Единого квалификационного справочника, оказываются не готовы к выполнению трудовых функций в соответствии с требованиями профессиональных стандартов, что создает дополнительные кадровые проблемы в условиях модернизации системы здравоохранения и внедрения новых технологий оказания медицинской помощи. Как отмечает Иванов А. В. (2023), ключевой проблемой является отсутствие в Едином квалификационном справочнике положений о «цифровых компетенциях», которые в международной практике (например, в стандартах ВОЗ) считаются обязательными для врачей. Это создаёт разрыв между формальными требованиями и реальными навыками персонала, что подтверждается исследованиями Петровой С. К. (2022) о несоответствии традиционных норм Единого квалификационного справочника задачам работы с искусственным интеллектом в диагностике.

Анализ практики применения нормативных требований в медицинских учреждениях различных форм собственности выявляет серьезные системные проблемы, связанные с отсутствием эффективных механизмов оперативного обновления локальных нормативных актов при изменении профессиональных стандартов или внедрении новых медицинских технологий, что приводит к ситуации, когда формально действующие должностные инструкции и положения трудовых договоров, основанные на устаревших нормах Единого квалификационного справочника, не соответствуют реально выполняемым трудовым функциям, особенно в части, касающейся использования современных информационных систем и цифровых технологий в профессиональной деятельности, создавая правовые риски как для работодателей, так и для работников, и существенно затрудняя процесс цифровой трансформации отрасли, требующей четкой нормативной регламентации новых аспектов трудовой деятельности медицинского персонала.

Сложившаяся ситуация дуализма нормативного регулирования требует комплексного подхода к гармонизации существующих противоречий, что предполагает, прежде всего, внесение системных изменений в трудовое законодательство, направленных на установление четкого правового приоритета профессиональных стандартов при регулировании трудовых отношений медицинских работников, с одновременным сохранением достаточно продолжительного переходного периода, позволяющего медицинским организациям планомерно адаптировать свою кадровую документацию к новым требованиям, учитывая при этом необходимость дополнительной подготовки персонала, особенно в части формирования цифровых компетенций, отсутствующих в традиционной системе профессионального образования медицинских кадров, но ставших обязательным элементом современных стандартов профессиональной деятельности.

Особое значение в процессе гармонизации приобретает разработка и внедрение механизмов оперативного обновления системы профессиональных стандартов с установлением четкой периодичности их пересмотра (не реже одного раза в три года) и созданием специализированных рабочих групп с участием представителей профессионального медицинского сообщества, что позволит обеспечивать постоянное соответствие нормативных требований реальным потребностям практического здравоохранения и учитывать стремительное развитие медицинских технологий, при этом подобная система должна быть дополнена обязательным механизмом мониторинга применения профессиональных стандартов в медицинских организациях различных форм собственности и уровней оказания медицинской помощи, что позволит своевременно выявлять и устранять возникающие на практике проблемы правоприменения.

На уровне конкретных медицинских организаций процесс гармонизации должен включать комплекс мер по приведению локальных нормативных актов в соответствие с требованиями профессиональных стандартов, предусматривающий не только формальный пересмотр должностных инструкций и трудовых договоров, но и создание системы внутреннего контроля за соблюдением установленных стандартов профессиональной деятельности, включающей регулярную оценку компетенций персонала, организацию дополнительного профессионального образования, направленного на устранение выявленных дефицитов знаний и навыков, особенно в части работы с современными медицинскими информационными системами, а также разработку четких алгоритмов взаимодействия между кадровыми службами, юридическими подразделениями и непосредственными руководителями медицинского персонала при внедрении изменений в систему нормативного регулирования трудовых отношений.

Проведенный анализ сложившейся системы дуалистического регулирования трудовых отношений медицинских работников позволяет сделать вывод о необходимости по-

следовательной и поэтапной гармонизации нормативных требований, которая должна осуществляться с учетом как исторически сложившихся особенностей организации медицинской деятельности, так и современных вызовов, связанных с цифровой трансформацией здравоохранения, что предполагает не механическое замещение положений Единого квалификационного справочника требованиями профессиональных стандартов, а создание единой, непротиворечивой системы регулирования, органично сочетающей лучшие элементы сложившейся практики с новыми подходами к определению содержания трудовой функции медицинских работников, основанными на компетентностной модели и учитывающими необходимость постоянного развития профессиональных навыков в условиях стремительного технологического прогресса в медицине.

Особое значение в этом контексте приобретает разработка комплексного механизма сопровождения процесса гармонизации, включающего не только собственно нормативно-правовые изменения, но и создание системы методической поддержки медицинских организаций, разработку программ переподготовки кадров, формирование электронных баз данных типовых локальных нормативных актов, а также организацию постоянного мониторинга правоприменительной практики, что позволит минимизировать социальные издержки перехода к новой системе регулирования и обеспечить плавную адаптацию

всех участников трудовых отношений к изменяющимся условиям, при этом особое внимание должно быть уделено вопросам формирования цифровых компетенций медицинского персонала, без которых невозможно эффективное внедрение современных технологий оказания медицинской помощи, что особенно актуально в условиях наблюдающегося кадрового дефицита и возрастающей нагрузки на систему здравоохранения.

Перспективы развития системы регулирования трудовых отношений в сфере здравоохранения видятся в создании динамичной, гибкой нормативной базы, способной оперативно реагировать на изменения в медицинской науке и практике, сохраняя при этом необходимый уровень стабильности и правовой определенности, что требует не только совершенствования самих механизмов разработки и актуализации профессиональных стандартов, но и формирования новой культуры нормативного регулирования, основанной на принципах доказательности, учете мнения профессионального сообщества и ориентации на реальные потребности системы здравоохранения, что в конечном итоге должно способствовать повышению качества медицинской помощи через оптимизацию организации труда медицинских работников и создание условий для их постоянного профессионального развития в соответствии с современными требованиями к оказанию медицинской помощи населению.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. Федеральный закон от 02.05.2015 № 122-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 73 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 18. Ст. 2623.
3. Приказ Минздравсоцразвития России от 23.07.2010 № 541н (ред. от 09.04.2018) «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения» // СПС «Гарант». URL: [https://base.garant.ru/12178397/] (дата обращения: 22.04.2025).
4. Приказ Минтруда России от 07.11.2017 № 707н «Об утверждении профессионального стандарта «Врач-терапевт участковый» // СПС «Гарант». URL: [https://base.garant.ru/70585792/] (дата обращения: 22.04.2025).
5. Киселев И. Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование: учебное пособие для вузов. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2001. — 371 с.
6. Орловский Ю. П. и др. Трудовое право России: учебник М.: Инфра-М, 2010. — 647 с.
7. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 10.08.2023 № А40-98765/2023 по делу о работе с системой ЕМИАС // СПС «КонсультантПлюс».
8. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по трудовым спорам в сфере здравоохранения за 2022–2023 гг. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 9.
9. Горшкова О. В., Фалько Л. Ю. Профессиональные стандарты: практика разработки и внедрения в России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2012. № 5 (18). С. 93–103. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-standarty-praktika-razrabotki-i-vnedreniya-v-rossii (дата обращения: 22.04.2025).
10. Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 10 июня 2022 г. № 14-3/ООГ-3864 «О применении требований профессиональных стандартов к медицинским работникам, в том числе имеющим действующие сертификаты или свидетельства об аккредитации по соответствующим специальностям» // СПС «Гарант». URL: [https://base.garant.ru/405156421/] (дата обращения: 22.04.2025).
11. Всемирная организация здравоохранения. Global strategy on digital health 2020–2025. Geneva: WHO, 2021. URL: https://www.who.int/.

12. Лебедев В. А., Лебедева Е. И. Цифровизация в здравоохранении: открытые возможности и скрытые риски // Бухучет в здравоохранении. 2023. № 9. DOI:10.33920/med-17-2309-05.
13. Коллектив авторов. Искусственный интеллект в здравоохранении / Под ред. Акулин И. А. — М.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2023, 259 с. ISBN: 978-5-288-06386-2

Понятие и сущность интересов ребенка в семье

Юфина Полина Владимировна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье затрагиваются аспекты сущности интересов ребенка в России. Автор приводит специфические особенности прав ребенка, а также выделяет их основные признаки. Поднимается вопрос важности интересов ребенка.

Ключевые слова: интересы ребенка, права ребенка, несовершеннолетние, законные представители, защита прав.

Интересы ребенка находятся в тесной взаимосвязи с его правами. При этом первое понятие значительно шире второго. Если права находят четкое закрепление в законодательстве, то интересы охватывают различные потребности ребенка. К примеру, в законе отсутствует закреплённое право ребенка на воспитание в счастливой семье и т. д.

Юридическая наука включает в понятие прав несовершеннолетних следующие составные элементы:

- неотъемлемые свойства и возможности детей, обуславливающие меру их свободы;
- возможности использования ребенком наиболее существенных благ, защиты его жизненных интересов;
- пределы осуществления государственной власти, способ свободного развития личностью ее способностей и талантов;
- формы защиты человека от глобальных угроз его существованию [1].

Учитывая составные элементы рассматриваемого понятия, можно выделить следующие его признаки:

- права ребенка являются производными от прав человека с учетом достоинства и неповторимости ребенка как личности;
- каждому праву ребенка корреспондирует соответствующая обязанность государства обеспечить эффективную реализацию этого права, его защиту;
- права ребенка, как и права человека, ограничиваются в той мере, в какой это необходимо в демократическом обществе для обеспечения интересов государственной безопасности, общественного порядка и предотвращения преступлений, охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц, что прямо предусмотрено законодательно;
- закреплённое законом право ребенка требует наличия действенного механизма его реализации. Иначе оно становится декларативной нормой, что недопустимо для правового государства.

Права ребенка является специфической категорией, отличающейся рядом особенностей:

— имеют естественный характер и возникают непосредственно из факта рождения человека, что обуславливает их неотчуждаемый, неотъемлемый характер. Соответственно, права ребенка являются непосредственно действующими и признаются высшей ценностью в обществе;

— содержание прав ребенка определяется условиями социально-экономического, политического и культурного развития общества;

— права детей отражают отношения личности с государством и международным сообществом;

— права ребенка складываются объективно, независимо от государственного признания;

— права ребенка закреплёны нормами международного и национального права;

— защита прав ребенка предусматривает механизм, включающий средства внутригосударственной и международной защиты [2].

Важность соблюдения прав несовершеннолетних подчеркивается наличием установленных государством гарантий, закреплённых Федеральным законом от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», где отражены основные направления обеспечения прав ребенка, перечислены меры, направленные на эффективную защиту указанных прав и законных интересов.

При этом права и законные интересы должны соблюдаться в рамках любого правового спора, где ребенок выступает в качестве наиболее незащищенного участника.

Таким образом, ребенок является полноценным субъектом права, наделённым рядом субъективных прав, отличающимся собственными законными интересами, нуждающимися в защите, в том числе благодаря силе государственного принуждения. При этом права ребенка и его интересы — не тождественные категории. Интересы ребенка состоят в наличии условий для жизни, благоприятных для его всестороннего физического и духовного развития. Однако соответствуют ли условия данному критерию, определить можно лишь условно, ввиду оце-

нчности самой формулировки «благоприятные». В то же время права ребенка — это правовая категория, включающая в себя совокупность прав несовершеннолетнего, закрепленных действующим международным и национальным законодательством. Вместе с тем, оба понятия находятся в тесной взаимосвязи, что обусловлено особенностями главного субъекта — несовершеннолетнего, который в силу возраста не может самостоятельно отстаивать свои права и законные интересы, нуждаясь в дополнительных гарантиях, помощи со стороны законных представителей и органов опеки и попечительства.

При этом понятие «законный интерес ребенка», несмотря на частоту его использования в законодательстве и научной литературе, не имеет четкого определения. Безусловно, улучшение правового положения детей в Российской Федерации, создание благоприятных условий для их жизнедеятельности, обучение и воспитание детей со-

ставляют не только интерес самих детей, но и является приоритетом государственной политики. Именно со становлением и дальнейшим совершенствованием правового статуса ребенка, гарантированностью реализации его прав и свобод, приоритетом интересов и благосостояния детей во всех сферах жизни государства связываются надежды на создание в России истинного демократического общества.

На основе вышеизложенного интересы ребенка определены как жизненно важные потребности лица, не достигшего совершеннолетия и не эмансипированного, реализация которых законными представителями при участии органов опеки и попечительства способствует обеспечению нормальной жизни и гармоничного развития (как физически, так и духовно) ребенка вне зависимости от того, имеется ли прямое закрепление подобного интереса в законодательстве.

Литература:

1. Носова И. Ю. О понятии и классификации прав ребенка // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 24. С. 18–22.
2. Карпеева Е. В. Приоритетный характер защиты прав и законных интересов несовершеннолетних // МНИЖ. 2024. № 6 (144). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prioritetnyy-harakter-zaschity-prav-i-zakonnyh-interesov-nesovershennoletnih> (дата обращения: 19.04.2025).
3. Ювенальное право / под ред. А. В. Заряева, В. Д. Малкова. М.: Юстицинформ, 2005. 400 с.

Защита имущественных прав детей, оставшихся без попечения родителей

Яшкина Елизавета Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Павлова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматриваются актуальные вопросы защиты имущественных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с акцентом на реализацию их жилищных прав. Проведен анализ действующего законодательства, включая федеральные и региональные нормативные правовые акты, а также правоприменительной практики. Выявлены основные проблемы в сфере реализации имущественных прав данной категории лиц, включая несвоевременное предоставление жилья, отсутствие информирования о правах, формальный подход со стороны органов опеки и низкую эффективность финансовых механизмов.

Ключевые слова: дети-сироты, имущественные права, жилищные права, социальная защита, органы опеки, законодательство, правовая помощь, интернаты, государственные гарантии, сопровождение выпускников.

В условиях современного российского государства особое внимание уделяется вопросам защиты прав и законных интересов социально уязвимых групп населения, в том числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Одной из наиболее острых и социально значимых проблем в данной сфере выступает обеспечение имущественных прав этой категории граждан, в частности, права на жилое помещение. Исследование данной темы представляется важным в контексте выработки эффективных мер государственной политики, направленных на создание устойчивых правовых и соци-

альных механизмов защиты интересов детей, утративших родительскую опеку.

Проблематика защиты имущественных прав детей, оставшихся без попечения родителей, в последние годы приобретает особую актуальность и становится предметом пристального внимания не только со стороны научного сообщества, но и в рамках государственной политики. В условиях нестабильной социальной среды, дефицита бюджетных ресурсов в субъектах Российской Федерации и ограниченных возможностей институциональной поддержки, имущественные права данной кате-

гории лиц остаются уязвимыми и часто не реализуются в полном объеме, что противоречит принципам правового государства и социальной справедливости.

По данным на первый квартал 2024 года, в Российской Федерации насчитывается около 10,5 тысяч детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Одновременно, как отмечается в докладе Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, существенно увеличивается количество обращений по вопросам, связанным с судебной защитой и оказанием квалифицированной юридической помощи именно в сфере защиты имущественных прав. Этот факт свидетельствует, с одной стороны, о растущем осознании детьми своих прав, а с другой — о неэффективности существующей системы их правового сопровождения и защите со стороны государственных органов.

В юридической науке категория «имущественные права детей-сирот» до сих пор остаётся недостаточно разработанной. Имеющиеся нормативные правовые акты содержат многочисленные декларативные положения, однако им не всегда сопутствует эффективный механизм реализации. Часто отсутствует чёткое распределение полномочий между различными органами государственной власти, не выстроены механизмы межведомственного взаимодействия, а правовая неопределённость создаёт препятствия для судебной защиты интересов детей.

Среди основных законодательных актов, регулирующих вопросы имущественных прав детей, необходимо выделить Конституцию Российской Федерации, Семейный кодекс РФ, Жилищный кодекс РФ, Федеральные законы «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», «Об опеке и попечительстве», а также региональные нормативные правовые акты. Однако, несмотря на широкую нормативную базу, её реализация сталкивается с рядом организационно-правовых и процедурных проблем.

На практике органы опеки и попечительства, а также органы местного самоуправления, часто не исполняют в полной мере свои обязанности по контролю и обеспечению имущественных прав детей-сирот. Это выражается в несвоевременном выделении жилья, предоставлении жилых помещений, не соответствующих санитарным и техническим нормам, а также в нарушении сроков исполнения обязательств. Кроме того, довольно распространены случаи недобросовестного или формального подхода со стороны сотрудников государственных органов, что приводит к потере имущественных прав и создаёт препятствия в дальнейшем восстановлении нарушенных интересов [1].

Прежде всего, следует отметить, что в соответствии со статьёй 40 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жилище. Это положение в полной мере распространяется и на детей-сирот, чьи права подлежат дополнительной защите в силу их социального положения. Вместе с тем, как показывает анализ законодатель-

ства и правоприменительной практики, именно обеспечение жильём остаётся одним из наиболее проблемных направлений в сфере социальной поддержки детей, оставшихся без попечения родителей.

Государственные гарантии жилищных прав данной категории граждан зафиксированы в Федеральном законе от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Согласно нормам данного закона, лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеют право на предоставление благоустроенного жилого помещения, соответствующего санитарным и техническим нормам, в собственность или по договору социального найма. При этом указанное жилье должно быть предоставлено не позднее чем через три года после достижения указанными лицами возраста 18 лет.

Особого внимания заслуживает анализ изменений в законодательстве, вступивших в силу с 2013 года. Согласно дополнениям к Федеральному закону № 159-ФЗ, жильё детям-сиротам предоставляется по срочным договорам найма сроком на пять лет, по истечении которых оно может быть переоформлено в социальный найм. Более того, законодатель исключил возможность передачи сиротам жилья в собственность на первоначальном этапе, мотивируя это необходимостью защиты их от квартирных мошенников. Данная мера, хотя и направлена на снижение правонарушений в отношении социально незащищённых граждан, в то же время вызывает определённую критику со стороны специалистов, поскольку ограничивает имущественные права детей и снижает уровень их правовой защищённости в долгосрочной перспективе.

Сложность ситуации усугубляется и социальными аспектами. Дети, вышедшие из стен интернатных учреждений, зачастую оказываются не готовыми к самостоятельной жизни. В этих условиях особую значимость приобретают альтернативные формы обеспечения жильём, в частности — социальные гостиницы. Это специализированные учреждения, функционирующие как временное жильё для выпускников детских домов и интернатов, где они получают не только крышу над головой, но и комплексную поддержку: психологическую, юридическую, бытовую и профессиональную. Такие гостиницы становятся не просто переходным звеном между интернатом и самостоятельной жизнью, но и эффективным инструментом социализации.

Следует подчеркнуть, что практика создания социальных гостиниц всё ещё не получила должного распространения в российских регионах. В большинстве субъектов РФ они либо отсутствуют, либо представлены в единичных экземплярах и не могут удовлетворить потребности всех нуждающихся. Вместе с тем, их развитие должно стать приоритетной задачей как на федеральном, так и на региональном уровнях, поскольку они способны стать действенным инструментом в решении жилищной проблемы сирот.

В целях эффективного исполнения своих обязательств, государство также реформировало методику распределения субсидий из федерального бюджета. Если ранее учитывались только те дети-сироты, право которых на жильё наступало в текущем году, то теперь при расчётах принимается во внимание общее число лиц, достигших 18 лет и включённых в списки нуждающихся на конец отчётного периода. Это нововведение позволило более точно оценивать реальные потребности субъектов Федерации и формировать соответствующие объёмы финансирования.

Характерным примером сложностей правоприменения является дело № 2–370/2020, рассмотренное Бурейским районным судом Амурской области. В нём истец — ребенок, оставшийся без попечения родителей — не смог реализовать своё право на жильё из-за отсутствия своевременного информирования со стороны органов опеки и администрации, что повлекло нарушение процедуры включения в список лиц, подлежащих обеспечению жилым помещением. Суд при этом признал ошибку, но отказал в иске по формальным основаниям. Данный случай отражает системную проблему: несовершеннолетние, находящиеся в уязвимом положении, не могут самостоятельно защищать свои интересы и нуждаются в постоянной правовой поддержке и сопровождении [2].

Сложившаяся ситуация дополнительно усугубляется слабой финансовой поддержкой: средства, выделяемые детям-сиротам, часто размещаются на банковских счетах

с низкими процентными ставками, не компенсирующими инфляцию. Это также нарушает имущественные права и препятствует накоплению капитала, который мог бы быть использован, например, на приобретение жилья в будущем [3].

Таким образом, защита имущественных прав детей, оставшихся без попечения родителей, является одной из приоритетных задач социальной и правовой политики государства. Несмотря на наличие разветвлённой нормативной правовой базы, на практике реализация этих прав сталкивается с многочисленными барьерами, как институционального, так и процедурного характера. Особо остро стоит вопрос предоставления жилых помещений, что напрямую влияет на социальную адаптацию, безопасность и будущее данных детей. Выявленные проблемы требуют комплексного подхода: усиления ответственности государственных и муниципальных органов, расширения правового сопровождения, внедрения прозрачных механизмов распределения жилья и развития инфраструктурной поддержки, такой как социальные гостиницы. Необходимым шагом также является правовое просвещение детей-сирот, которое позволит им быть активными участниками в защите собственных прав. В перспективе устойчивое и справедливое правоприменение в данной сфере возможно лишь при условии системных изменений, согласованных между государством, обществом и профессиональным сообществом.

Литература:

1. Григорьева А. Г. Реализация жилищных прав несовершеннолетних: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики // Теория и практика общественного развития, 2014. № 4. С. 231–233.
2. Жужгов И. В., Жуковский В. И. Отдельные особенности государственного регулирования, практической реализации и защиты имущественных прав детей, оставшихся без попечения родителей в России // Современное право России: проблемы и перспективы. — 2025.
3. Курманбаев М. М. Жилищные права несовершеннолетних // Право и практика. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhilischnye-prava-nesovershennoletnih>.

ИСТОРИЯ

Реконструкция ритуального текста Каскахальского блока и введение концепции кластерных граммем в контексте древнего письма

Кухаренко Олег Сергеевич, студент
Московский городской педагогический университет

В статье представлен новый подход к дешифровке древней ольмекской надписи, известной как Каскахальский блок. С использованием методов машинного зрения и кластерного анализа выполнена точная сегментация глифов, построен каталог символов, выделены повторяющиеся элементы и предложена структурная модель текста. В результате предлагается интерпретация надписи как ритуального текста с четкой логико-семантической структурой. Работа открывает новое направление в дешифровке древних мезоамериканских письменностей и может стать основой для дальнейших лингвистических исследований.

Ключевые слова: Каскахальский блок, ольмекская письменность, дешифровка, глифы, машинный анализ, ритуальный текст.

Каскахальский блок, обнаруженный в Мексике в 1999 году, представляет собой уникальный артефакт, предположительно связанный с ольмекской культурой. Его письменность долгое время оставалась нерасшифрованной. Несмотря на дискуссии о подлинности надписи, блок считается потенциально первым свидетельством письменности в Мезоамерике.

Цель исследования — применить современные методы визуального анализа и алгоритмы машинного обучения к структуре надписи с целью выделения повторяющихся глифов, построения логической структуры текста и предложения гипотетического перевода.

В исследовании использовался комплексный подход, сочетающий археологическую визуализацию, ручную сегментацию и алгоритмы машинного обучения. Анализ проводился поэтапно:

Первый этап — сбор и подготовка данных. Были отобраны наиболее информативные изображения блока, проведена ручная нумерация и сегментация каждого глифа по координатам. Каждый глиф был обрезан и нормализован до фиксированного размера (64×64 пикселя) с сохранением пропорций.

Второй этап — предобработка изображений. Применялись методы увеличения контрастности, фильтрации шума и бинаризации. Это позволило стандартизировать визуальные характеристики глифов для последующего машинного анализа.

Третий этап — кластеризация. С помощью алгоритма KMeans была произведена кластеризация всех 62 глифов на основе их визуального сходства. Для векторов при-

знаков использовалась растянутая матрица яркости пикселей. Оптимальное число кластеров (10) было выбрано эмпирически с учётом метода локтя и визуальной оценки групп.

Четвёртый этап — анализ распределения. Были определены частотные кластеры. Кластер 1 оказался самым многочисленным (10 глифов), что позволяет предположить его функциональную роль в тексте (например, структурный маркер или служебный элемент).

Пятый этап — позиционный анализ. Для каждого кластера выполнено сопоставление с его позициями в строках надписи. Надпись разделена на 5 строк, каждая из которых содержит от 12 до 16 глифов. Позиции глифов позволили выявить начальные, серединные и заключительные функции символов.

Шестой этап — семантическая реконструкция. На основе повторяемости и расположения символов предложена предварительная интерпретация текста как ритуального сценария. Кластеры 1 и 2 определяют структуру: первый — вероятно, вводные и служебные глифы; второй — обозначения ритуальных объектов или действий.

Седьмой этап — визуализация структуры. Построены матрицы распределения глифов, диаграммы частоты, а также визуальный перевод строк с гипотетическим смыслом.

Каскахальский блок представляет собой прямоугольную плиту с нанесённой на её поверхность системой символов, число которых составляет 62 уникальных глифа. Эти знаки варьируются от зооморфных и растительных

изображений до абстрактных геометрических форм, что характерно для мезоамериканской иконографии. Некоторые из них напоминают кукурузные початки, насекомых, сосуды, а также более абстрактные элементы вроде каплевидных и прямоугольных фигур. Главной особенностью надписи является горизонтальное направление строк, что нетипично для мезоамериканских письменностей, как, например, у майя. Также глифы не равномерно распределены: часть из них явно повторяется, другие — встречаются всего один раз. Эта особенность дала основания для предположения о наличии как служебных, так и уникальных глифов (например, имён собственных или ритуальных формул). Для дешифровки была выбрана методология, основанная на визуальном и позиционном анализе. В отличие от лингвистических подходов, предполагающих наличие слов и фонетики, данный проект акцентируется на повторяемости форм, их месте в структуре текста и возможной функции символов в пределах ритуального действия. Ключевым принципом дешифровки стал подход к глифам как к модулям ритуального высказывания, аналогичным строительным элементам формулы, а не буквам или словам в фонетическом алфавите.

После завершения этапов сбора, обработки и кластеризации глифов возникла необходимость перехода от абстрактного визуального анализа к осмысленной реконструкции значения надписи. Основной задачей на этом этапе стало установление логической взаимосвязи между повторяющимися символами и их позиционным распределением в тексте.

Для этого были проведены следующие действия:

— Построены частотные таблицы появления каждого глифа и его соответствующего кластера в разных строках текста.

— Выделены кластеры, наиболее представленные в начале, середине или конце строк, что позволило гипотетически определить их синтаксическую или ритуальную функцию.

— Проанализировано визуальное окружение наиболее частотных символов, что дало основания для выделения блоков, аналогичных фразам или логическим конструкциям.

— Установлено, что глифы кластера 1 чаще всего выступают в роли структурных элементов, возможно, выполняющих грамматические или ритуально-функциональные задачи, в то время как глифы кластера 2 представляют собой конкретные предметы обряда (жертвенные сосуды, маис и др.).

Дальнейшее сопоставление этих визуальных паттернов с известными структурами ритуальных текстов в других мезоамериканских культурах (в частности, у майя) позволило сформулировать интерпретационную модель, в которой текст Каскахальского блока представлен как ритуальное высказывание, организованное по логике обрядового сценария. Таким образом, дешифровка опиралась не на прямую фонетическую трактовку, а на структурный и контекстуальный анализ, подкреплённый статистической повторяемостью и визуальным сходством глифов.

Визуальный анализ распределения глифов по кластерам представлен на диаграмме ниже.

Она демонстрирует количественное соотношение глифов, отнесённых к различным кластерам, что подкрепляет гипотезу о наличии структурных и содержательных групп символов.

1. Составлен цифровой каталог из 62 уникальных глифов с визуальной стандартизацией, что впервые позволило применить метод машинного сравнения к данной письменности.

2. Проведена кластеризация с выделением 10 визуально однородных групп, среди которых особенно значимыми оказались кластеры 1 и 2.

3. Кластер 1, включающий 10 глифов, в основном располагается в начале строк и повторяется чаще других, что позволяет интерпретировать его как ритуальный или синтаксический маркер.

4. Кластер 2, представленный 6 символами, встречается преимущественно в середине текста и трактуется как репрезентация объектов обряда (маис, сосуды, инструменты).

5. Построена текстовая матрица с отображением распределения кластеров по позициям, что выявило закономерности композиции текста.

6. Сформирована модель синтаксической структуры текста: строка 1 содержит вводные формулы, строка 2 — подношения, строка 3 — подтверждение, строки 4 и 5 — титулы и завершение обряда.

7. Представлена первая гипотеза о полной семантической интерпретации надписи как завершённого ритуального высказывания с инициальной, операционной и сакральной функцией.

Предложенная интерпретация текста: Анализ распределения глифов и их кластеров позволяет выделить пять функциональных фрагментов, каждый из которых отражает определённый этап ритуала, зафиксированного на Каскахальском блоке:

1. Первая строка представляет собой введение в ритуал. Здесь, как можно предположить, происходит обращение к божествам или силам, открывающим доступ к обряду. Повторение глифов из кластера 1 указывает на формульный характер этого фрагмента.

2. Вторая строка сосредоточена на ритуальных дарах. Наличие глифов, интерпретируемых как изображения сосудов и маиса, позволяет говорить о жертвоприношении и подготовке церемониальных предметов.

3. Третья строка, наиболее краткая, вероятно, фиксирует момент принятия или отклика на жертвоприношение. Возможно, это сакральный момент подтверждения, присутствующий во многих религиозных обрядах.

4. Четвёртая строка может содержать имена действующих лиц обряда: жреца, правителя или инициатора. Глифы здесь визуально выделяются и не повторяются

в других строках, что подтверждает их индивидуализированный характер.

5. Пятая строка — заключительная часть, где, по всей вероятности, формулируется сакральное завершение действия: закрепление результатов и восстановление космического порядка.

Примерный художественный перевод текста (реконструкция):

Строка 1: «Во имя великого цикла, да начнётся путь. Мы открываем врата, жертвуя маис и дыхание».

Строка 2: «Да будут принесены сосуды, полные силы. Трижды прольём дары в присутствии духа».

Строка 3: «Свет снизошёл. Дар принят. Благословение получено».

Строка 4: «[Имя жреца] произнёс слова. [Имя правителя] утвердил закон. Вождь запечатлел обряд».

Строка 5: «Путь завершён. Дух в порядке. Да пребудет цикл».

Этот художественный перевод основан на структуре, повторяемости и предполагаемой ритуальной природе текста. Он призван не столько точно передать содержание, сколько продемонстрировать логическую и символическую целостность послания, зашифрованного в глифах Каскахальского блока.

Анализ Каскахальского блока на основе визуально-структурного, алгоритмического и ритуально-семантического подходов позволяет утверждать наличие у ольмеков ранней организованной письменной системы. Введено понятие кластерных граммем как повторяющихся графических модулей, выполняющих устойчивые функциональные роли в структуре текста. Применённая методология демонстрирует возможность дешифровки нефонетических систем через статистику, визуальное сходство и контекстуальную реконструкцию. Это открывает новые перспективы для изучения доклассических письменностей Мезоамерики и их культурной интерпретации.

Литература:

1. Harris R. Signs of Writing. — London: Routledge, 1996. — 208 p.
2. Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. — М., 2002.
3. Кнорозов Ю. В. Система письма древних майя: (Опыт расшифровки). — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — 95 с.
4. Табарев А. В. Древние ольмеки: история и проблематика исследований. — Новосибирск, 2005.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Идеологическая эволюция антиглобалистского движения: от протеста к альтернативной модели глобализации

Банько Ксения Александровна, студент

Научный руководитель: Решетникова Людмила Михайловна, кандидат исторических наук, доцент
Волгоградский государственный университет

Статья посвящена анализу идеологической трансформации антиглобалистского движения. Раскрываются этапы его развития от протестной активности к формированию альтернативной модели глобализации, основанной на принципах социальной справедливости, устойчивого развития и демократизации глобального управления.

Ключевые слова: антиглобализм, глобальная справедливость, идеология.

Конец XX — начало XXI века стали эпохой стремительного усиления процессов глобализации, сопровождавшихся ростом транснациональных экономических и политических структур, стандартизацией культур и эрозией национальных суверенитетов. На этом фоне в мировой повестке обозначилось антиглобалистское движение, позиционирующее себя как форма сопротивления неолиберальному варианту глобализации, реализуемому в интересах крупного капитала. Первоначально антиглобализм воспринимался как реакция — уличный протест, радикальная критика и попытка дестабилизации международного порядка. Однако в ходе своего исторического развития движение прошло путь от эмоционально заряженного протеста к выработке собственной идеологической платформы, нацеленной на создание альтернативной модели глобального развития.

В современных условиях антиглобализм уже не ограничивается спонтанными выступлениями против саммитов G7 или ВТО. Он включает в себя устойчивые организационные формы, международные альянсы, научную рефлексию, цифровую инфраструктуру и идеологические проекты. Это требует пересмотра традиционного подхода к трактовке движения и анализа его как полноценного идеологического конструкта, имеющего собственную концепцию будущего мироустройства.

Цель данной статьи — проследить эволюцию идеологических основ антиглобалистского движения от его протестной фазы к формированию альтернативной модели глобализации.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

— выявить ключевые этапы формирования идеологии антиглобализма;

— охарактеризовать основные ценности и цели движения на современном этапе;

— проанализировать формы институционализации антиглобалистских инициатив;

— определить роль сетевых и цифровых форм взаимодействия в процессе идеологического оформления движения;

— показать, каким образом антиглобализм артикулирует альтернативную модель глобального развития.

Теоретическая основа анализа антиглобалистского движения опирается на разработки в рамках социологии социальных движений, критической теории глобализации, а также постмарксистского и постструктуралистского дискурса. Существенный вклад в концептуализацию антиглобализма внесли А. Турен, М. Кастельс, А. Мелучи, которые рассматривали современные протестные движения как выражение не столько классовых интересов, сколько культурных и идентичностных запросов [1, с. 20].

Ранний этап развития антиглобализма (1990-е гг.) был преимущественно протестным. Он характеризовался стихийной мобилизацией против институциональной архитектуры неолиберальной глобализации — Всемирной торговой организации, МВФ, Всемирного банка. Ключевыми формами выражения недовольства были уличные акции и блокировки, наиболее яркой из которых стал протест в Сиэтле в 1999 году [2, с. 21].

На этом этапе движение отличалось высокой степенью фрагментации и идейной разнородности. В нем участвовали представители самых разных политических течений — от социалистов и анархистов до экологов и правозащитников. Однако уже тогда стало очевидным наличие у протестующих общей ценностной платформы, основанной на критике неравенства, эксплуатации, при-

ватизации общественных благ и недемократичности глобальных институтов.

Следующий этап, начиная с 2000-х годов, ознаменовался переходом от чисто протестных форм к выстраиванию инфраструктуры альтернативной глобализации. Возникают международные инициативы, такие как АТТАС (Association for the Taxation of Financial Transactions and for Citizens' Action), Всемирный социальный форум, сетевые коалиции неправительственных организаций и гражданских инициатив [3, с. 34]. Эти структуры ориентированы не только на сопротивление, но и на созидание: они предлагают модели глобального порядка, в основе которого лежит социальная справедливость, участие снизу и устойчивое развитие.

Особую значимость приобретает концепция «множества», предложенная М. Хардтом и А. Негри. В противоположность централизованным формам сопротивления, «множество» представляет собой децентрализованную совокупность субъектов, объединённых идеей кооперации и справедливости. Это идеологическое ядро стало определяющим для сетевого характера современных антиглобалистских движений.

На современном этапе антиглобалистское движение представляет собой не только протестную силу, но и идеологически зрелое направление, обладающее системными представлениями о будущем глобального порядка. Его ядро составляет ценностный комплекс, в основе которого лежат идеи социальной справедливости, экологической устойчивости, демократического участия и культурного многообразия. Эти принципы противопоставляются фундаментальным установкам неолиберальной глобализации — конкуренции, свободному рынку, приоритизации прибыли и централизованному управлению [1, с. 35].

Помимо вышеуказанного, важной целью является защита и восстановление общественных благ. В условиях, когда процессы глобализации привели к коммерциализации образования, здравоохранения, культуры и природных ресурсов, антиглобалисты выступают за их деприватизацию и возвращение под контроль общества. Отсюда особое внимание к международным соглаше-

ниям, таким как ТРИПС и ГАТС, способствующим транснациональной приватизации [3, с. 34].

Значительное место занимает и экологическая повестка, которая рассматривается не как отдельная проблема, а как системный элемент критики капиталистической модели развития. Антиглобалисты настаивают на необходимости построения экономики, ориентированной на устойчивое использование ресурсов, сокращение выбросов и сохранение биоразнообразия. В этом контексте движение активно взаимодействует с представителями «зелёной» идеологии, экологических НКО и международных природоохранных платформ [1, с. 36].

Важнейшим структурным элементом антиглобализма остаётся его сетевая модель. В отличие от традиционных иерархических движений, антиглобалистское пространство организовано по принципу горизонтальной самоорганизации. Коммуникации осуществляются в основном через цифровую среду: сайты, рассылки, чаты, форумы и платформы совместной разработки стратегий. Такая децентрализация делает движение гибким, устойчивым к внешнему давлению и способным быстро адаптироваться к меняющимся условиям [4, с. 21].

Таким образом, современный антиглобализм — это не столько сопротивление, сколько проект нового глобального порядка, альтернативного доминирующей экономической и политической модели. Он выражает собой идеологическое стремление к инклюзивному, справедливому и устойчивому миру, в котором глобальные процессы подчинены общественным интересам, а не логике прибыли. Идеологическое становление антиглобалистского движения отражает закономерный сдвиг в глобальной политике — от доминирования неолиберальных установок к поиску альтернативных моделей, основанных на участии, справедливости и устойчивом развитии.

Анализ показывает, что современный антиглобализм не сводится к маргинальному сопротивлению, а выступает в качестве одной из форм формирования нового миропорядка. Его потенциал — в способности объединять разнообразные социальные силы и формулировать альтернативные принципы глобального взаимодействия, ориентированные не на эксплуатацию, а на кооперацию.

Литература:

1. Сащeko P. C. Либертарианская модель экономической системы: генезис, эволюция, перспективы // Журнал БГУ. Философия. Психология. — 2021. — № 2. — С. 29–36.
2. Прохоренко И. Л. Идентичность в условиях трансформации миропорядка: дискурсы и нарративы // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. — 2023. — № 4. — С. 67–84.
3. Кучерова Ю. В. Глобализация и протестные политические движения: «сети сетей» в рамках антиглобалистского и альтерглобалистского движения // Актуальные проблемы и достижения в общественных науках: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. — Самара: ИЦРОН, 2015. — Вып. II. — С. 20–22.
4. Хардт М., Негри А. Империя. — М.: Логос, 2004. — 576 с.

Гуманитарное сотрудничество стран БРИКС в меняющемся мире

Булавина Елена Алексеевна, студент;
Кузнецова Ульяна Валерьевна, студент;
Кравец Анастасия Дмитриевна, студент;
Симакова Александра Юрьевна, студент;
Нефедова Полина Эдуардовна, студент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматривается гуманитарное сотрудничество БРИКС — сложное и многоплановое взаимодействие, которое становится неотъемлемой частью глобальной политики, особенно в период становления современного мирового порядка, когда все чаще возникают вопросы, требующие коллективных действий и совместных усилий.

Ключевые слова: БРИКС, гуманитарное сотрудничество, цифровизация, международное сотрудничество, дипломатические отношения.

С момента официального запуска в 2009 году объединение стран БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР, а также новые участники — Иран, Египет, Эфиопия, Объединенные Арабские Эмираты (с 2024 года) и Индонезия (с 2025 года) — ведет последовательную работу по созданию не только экономических, но и гуманитарных связей. Ключевыми аспектами в них являются обмен знаниями и опытом, сотрудничество в области здравоохранения, образования и культуры, а также жизненно важный фактор в установлении дипломатических отношений и построении устойчивых и многополярных международных отношений. Гуманитарное сотрудничество стран БРИКС не ограничивается лишь обменом гуманитарной помощью, представляя собой сложную и многослойную работу, в основе которой лежит принцип взаимного уважения и равноправия. В последние годы, в условиях глобальных перемен, таких как пандемия COVID-19, природные катаклизмы и обострение геополитических противоречий (особенно после 2022 года), гуманитарное сотрудничество стало не только ключевым инструментом межгосударственного взаимопонимания, но и фактором, способствующим общей глобальной безопасности. В связи с этим необходимо рассмотреть не только достижения государств БРИКС, но и проблемы, с которыми страны-участницы столкнулись при налаживании гуманитарного сотрудничества. Гуманитарное сотрудничество стран БРИКС начало развиваться в том числе и в ответ на международные вызовы, с которыми сталкивались развивающиеся страны. С момента своего формирования межгосударственное объединение БРИКС поставила перед собой амбициозную задачу не только улучшить экономические отношения между государствами, но и создать такую модель взаимосодействия, которая основывалась бы на принципах справедливости и солидарности. Понимание гуманитарного сотрудничества, как части внешней политики стран БРИКС, приобрело особую значимость в последующие годы, когда стало очевидным фактом необходимости в проведении данной политики.

Первая встреча глав государств в контексте полноформатного саммита БРИК в 2009 году стала знаковой (до 2009 г. налаживание политических взаимосвязей в рамках БРИК началось еще в сентябре 2006 г.), поскольку не желала ограничиваться экономическим сотрудничеством, но и начала работу над развитием проектов в области образования, культуры и здравоохранения [1]. Так, гуманитарные вопросы стали занимать все более важное место в официальной повестке дня и на встречах лидеров. Дополнительный акцент был сделан на создании механизмов обмена опытом и диалога, на которых представители стран могли бы обсуждать актуальные глобальные проблемы и искать совместные пути их решения. Уже тогда стало очевидным, что для стран БРИКС важно не только экономическое, но и культурное взаимопонимание, что способствовало бы установлению устойчивых отношений между государствами. Гуманитарное сотрудничество в формате БРИКС превратилось в своеобразную площадку, где можно преодолеть границы между государствами и навести мосты между разными культурами и системами власти, благодаря открытой и гибкой модели сотрудничества, основанной на уважении к различиям в культуре и истории, а также на общих интересах в области устойчивого развития.

К началу 2010-х годов БРИКС уже имел очерченные направления гуманитарного сотрудничества, которые все больше наполнялись конкретным содержанием с последующими годами. Одним из важнейших этапов стало создание в ноябре 2015 года **Сети университетов БРИКС (СУ БРИКС)** [2]. Этот проект продемонстрировал готовность стран БРИКС к разработке общих образовательных программ, обеспечению мобильности студентов и преподавателей, развитию научных проектов, связанных с устойчивым развитием и другими вопросами. В целом, организация образовательных и научных обменов стала важной вехой в развитии более тесных и доверительных отношений между странами в обеспечении взаимного обмена имеющихся знаний и технологий. Не менее значимым стал и культурный обмен, который также отражает часть стратегии БРИКС. В 2017 году был проведен

первый Международный Фестиваль театральных школ стран БРИКС+ [3], который стал ярким примером того, как культура может быть использована в качестве инструмента дипломатии и средства укрепления международных связей. Фестиваль продемонстрировал не только разнообразие культур стран-участниц, но и готовность к диалогу и сотрудничеству в области искусства, что является путем к взаимопониманию и развитию доверия в международных делах, что стало важным шагом на пути развития культурных связей и борьбы с предвзятыми стереотипами, которые могут возникнуть между странами с несхожим социокультурным фоном. После 2011 года особое внимание было уделено сектору здравоохранения в связи с растущими угрозами со стороны глобальных эпидемий, таких как ВИЧ/СПИД, туберкулез и, позднее, COVID-19, страны БРИКС начали интенсивное сотрудничество в области медицинской науки и здравоохранения. Касаемо общезначимого, то в 2022 году под председательством Китая был открыт **Центр вакцин БРИКС**, который стал полезным элементом для обмена знаниями и передовым опытом в целях укрепления потенциала производства вакцин и развития сотрудничества стран БРИКС в области здравоохранения [4].

Можно сказать, что современный этап гуманитарного сотрудничества стран БРИКС отличается от предыдущих более активным участием государств в коллективных усилиях по решению общих проблем. В последние несколько лет особое внимание уделяется борьбе с пандемией COVID-19, которая стала одним из главных приоритетов в глобальном контексте, и, учитывая трудности пандемии и повышенную осведомленность, страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) совместно запустили **журнал The BRICS Health Journal (2024)** [5], который стал важной частью сотрудничества стран в области здравоохранения — эта инициатива стала прекрасным примером обмена результатами исследований и опытом в области борьбы с COVID-19 и вакцинации, цифрового здравоохранения, профилактики и борьбы с туберкулезом. Есть все основания полагать, что совместные усилия позволят ускорить научные исследования, организовывать обмены медицинскими ресурсами и оборудованием, а также обеспечить доступ развивающихся стран к вакцинам и знаниям, что существенно снизило бы последствия пандемии и влияние последующих проблем на страны БРИКС. В сфере образования страны БРИКС интенсивно работают над двусторонними и многосторонними инициативами научно-образовательного сотрудничества. Среди них — **Лига университетов БРИКС** (с 2013 года), объединяющая ведущие учебные заведения стран-участниц для внедрения совместных образовательных и исследовательских инициатив [6]. Этот проект важен для обмена знаниями и опытом, особенно в области устойчивого развития, науки и технологий. Преподаватели и студенты стран БРИКС могут принимать участие в совместных исследованиях, а также в международных конференциях и форумах, что способствует расширению

сотрудничества и подготовке будущих специалистов, способных работать в условиях глобальных вызовов.

Несмотря на значительные успехи, гуманитарное сотрудничество стран БРИКС сталкивается с рядом сложностей, которые необходимо преодолеть для того, чтобы данное направление было более эффективным и долговременным. Одной из основных проблем является неравномерность в развитии различных направлений сотрудничества, обусловленная различиями в уровне экономического развития и социальных стандартов стран-участниц. В отдельных случаях страны сталкиваются с трудностями в координации своих усилий на многостороннем уровне, что затрудняет реализацию масштабных проектов. Кроме того, ограниченные финансовые ресурсы остаются существенным препятствием для реализации многочисленных гуманитарных программ с высокими инвестиционными потребностями, особенно в Южной Африке, Эфиопии и Египте. В условиях глобального экономического кризиса и нестабильности на международных рынках для дальнейшего развития гуманитарных программ необходимы новые источники и идеи финансирования. Но примечательно то, что перспективы гуманитарного сотрудничества стран БРИКС напрямую связаны с развитием взаимодействия в области образования, науки, здравоохранения и цифровизации. Для развития эффективного сотрудничества необходимо усилить координацию между государствами, активнее вовлекать их в международные программы и обеспечивать адекватное необходимое финансирование для реализации совместных проектов, улучшая взаимодействие с международными организациями, работающими в области гуманитарной помощи и устойчивого развития, с целью повышения эффективности и устойчивости совместных программ.

Как ранее уже было отмечено, в современных условиях реформирования миропорядка возникла необходимость выработки новых моделей международного гуманитарного сотрудничества между государствами. В частности, такая потребность возникает у стран БРИКС, которые, несмотря на их общее стремление к экономическому процветанию, сталкиваются с рядом препятствий, ограничивающих их взаимодействие в сфере образования и науки. В ответ на эти вызовы, возникает идея **создания коммуникативной платформы гуманитарного сотрудничества БРИКС** — онлайн-пространства, призванного объединить ведущие университеты, исследовательские центры, культурные и образовательные организации, а также крупные компании стран-участниц. Этот амбициозный проект был бы направлен на обеспечение многостороннего сотрудничества в гуманитарной сфере, предоставление возможностей для образования, обмена знаниями и создания совместных исследовательских коллабораций, несмотря на ограничения, связанные с физическим присутствием и глобальными геополитическими сложностями, которые зачастую и служат ограничительными факторами. Платформа, в свою очередь, представляла бы собой не просто цифровое пространство, а целую

образовательную и научную сеть, ориентированную на долгосрочное развитие межгосударственного и межкультурного обмена, стремясь создать уникальную платформу, в рамках которой все желающие пользователи смогли бы обмениваться не только знаниями и опытом, но и взаимодействовать в реальном времени, преодолевая существующие барьеры. В отличие от других моделей массовых открытых онлайн-курсов и проектов, платформа гуманитарного сотрудничества БРИКС фокусировалась бы на уникальных особенностях стран-участниц БРИКС, их культуре и образовании, предлагая программы высокого уровня с международным стандартом и репутацией.

Одним из основополагающих принципов, заложенных в концепцию платформы, является создание **цифровых исследовательских лабораторий**, где участники не только смогут заниматься научной деятельностью, но и организовывать коллективные усилия по реализации проектов, благодаря чему автоматически возникнут эффективные межкультурные рабочие группы, достойные внимания мировой общественности. Эти виртуальные лаборатории могли бы стать местом для создания и проведения различных исследований по актуальным глобальным проблемам (вопросы устойчивого развития, международной безопасности, цифровизации и др.) По сравнению с традиционными научными платформами, эти лаборатории объединили бы людей не только наукой, но и стремлением преодолевать географические и политические границы, создав тем самым новый тип амбициозного взаимодействия между странами БРИКС. Создание отдельных курсов по направлениям исследований и учебных курсов, ориентированных на специфику развивающихся экономик, поможет сформировать более гибкие и актуальные образовательные траектории. Эти курсы, помимо предоставления пользователям возможности получения международных дипломов, дадут возможность обучения в рамках взаимных образовательных проектов, повышая качество образования и открывая доступ к нему.

Обобщая вышесказанное, этот веб-портал стал бы инструментом, который не только открывал ворота для до-

ступа к качественному образованию и исследованиям, но и создавал новый тип сотрудничества на основе равенства и взаимопонимания. Учитывая политические и экономические процессы на мировой арене, преодоление множества препятствий на пути многих государств, включая санкции, проект выступает не только образовательным, но и значимым в процессе активизации дипломатических отношений. Основанием для дальнейшего долгосрочного сотрудничества в целях содействия общему развитию является преодоление географических и культурных ограничений и обеспечение беспрепятственного обмена знаниями и информацией между странами БРИКС. Долгосрочное видение проекта заключается не только в создании платформы для обмена знаниями, но и в формировании нового устойчивого сообщества, в котором академические институты, исследовательские центры, бизнес и другие заинтересованные стороны смогли бы активно участвовать в глобальных гуманитарных акциях, решать проблемы и двигаться вперед к прогрессу и устойчивому развитию.

Таким образом, **коммуникативная платформа БРИКС** стала бы важным и необходимым шагом в цифровизации гуманитарного взаимодействия, укреплении научных связей и обеспечении мобильности знаний в условиях глобальных вызовов. Это не просто технологический проект, а важная часть в создании нового типа сотрудничества в глобальном масштабе, которое будет направлено на совместное реагирование на глобальные проблемы, исходя из интересов и особенностей развивающихся стран, поскольку гуманитарное сотрудничество стран БРИКС в последние годы приобрело важнейшее значение в формировании нового многополярного мирового порядка, и совместные усилия стран в области образования, здравоохранения, культуры и цифровизации не только укрепляют связи между государствами-членами, но и играют ключевую роль в решении глобальных проблем. Развитие гуманитарной деятельности в рамках БРИКС является необходимым шагом на пути к созданию справедливого и устойчивого международного порядка, в котором главное внимание будет уделяться равенству и взаимной поддержке.

Литература:

1. Joint Statement of the BRIC Countries' Leaders (Yekaterinburg, Russia, June 16, 2009) / [Электронный ресурс] // © 2016. University of Toronto unless otherwise stated: [сайт]. — URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/090616-leaders.html> (дата обращения: 05.04.2025)
2. Меморандум о взаимопонимании о создании сетевого университета БРИКС / [Электронный ресурс] // 2009–2025 BRICS: [сайт]. — URL: <https://infobrics.org/files/pdf/112.pdf> (дата обращения: 07.04.2025)
3. Международный фестиваль театральных школ стран БРИКС / [Электронный ресурс] // BRICS Festival: [сайт]. — URL: https://bricsmoscow.ru/#festival_info (дата обращения: 07.04.2025)
4. Открытие Центра БРИКС по исследованию и разработке вакцин 22 марта 2022 г / [Электронный ресурс] // © Content Owned by Embassy of India in Moscow: [сайт]. — URL: <https://indianembassy-moscow.gov.in/ru/press-releases-22-03-2022.php> (дата обращения: 07.04.2025).
5. The BRICS are a group of leading emerging economies. / [Электронный ресурс] // The BRICS Health Journal: [сайт]. — URL: <https://www.bricshealthjournal.com/jour> (дата обращения: 07.04.2025).
6. Network of new opportunities / [Электронный ресурс] // © BRICS NETWORK UNIVERSITY: [сайт]. — URL: <https://nu-brics.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).

Интеграция России и Белоруссии в рамках Союзного государства

Пикалов Дмитрий Сергеевич, студент;

Высочкина Анастасия Александровна, студент

Научный руководитель: Пазына Евгений Олегович, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется уровень интеграции Союзного государства России и Белоруссии. Авторы приходят к мнению, что предстоит много работы по обеспечению эффективному функционированию Союзного государства.

Ключевые слова: Союзное государство, интеграция, ЕС, СНГ, экономическое сотрудничество.

Республика Беларусь является главным партнером Российской Федерации на международной арене. Дружба народов данных стран имеет многовековую историю. В целях плодотворного экономического сотрудничества 8 декабря 1999 году был подписан договор о создании Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь (далее — Договор) [7].

Согласно Договору, Союзное государство является светским, демократическим, социальным, правовым государством, в котором признаются политическое и идеологическое многообразие [2]. Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь имеет свой герб, флаг, гимн, а также другие атрибуты государственности.

Союзное государство России и Белоруссии прежде всего сконцентрировано на экономическом сотрудничестве. Так, в первом полугодии 2024 года товарооборот между Белоруссией и Россией составил свыше 25 миллиардов долларов [6]. Для граждан появление такого Союзного государства является положительным, поскольку они могут безвизово перемещаться между странами, обладают равными правами, признаются документы об образовании и т. д. Как верно отмечает И. А. Шведков, сотрудничество между Белоруссией и Россией строится на основе долгосрочных стратегических интересов, включая экономику, политику, оборону, культуру и образование [3].

Л. В. Пакуш и Н. П. Панасюга выделяют следующие основные направления деятельности Союзного государства: создание единых рынков в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, транспорте; устранение всех барьеров во внутренней торговле; сближение социальных гарантий; новая логистика [4, с. 39].

Рассматривая союз России и Белоруссии в международном аспекте, можно отметить, что на международной арене нет подобного аналога. Стоит согласиться с тем, что Союзное государство России и Белоруссии ничего не имеет общего с Европейским Союзом и Содружеством Независимых Государств (далее — СНГ). Как верно отмечает З. Б. Гадаборшева, Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь является конфедерацией с признаками унии, напоминая Австро-Венгрию, а Европейский Союз — глубокая конфедерация, стремящаяся к федерации [5, с. 224–225]. По мнению автора реализация соглашений об объединениях в Европейском Союзе соблюдается в полной мере, в то время как в Со-

юзном Государстве лишь частично, поскольку многие положения, утвержденные в Договоре, не имеют ничего общего с реальной действительностью. Страны, входящие в Европейский Союз, являются полноправными субъектами, а Республику Беларусь следует рассматривать как крупного партнера Российской Федерации. На наш взгляд, отличием Союзного государства от СНГ в том, что последнее сконцентрировано на международном взаимодействии, в то время как Союзное государство на укреплении интеграции двух стран.

В подтверждение вышесказанного о неполной интеграции следует отметить, что в ст. 13 Договора указано о единой денежной валюте, однако на сегодняшний день она не разработана. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко считает, что это должен быть не российский и не белорусский рубль [8]. Тем не менее, в ст. 1 «Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Белоруссия о введении единой денежной единицы и формировании единого эмиссионного центра Союзного государства» [1] говорится о том, что именно российский рубль является единой денежной валютой Союзного государства с 2005 года. По нашему мнению, в ближайшем будущем невозможно создать новую единую денежную валюту между данными странами, поскольку экономика Российской Федерации может потерпеть неблагоприятные последствия в связи с отменой настоящей валюты. На наш взгляд, единственным правильным решением в данном случае следует признать единой денежной валютой рубль Российской Федерации. Положительными моментами будет являться укрепление российского рубля в международном рейтинге валют, упрощение денежного перевода между государствами.

Другим направлением положений Договора, которое пока остается невыполненным, является то, что не все органы Союзного государства действуют. Так, по Договору органами власти Союзного государства являются: Высший Государственный Совет, Парламент, Совет Министров, Суд, а также Счетная палата. Тем не менее, до сих пор не созданы Суд, а также Счетная палата в виду разногласий о их функционировании.

По нашему мнению, создание Союзного государства обусловлено не только тем, чтобы скрепить дружественные народы Белоруссии и России, но и также в будущем, руководствуясь полученным опытом, на базе

стран Содружества Независимых Государств создать большой политический противовес Европейскому Союзу, желающему подорвать политическое пространство постсоветских стран. Так, например, одной из целей Союзного государства является развитие СНГ, предметом совместного ведения является проведение согласованного курса на укрепление СНГ. Можно отметить, что другое госу-

дарство, в том числе из стран СНГ, может вступить в Союзное государство, выполнив определенные условия.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод о том, что полностью говорить о полной интеграции России и Белоруссии неправильно. Многие положения Договора всё еще не исполнены. Предстоит еще большая работа по укреплению Союзного государства.

Литература:

1. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Белоруссия о введении единой денежной единицы и формировании единого эмиссионного центра Союзного государства // Собрание законодательства Российской Федерации. — 06.08.2001. — № 32. — ст. 3320; Бюллетень международных договоров. — № 10. — 2001.
2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» // Российская газета. — № 21. — 29.01.2000.
3. Шведков И. А. Интеграционные процессы между Российской Федерацией и Республикой Беларусь // Вестник науки. — № 5 (74). — том 4. URL: <https://www.xn—8sbempclcw3bmt.xn—p1ai/article/14850> (дата обращения: 03.04.2025).
4. Пакуш, Л.В., Панасюга, Н. П. Союзные программы России и Беларуси: магистральные направления // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. — 2023. — С.37–40.
5. Гадаборшева, З. Б. Правовые статусы Европейского Союза и Союзного Государства: сравнительный анализ // Вопросы российского и международного права. — 2022. — Том 12. — № 1А. — С. 218–228.
6. Беларусь и Россия укрепляют общее экономическое пространство Союзного государства // Официальный интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/568/121194/> (дата обращения: 03.04.2025).
7. История союзного государства // Официальный сайт Постоянного комитета Союзного государства. URL: <https://xn—clangbpdf.xn—p1ai/historysg/> (дата обращения: 02.04.2025).
8. Путин: для создания единой валюты с Белоруссией нужно созреть // Официальный сайт Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6807281> (дата обращения: 03.04.2025).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 17 (568) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 07.05.2025. Дата выхода в свет: 14.05.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.